

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Поршнев Б., проф. МГУ — Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну	3
Грацианский Н., проф. МГУ — Карл Великий и славяне	21

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Водолагин М. — Народное сталинградское ополчение	28
Юраго М. — Борьба за восстановление промышленности Петрограда (1921—1923)	34
Рындзюнский П. — Кутузов в Тарутинском лагере	39
Попов М. — Азовская оборона	46
Сказкин С., проф. МГУ — Фридрих II после Кунерсдорфа	51
Воронин Н., проф. — О восстановлении древнерусских городов	57

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

О перспективном плане в области исторической науки	60
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Тихомиров М., проф. МГУ — Державин Н. С. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов	76
Окунь С., проф. МГУ — Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.	77
Ф. К. — Шевиньи Г. Хозяин Аляски	79
Сидоров А., проф. МГУ — Шахдинский. Али Ага. Мои воспоминания	81
Бретоницкий Л. — Левиатов. Памятники азербайджанской культуры	83
Колесников И., проф. — Черепнин. Русская метрология	84

ХРОНИКА

Альтман В. — Чествование памяти Вольтера в Академии наук СССР. Королюк В. Сессия в Московском государственном ордена Ленина университете имени М. В. Ломоносова, посвященная истории западных и южных славян	86
С. И. Мицкевич	93

ПОПРАВКИ

В № 12 «Исторического журнала» за 1944 год в статье Е. Юровской следует читать: стр. 25, правая колонка, строка 23 снизу — Бель-Илля; стр. 25, правая колонка, строка 22—23 снизу — Нимфенбурге; стр. 27, сноска 2—1746 г. Доклад Бестужева; стр. 27, правая колонка, строка 25 сверху — Мاستрихт; стр. 28, правая колонка, строка 8 сверху — Только с 1753 г.; стр. 28, сноска 8 — 1893 год; стр. 31, правая колонка, строка 10 снизу — Ковно.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский.
Б. М. Волин.
И. А. Кудрявцев.
И. И. Миц.
А. М. Панкратова.
С. И. Гопнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04.
А5463. Изд. № 201. Зак № 203. Тираж — 20 000.
Подписано к печати 26/III 1945 г. 6 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

СТАТЬИ

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ВСТУПЛЕНИЕ ШВЕЦИИ В ТРИДЦАТИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ.*

Проф. МГУ Б. Поршнев

1628—1629 годы — рубеж в развитии Тридцатилетней войны. Первый этап закончился почти полной победой императора и католической реакции внутри Германии. Теперь вся Европа стоит перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Империи и Испании. К этому габсбургско-католическому блоку тесно примыкает также Польша. Остальные государства Европы встревожены развёртывающейся агрессией, и в 30-х годах мы увидим их уже сплотившимися в широкую антигабсбургскую коалицию, которая и повернёт ход Тридцатилетней войны. Смутные контуры этой будущей коалиции были заметны ещё в так называемый датский период (1624—1628), но два главных её участника — Франция и Швеция — в то время находились на заднем плане.

Однако именно этим двум государствам грозила непосредственная опасность: Франции — удушение в кольце габсбургских гладений¹, которое она при Ришелье дважды пыталась разорвать в Италии — в 1624 и в 1628 гг. (войны за Вальтеллину и за мантуанское наследство); Швеции — утеря балтийского господства и восстановление на шведском престоле католика Сигизмунда III польского руками его родственников и союзников — Габсбургов.

В роли организатора всеевропейской антигабсбургской коалиции выступил Ришелье. Он ещё в 1624—1625 гг. выдвинул мысль, что губительной для Империи была бы только война на два фронта, тиски между двумя армиями, и при посредстве голландцев

* Основная часть настоящей статьи представляет собой главу из подготавливаемой автором книги «Тридцатилетняя война и Вестфальский мир». Роль Московского государства в истории Тридцатилетней войны, игнорируемая западноевропейскими историками, освещена и в других главах этой книги, там, где говорится о международном положении до войны, о шведском периоде войны, о кризисе 1644—1645 гг. и о международных последствиях войны.

¹ Новейшие исследования единодушно отвергают традиционный тезис немецких историков об агрессивности политики Ришелье в Тридцатилетней войне. См. Bellef E. «Recent studies on the Thirty years war». «The Journal of Modern History». Vol. III, № 1, March 1931.

пытался осуществить эту идею, двинув на Германию с северозапада Данию, с северо-востока — Швецию. Но тогда же этот план сорвался из-за отказа шведского короля Густава-Адольфа начать войну в Империи, прежде чем он не покончит войну с Польшей за балтийское побережье, принадлежавшее Польше, за Ливонию и Пруссию. Эта война, давняя, затихшая было в 1622—1624 гг. снова разгорелась с 1625 года². Несмотря на все уговоры Густав-Адольф оставался непреклонным в своём отказе. Это, между прочим, на время расхолодило и Ришелье и способствовало тому, что он даже стал было искать сближения с Габсбургами, но вскоре должен был убедиться в губительности такого пути для Франции.

Таким образом, на долю Швеции выпала совершенно исключительная, ключевая роль в развитии Тридцатилетней войны. Не столько по своей силе, сколько по своему стратегическому положению Швеция оказалась вершителем судеб Европы. Англия и Дания в конце 20-х годов вышли из игры. Франция против Испании имела превосходного союзника в лице Голландии, но против Империи союзника не имела несмотря на напряжённые дипломатические усилия. Турция была слишком овлана вранскими делами, и повернуть её против Империи французской дипломатии так и не удалось до конца Тридцатилетней войны.

Иное дело Швеция: она сама мечтала ринуться на Империю, так как с нарастающей трезогой следила за габсбургско-католическими приготовлениями к «похищению Европы». Король Густав-Адольф, «отнявший море», по его собственным словам, у Московского государства по Столбовскому миру 1617 г. и приближавшийся к тому же результату в ожесточённой войне с Речью Посполитой, беспокойно озирался на Габсбургов, готовых лишить его не только всех приобретений, но и короны. Император, по его словам, «метил в самое сердце шведского государства»³.

² Основным источником по истории этой войны является сочинение современника, бургомистра г. Эльбинга. J. Норре «Geschichte des erstens schwedisch-polnischen Krieges in Preussen». Herausgegeben von M. Тоеррен. 1687.

³ Форстен Г. «Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях». Т. II, стр. 304, 1894.

Но повернуть оружие против Империи, не окончив войны с Польшей, было бы, по мнению Густава-Адольфа, безумием, о чём он сообщил ещё в 1626 г. английским, голландским и бранденбургским дипломатам. Впрочем, Густав-Адольф был убеждён в возможности быстро достигнуть окончательного разгрома поляков.

Однако в габсбургском лагере тоже видели эту перспективу. Валленштейн смертельно боялся вмешательства Густава-Адольфа в войну в Германии. Ещё на Брюссельском конгрессе габсбургской коалиции в 1626 г. было решено оказывать Польше тайную военную помощь, чтобы связать силы Швеции. С 1627 г. значительная часть армии Валленштейна находилась в Померании, чтобы оттуда помогать полякам; в портах Померании сжигались шведские корабли и пр. В 1629 г. 10-тысячный корпус под командованием Арнима действовал в Пруссии совместно с войсками Сигизмунда III против шведов. Таким образом, план Густава-Адольфа быстро окончить войну с Польшей был сорван. Но уже в 1628 г. и Густав-Адольф втянулся в небольшой мере в войну с императором, оказав сильную помощь осаждённому померанскому порту Штральзунду, в союзе с датчанами, против армии Валленштейна.

Это событие окрылило Ришелье новыми надеждами и придало новую энергию его дипломатии. Правда, сохранить в антигабсбургской коалиции Данию, непоправимо разбитую, он в конце концов не смог. Но он прилагает все усилия, чтобы поддержать её дух, и одновременно, засучив рукава, принимается за основную задачу — вовлечь Швецию в войну с Империей.

Эта задача была попрежнему исключительно трудна. Во-первых, Швеции не доставало средств для найма и содержания войск, её казна была пуста. Этому Ришелье мог пособить, предоставив ей крупные субсидии из французской казны. Во-вторых, надо было во что бы то ни стало примирить Швецию с Польшей — положение в Европе не позволяло уже дольше ждать. Но как их примирить? Голландские и бранденбургские посредники уже пытались этого добиться в 1627 и 1628 гг., но безрезультатно. Следовательно, Ришелье надлежало обратиться свой дипломатический талант на распутывание весьма сложных противоречий в далёкой Восточной Европе. Не погрузившись в восточноевропейскую политику, он не разрешил бы и общеевропейской проблемы организации антигабсбургской коалиции.

Сам Ришелье так изложил эту тему в своих мемуарах: Густав-Адольф был «новым восходящим солнцем» в Северовосточной Европе. Французский король «обратил свой взор на этого юного государя, дабы попытаться использовать его для отвлечения современем большей части сил императора и тем помешать императору вести несправедливую войну в Италии и Франции и отвлечь его тем ужасом и злом, которые тот ему причинит, от намерения подавить общественную свободу... Многие князья Им-

перии, несправедливо лишённые своих государств оружием императора, смотрели на шведского короля, как моряки смотрят на север. Однако он был занят войной с Польшей. И хотя он имел довольно смелости и честолюбия, он должен был быть избавлен от этого врага, прежде чем приобрести другого, да ещё такого, как Австрийский дом»¹. Ришелье удалось выполнить эту задачу. В сентябре 1629 г. при французском посредничестве в Альтмарке было заключено перемирие между Швецией и Польшей. Густав-Адольф мог обернуться против Габсбургов.

Многие историки считают это перемирие самым блестящим дипломатическим достижением Ришелье. «Какая это была, — восклицает Карл Лампрехт, — несравненная фигура, этот шведский король, на шахматной доске французской политики, столь враждебной Габсбургам! Он мог, если только у него будут развязаны руки, из своего угла громко и решительно провозгласить: шах императору! Поэтому французская политика сделала образцовый, мастерский ход, когда в 1629 г. при её посредничестве между Швецией и Польшей было заключено благоприятное для Швеции шестилетнее перемирие»². Можно было бы процитировать целый хор таких восторженных оценок историками дипломатического мастерства Ришелье в связи с Альтмаркским перемирием.

К сожалению, на этом западноевропейские историки и останавливаются. Между тем тут-то и возникает вопрос: а в чём же состоял этот мастерский ход, какими же средствами удалось Ришелье разрешить ключевую задачу общеевропейской политики — прекратить польско-шведскую войну? Нельзя ограничиваться, как они это делают, указаниями на «ловкость» Ришелье или на какие-то его «обширные связи» в Польше.

Постараемся осветить эту проблему.

Донесения барона Шарнаэ, которого Ришелье послал в начале 1629 г. в Восточную Европу с посреднической миссией, показывают, что он встретился со значительными трудностями. Когда голландцы ещё в 1627 г. пытались склонить Сигизмунда III польского к миру с Швецией, тот и слышать не хотел о мире по причине, как сообщает одно донесение, «больших обещаний папы, императора и испанского короля, предложивших польскому королю могущественную помощь»³. И в самом деле, император прислал Сигизмунду III, как мы знаем, вспомогательный корпус для борьбы со шведами, испанцы — военные корабли и пр. Правда, Ришелье уже в 1627 г. знал от своих осведомителей из Польши, что вельможи и сейм настаивают на скорейшем мире со

¹ Richelieu «Mémoires» (Collection Michaud et Poujoulat. T. XXII), p. 67—69.

² Лампрехт К. «История германского народа», Т. III. Ч. 5-я, стр. 516. 1896.

³ «Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях», изданные Г. Форстеном. Вып. 2-й, № 31, стр. 91. 1893.

Швецией именно из-за этой военной помощи, боясь, как бы Сигизмунд III, опираясь на неё, не объявил себя наследственным и абсолютным монархом¹. Открытые приготовления Империи к борьбе за господство на Балтике настраивали также и часть польского купечества и шляхты против прогабсбургской политики Сигизмунда III, в пользу сближения со Швецией. На эти-то оппозиционные настроения в Польше, естественно, Шарнасс и должен был прежде всего опереться, о чём прямо свидетельствует одно из донесений о его миссии². Но королевская партия имела всё же в Польше безусловное преобладание, и вмешательство французского дипломата не могло бы изменить этого соотношения сил. Сигизмунд III, одержавший в июне 1626 г. победу над Густавом-Адольфом в Пруссии с помощью имперского вспомогательного войска, попрежнему не хотел мира.

Что касается Густава-Адольфа, то он тоже отнюдь не чувствовал себя слабым и в июле взял небольшой реванш под Мариенбургом. Главный аргумент шведского правительства против мира с Польшей был совершенно откровенно изложен канцлером Оксеншерной в ответ на посреднические предложения Шарнасса: Швеция не видит никаких гарантий того, что поляки не используют перемирие только для военных приготовлений и не ударят ей в спину, как только она начнёт войну с Империей³.

Таковы были почти непреодолимые трудности, с которыми встретился Шарнасс в Восточной Европе. Но Ришелье имел ключ к решению задачи.

Чтобы понять, чем же Шарнасс всё-таки принудил Сигизмунда III сменить непримиримую воинственность на податливое миролюбие, достаточно прочесть краткую инструкцию, которой он был снабжён 25 января 1629 г., отправляясь в путь. Главное её содержание как раз и сводится к пункту, указывающему, чем надо побуждать к миру польского короля: предлагая своё посредничество для заключения мира, должен говорить Шарнасс Сигизмунду III, «его величество (король французский) руководствуется главным образом интересами польского короля, ибо если шведский король объединит с собою москвитя (vnist avec luy le moscouitte), как он собирается, о чём стало известно его величеству (французскому королю), то этот союз может причинить ему (польскому королю) значительный вред»⁴.

¹ «Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях». Вып. 2-й, № 31, стр. 91.

² «Relation de ce qu'a fait le s. Charnassé en Brandebourg et en la trêve entre les rois de Pologne et de Suède». Octobre 1629. «Акты и письма». Вып. 2-й, стр. 103.

³ «Акты и письма». Вып. 2-й, № 56, стр. 135. Форстен Г. Указ. соч. Т. II, стр. 279.

⁴ «Instruction et dépêche baillée à Mons. de Charnassé allant en Allemagne, du 25 janvier 1629». Форстен Г. Указ. соч., стр. 278.

Вот в чём состояла идея Ришелье: пугать Польшу шведско-русским военным союзом, войной сразу с двумя противниками, в то время как и с одной Швецией война давалась ей с трудом. По свидетельству мемуаров Ришелье, Шарнасс уверял поляков, что Людовику XIII дополнительно известно о решении московского царя «этой зимой нарушить перемирие с Польшей и вторгнуться в её пределы с огромной армией», вследствие чего у Польши «окажется на руках одновременно два столь сильных врага»⁵.

Известие о решении московского правительства не было выдумкой Ришелье, а, как увидим, соответствовало действительности. Ришелье лишь энергично использовал информацию, доставленную ему его виртуозными международными осведомителями. Но он не остановился на этом, а решил активно способствовать укреплению решения Московского государства воевать с Польшей: в Восточную Европу было направлено не одно посольство: вслед за бароном Шарнасс, направившимся в Пруссию к Сигизмунду III, из Франции выехал, окружённый не меньшей дворянской свитой, в Москву к царю Михаилу Фёдоровичу барон Дезе де Курмьенен (Deshays de Courmesnin).

Таким образом, «мастерский ход» Ришелье состоял из двух частей, связанных в одно целое: 1) информации польского правительства о решении Москвы нарушить Деулинское перемирие, 2) отправке особого посольства в Москву.

Проанализируем, что могло толкнуть мысль Ришелье на такой как будто неожиданный ход. Можно указать три источника:

1. Ещё в 1625 г. Ришелье замыслил посольство в Москву, о чём сообщает голландец Масса, собиравшийся тогда пристроиться к этому несостоявшемуся посольству⁶. Формально оно должно было явиться ответом на русское посольство Кондырева и Неверова во Францию в 1615 году. Почему же именно в 1625 г. Ришелье вспомнил о Москве? Несомненно потому, что именно в это время, как мы говорили, у него была реальная надежда вовлечь Швецию в войну с Империей. Логика вещей требовала позаботиться, чтобы в Восточной Европе ничто не мешало Швеции заниматься западноевропейскими делами. Но в 1625 г. планы Ришелье в отношении Швеции не осуществились. Естественно, что в 1629 г., когда эти планы возродились, вместе с ними возродилась и идея о посольстве в Москву.

2. В 1628 г. группа французских купцов, желавших образовать компанию для торговли с Москвой, подала Ришелье докладную записку с изложением основных проблем франко-русской торговли. Они предлагают, между прочим, ответить, наконец, на посольство Кондырева 1615 г.,

⁵ Richelieu «Mémoires». Т. XXII, р. 70.

⁶ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Дела голландские, 1625 г., стб. № 2.

т. е. организовать посольство в Москву. Важно подчеркнуть, что один пункт этой докладной записки не мог не подтолкнуть мысль Ришелье непосредственно к идее, что сближение Франции с Москвой может послужить рычагом политического давления на Польшу. Этот пункт гласил: «Кроме тех выгод, которые Франция может извлечь из этих сношений с Московией посредством торговли, король станет ещё намного значительнее среди северных государей и особенно перед королём польским, который, не имея врага более могущественного, чем москвиты, воздержится впредь способствовать интересам Австрийского дома, ибо его величество (король французский) сможет и повредить ему и оказать услуги перед великим князем московским»¹. Несомненно, что эта докладная записка являлась одной из предпосылок посольства Дезэ в Москву в 1629 г., хотя не она послужила ближайшей причиной этого посольства.

3. Не подлежит сомнению, что ближайшей причиной посольства Шарнасе и Дезэ явилось какое-то полученное в Париже известие о важнейшем политическом решении, действительно принятом в Москве: не ждать, когда окончится срок перемирия с Польшей, и начать воевать с ней, помогая тем самым шведам. Это известие прибыло в Париж, несомненно, не из Швеции, ибо указанное решение было впервые под секретом сообщено в Москве боярами шведским посланцам Моньеру и Бенгарту в марте 1629 г.², а Ришелье уже знал о нём за два месяца до того, в январе 1629 г., когда была составлена инструкция для Шарнасе, гласящая: «...о чём стало известно его величеству». Нам удалось обнаружить другой источник информации Ришелье — турецкий. Дело в том, что первым, кому сообщили в Москве о решении нарушить перемирие с Польшей, был турецкий посол грек Фома Кантакузин, который тотчас и повёз это известие в Турцию (1628). А в Константинополе при дворе султана Мурада IV не было тайн от тех, кто умел платить. Таковым прежде всего являлся постоянный французский посол в Турции Сези. Выдержки из донесений Сези в Париж за 1620—1627 гг., извлечённые из архива французского министерства иностранных дел³, показывают отличную осведомлённость этого французского агента в политике Москвы, а следовательно, и осведомлённость в ней парижского правительства. К сожалению, именно

интересующее нас донесение Сези за 1628 г. не опубликовано и, повидному, вообще отсутствует в архиве. Мы можем только догадываться о нём.

Шарнасе, выполнявший по пути ряд дипломатических поручений в Германии, прибыл в лагерь Сигизмунда III под Мариенбургом в середине июля 1629 года. В это же время туда пришли сведения из Дании о миссии Дезэ де Курменена, который отплыл из Дьеппа 6 июня и 29 июня высадился в Дании, где его пребывание было отмечено с большой торжественностью⁴. Таким образом, обе составные части «мастерского хода» Ришелье одновременно оказали воздействие на политику Сигизмунда III.

Шарнасе был сначала принят поляками недружелюбно; под предлогом спора о титулах и полномочиях его не допускали к королю. На него посыпались упреки в том, что его государь, т. е. король французский, выставляя себя другом Польши, одновременно послал Дезэ в Москву поднимать на Польшу московского царя. Шарнасе парировал этот упрек подготовленным ответом: миссия Дезэ в Москву преследует чисто торговые цели⁵. Правдоподобие этого тезиса было, повидному, предметом особенных забот в Париже: Дезэ де Курменену были в самом деле даны, кроме политических, весьма обширные торговые поручения. Более того, в глазах общественного мнения его поездка в Москву была вообще всего лишь ответом правительства на упомянутую докладную записку о затруднениях в торговле с Московией, вручённую Ришелье группой французских купцов в предшествовавшем, 1628 году⁶. Всё это лишало поляков формального права на какие-либо упреки. Но, разумеется, ничто и не препятствовало им всё же догадываться о политическом содержании миссии Дезэ. И эта миссия и информация, доставленная Шарнасе, крайне взволновали польское правительство. Но оно не сразу спало. Пока Шарнасе задерживали бесконечными препирательствами, в Москву был стремительно пущен пробный дипломатический шар. Об этом мы узнаём из грамоты Михаила Фёдоровича к Густаву-Адольфу: в июле 1629 г. на русскую границу к Вязьме вдруг явились два польских посланника для восстановления польско-русских дипломатических отношений, прерванных ещё с 1622 года. Посланники заявили, что за ними следует «великое посольство» польского короля. Несомненно, это было попыткой Сигизмунда III парировать удар или, по крайней мере, окончательно выяснить положение. Вторая цель безусловно была достигнута: не только «великое посольство» не было принято, но с посланниками не стали и разговаривать, им отказали в аудиен-

¹ «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, Russie». T. VIII, 1890, publié par Rambaud, p. 23; См. также Безобразов П. «О сношениях России с Францией», стр. 5—6, 1892.

² ЦГАДА. Дела шведские. 1629 г., стб. № 2, л. 275, 319, 353—354.

³ «Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек». Т. II. 1842.

⁴ «Les voyages de M. Des Hayes baron de Courmesvin en Dannemarc, enrichis d'annotations par le sieur P. M. L.». Paris, 1664.

⁵ Richelieu «Mémoires», p. 71.

⁶ «Les voyages de M. Des Hayes», p. 1—2.

ции в Москве и приказали немедленно покинуть территорию Московского государства¹.

Тем временем Шарнасе, потеряв терпение, в конце июля уехал в шведский лагерь, почти отчаявшись в успехе. Но 1 августа, повидимому, тотчас по возвращении посланников из-под Вязьмы, он вдруг был срочно вызван письмом обратно в польский лагерь и милостиво принят Сигизмундом III — все дипломатические препятствия сразу рухнули. 6 августа начались мирные переговоры².

В самом деле, Сигизмунду III ничего не оставалось, как довериться Шарнасе и согласиться на перемирие со Швецией. Более того: он теперь проявляет нетерпение, всё большую поспешность и уступчивость при переговорах. Он согласился оставить Швеции на время перемирия почти всё Балтийское побережье, принадлежавшее Польше. Переговоры происходили весь август, прерываемые ещё военными действиями, и в сентябре 1629 г. увенчались Альтмаркским перемирием³. Следует упомянуть, что английский посредник Томас Рё, подоспевший в конце августа, старался очернить перед поляками своего конкурента Шарнасе, именно тем, что было тому на пользу: разоблачениями о миссии Дезе в Москву.

Согласие Густава-Адольфа на перемирие было достигнуто отчасти с помощью той же самой миссии Дезе в Москву. Это посольство укрепляло надежду, что русско-польская вражда будет активизирована и Швеция сможет без оглядки, никого уже не опасаясь, ринуться в великую битву с Империей. Именно с такой перспективой Густав-Адольф пошёл на Альтмаркское перемирие. Впрочем, он и без французской помощи уже имел к этому времени обещание Московского государства начать войну против Польши. Он даже несколько испугался: не ослабит ли решимость Московского государства это французское посольство, примирив Москву с католицизмом⁴.

Для дипломатической школы Ришелье чрезвычайно характерно, что в то самое время, когда Шарнасе должен был отречься от Дезе, изображая его чуть ли не простым торговым агентом, Дезе должен был в Москве отречься от Шарнасе и его миссии в Польше. Поскольку прекращение польско-шведской войны, по мнению Ришелье, не отвечало интересам московской политики, Дезе уверял бояр, что французская дипломатия не причастна ни к каким попыткам примирения, исходящим-де от английского посла в Польше Томаса Рё и

голландцев; Франция же, напротив, помогает в войне шведам⁵. Может быть, именно для того, чтобы придать больше естественности взаимному дезавуированию двух своих послов, Ришелье назначил на эти роли двух непримиримых врагов. Шарнасе и Дезе продолжали ожесточённую политическую борьбу в течение ближайших лет после своей миссии в Восточную Европу, пока Шарнасе не одержал победу: Дезе, уличённый в связях с враждебной Ришелье придворной партией Гастона Орлеанского, в 1632 г. окончил жизнь на эшафоте⁶. Этот биографический момент следует упомянуть потому, что он, видимо, объясняет чрезвычайную сдержанность французских мемуаристов и историографов XVII в., в том числе самого Ришелье, в оценке миссии Дезе в Москву в 1629 году. А отсюда и позднейшие исторички почерпнули пренебрежение к этому важнейшему факту дипломатической истории Тридцатилетней войны, тем более, что во французских архивах не сохранилось ни инструкции, составленной для Дезе, ни каких-либо отчётов о его миссии⁷.

Характерно, что грамота Людовика XIII Михаилу Фёдоровичу, с которой поехал Дезе, подписана в Союзе 22 апреля 1629 г.⁸, т. е. через несколько дней после подписания там савойско-французского мирного договора и за два дня до подписания там же англо-французского мирного договора. Это был момент лихорадочной, поистине титанической деятельности Ришелье. Переговоры между Данией и победительницей — Империей — подходили к концу, Ришелье уже не удавалось их больше задержать. В мае был заключён Любекский мир. Нельзя было терять ни минуты, ибо чёрная туча габсбургско-католической агрессии нависла над Европой. Внутри Франции Ришелье успешно заканчивал борьбу с гугенотами («дикт милости» был издан в июне 1629 г.). В сентябре 1629 г. состоялось Альтмаркское перемирие. И уже 26 июня 1630 г. Густав-Адольф, освобождённый от войны с Польшей, высадил десант на северо-восточной окраине Империи. Началась роковая для Германии вторая половина Тридцатилетней войны.

Но не будем преувеличивать роль Ришелье. Он сам отмечает, что Франция не могла повлиять на политику Москвы⁹.

Позиция Москвы в размежевании Европы на две коалиции — габсбургскую и антигабсбургскую — определилась не интригой Ришелье, а всей предшествовавшей историей сношений Московского государства с Европой.

¹ ЦГАДА. Дела шведские. 1630 г., стб. № 2, л. 246.

² Норре J. Op. cit., S. 434—459; Richelieu «Mémoires», p. 72—75.

³ Текст договора см. у Норре J. Op. cit., S. 666—676.

⁴ Фёрстен Г. Указ. соч. Т. II, стр. 358.

⁵ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., кн. 2-я, лл. 115, 181, 227—229.

⁶ Richelieu «Lettres». T. VIII, p. 82; Richelieu «Mémoires», p. 414.

⁷ Rambaud «Recueil des instructions», p. 24.

⁸ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., л. 11—12.

⁹ Richelieu «Mémoires», p. 70.

IV

Историк Тридцатилетней войны, ограничивающий своё внимание Западной Европой, мог бы представить себе роль, сыгранную Москвой в истории Альтмаркского перемирия, как роль невольную, как простое совпадение во времени двух рядов событий, как счастливую случайность, использованную Ришелье. Кажется, даже вероятнее предположить, что московское правительство, принимая своё решение, и не помышляло о тех последствиях, какие оно будет иметь для Европы.

Но, с другой стороны, здравый смысл и противится такому представлению: несомненно, что даже самая близорукая внешняя политика какого-либо государства учитывает не только силу своего соседа, но и силу его возможных союзников и противников. И Москва на практике уже давно постигла элементарную политическую истину, что всякое изменение в её отношениях, скажем, с Польшей, затрагивает так или иначе не только её и Польшу, но целую систему государств, сочувствующих этому изменению или, напротив, оказывающих ему противодействие. Несомненно также, что Московское государство в XVII в. стремилось знать состояние всей системы европейских государств и действительно имело о нём представление. Оно знало не только друзей и врагов Польши, но даже и врагов её друзей и друзей её врагов.

Известно, что в эпоху Тридцатилетней войны посольский приказ в Москве располагал штатом доброкачественных переводчиков (толмачей) для всех европейских языков. Менее известно, что в недрах посольского приказа тогда уже производилась большая, кропотливая работа по собиранию информации от резидентов и всякого рода осведомителей со всех концов Европы. С отписками новгородских воевод в Москву систематически присылались обширные сводки из европейской прессы и информации¹. Русские послы слали из-за границы, например из Швеции, тоже подборки из газет и других источников. Всё это, повидимому, суммировалось в посольском приказе, как видно по сохранившемуся столбцу за 1632 г. («Переводы из европейских ведомостей и всяких других вестей в Москву писанных»). Но даже и не заглядывая в архив посольского приказа, единственный историк, занимавшийся до сих пор вопросом о роли России в истории Тридцатилетней войны, Г. В. Форстен, справедливо констатировал: «Напрасно думают, что в Москве ничего не знали о событиях западноевропейских; напротив, там внимательно следили за великой религиозно-политической борьбой, занимавшей Европу целых 30 лет»².

Знали в Москве и тесные союзные отношения между Польшей и Империей, принявшие с начала Тридцатилетней войны характер открытой осуды друг другу войск в кри-

тические минуты. Все европейские политики знали, что Сигизмунд III опирается на могущественную помощь австрийского (Габсбургского) дома.

Изучение внешних сношений Московского государства в 20-х годах XVII в. убеждает в том, что буквально все иностранные послы, касавшиеся в Москве польской проблемы, послы Турции, Швеции, Франции, Голландии сходились в одном тезисе: Польша сильна помощью, которую ей оказывает Империя; если международная обстановка в Европе сложится так, что Империя не сможет помочь Польше, то Польша будет слаба и может быть побеждена. Ниже будет показано, что собственная точка зрения Московского государства на польско-имперские отношения также соответствовала этим рассуждениям иностранцев. Но сначала приведём некоторые иллюстрации к сказанному.

Уже через три года после Деулинского перемирия, в 1621 г., отношения между Московским государством и Польшей настолько обострились, что дело чуть не дошло до войны, причём союз Москве против поляков предлагали, с одной стороны, шведский король Густав-Адольф, с другой — турецкий султан Осман II. Характерно, какими аргументами от имени султана склонял турецкий посол Кантакувин московского царя к совместной войне с Польшей: «Тебе, великому государю, ведомо, что в немецкой земле у императора рознь великая с лютеранами, ему теперь не до помощи полякам, а султан со своей стороны велел правителям Семиградья, Валахии и Молдавии выступить против императора, чтобы императору не дать помогать польскому королю»³. Однако в 1621 г. проектируемая коалиция не состоялась.

Густав-Адольф не переставал мечтать о вовлечении Московского государства в войну с Польшей. В 1625 г. шведское правительство получило донесение из Москвы, в котором сообщалось, что некоторые бояре требовали у царя не медлить с войной против поляков⁴. Повидимому, в связи с этим сообщением Густав-Адольф в начале 1626 г. поручил своим ревельским штатгальтерам Броману и Унгерну отправиться в Москву для переговоров. Чрезвычайно интересна составленная для них инструкция, опубликованная Форстеном. Она исходит из правильного наблюдения, что в шведско-польской борьбе как таковой московский царь не поддержит ни ту, ни другую сторону. Поэтому на послов возлагалась задача объяснить, что, воюя с Польшей, Швеция, в сущности, воюет с Империей, стоящей за спяной Польшей. В том случае, если послы увидят, что это выслушано с пониманием и

³ Бантыш-Каменский Н. «Переписка между Россией и Польшею по 1700 год. Ч. III. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» за 1862 г., стр. 22.

⁴ Форстен Г. Указ. соч. Т. II, стр. 207—208.

¹ ЦГАДА. Дела шведские за 20—40-е годы XVII века.

² Форстен Г. Указ. соч. Т. II, стр. 497.

сочувствием, они должны ознакомить царя с грандиозными планами Империи и её союзницы — Польши — об универсальной монархии. Этому посвящён шестой параграф инструкции: имеется в виду раздел Европы с таким расчётом, чтобы Империя получила Германию, Италию, Францию, Испанию, Англию, Нидерланды и Венгрию, а Польша — Россию, Швецию и Данию; всюду будет введён католицизм; затем намечается крестовый поход против Турции и раздел её между Империей и Польшей. Вот почему, говорится в седьмом параграфе, московский царь должен примкнуть к врагам Польши и Империи, а восьмой параграф советует ему поднять на поляков также татар и запорожских казаков¹.

В грамоте Густава-Адольфа от 19 февраля, вручённой шведскими послами царю, подробно изложены некоторые из этих идей пятого и седьмого параграфов. Приведём отрывки из этой грамоты в русском переводе из дел посольского приказа². Густав-Адольф сообщает Михаилу Фёдоровичу, что польский король «объединился с римским цесарем (императором) и королём испанским, умыслили (они) искоренить все христианские вероисповедания и вместо них установить повсюду свою католическую (папешскую) веру и подвести под себя все христианские государства и всю Европу». Лаконично и в общем вполне верно излагается соотношение политических сил в Европе: «Римский цесарь, с помощью испанского и польского королей, в нынешние лета подвёл под себя мало не всех немецких удельных князей и искоренил их христианскую евангелическую веру и поотнимал у них землю и людей и учинил себя сам великим государем надо всею Немецкою землёю. А за то цесарь римский хочет оказать помощь испанскому королю, чтоб ему одолеть голландские штаты в нидерландской земле, и хочет также оказать помощь польскому королю, чтоб ему быть государем над шведским и над русским государствами. И на то они имеют великое упование, и многие уже титулуют Владислава цесарем надо всеми северными землями. И ныне цесарь римский, король испанский и король польский держат в уме своём, что будто они одолели всех христианских государей. Но против этого французский король с тем великим городом Венецией и с герцогом Савойским союз учинил против вышешюименованных государей, в особенности против короля испанского, и великою сплюю принялся за него во итальян-

нской земле. Также и английский король с господами нидерландскими штатами учинил союз против цесаря и короля испанского и прислал к нам вельможнейшему государю королю Густаву-Адольфу также и к датскому королю, чтобы мы с ними союз и соединение учинили, дабы цесарю римскому и его советникам помешать. И к такому делу датский король стал войной против цесаря и стоит ныне с великим войском в цесарской земле против цесаря и имеет с собою многих немецких удельных князей, которые с ним держат заодно. И для того, чтоб польский король цесарю помощи не оказал, мы ныне пришли в литовскую землю, чтоб ему цесарю римскому, помощи оказать нельзя было, чтоб цесарю и его советникам отовсюду было утеснение, чтоб им не исполнить злого своего замысла, как они замышляли надо всеми христианскими государями».

Далее говорится, что этот замысел грозит и Московскому государству, «если только им удастся одолеть над иными»: ведь царю ведомо, как давно и упорно поляки замышляют в России «греческую веру попрасть и многое гонение всем тем, которые греческую веру имеют». Поэтому царю надлежит, по мнению Густава-Адольфа, «так же обороняться, как иные государи сами себя обороняют (остерегают), приняться за короля польского и помешать ему, чтоб он цесарю не помогал. И он (император) забудет в те поры стояти против тех государей, которые стоят за свою правду, и оставит злой свой умысел против наших христианских евангелической и греческой вер». С своей стороны, продолжает Густав-Адольф, мы «с нашими союзниками», будем делать всё для достижения этой общей цели: «кои превозвышаются перед иными государями, чтоб нам их попрасть и понизить»³.

Иными словами, Московскому государству предлагалось вступить в общеевропейскую коалицию держав, борющихся против габсбургской агрессии, против угрозы утраты независимости и своей веры.

Роль Московского государства должна была состоять в том, чтобы отвлечь силы Польши от помощи германскому императору и этим облегчить союзникам победу над Империей, после чего уже сама Империя не сможет оказать помощи завоевательным планам поляков.

Шведская международная концепция была воспринята в Москве с полным пониманием и сочувствием, как показывают записи переговоров и особенно текст ответной грамоты Михаила Фёдоровича Густаву-Адольфу (имеющийся и в русском оригинале и найденный Форстеном в Стокгольмском архиве во французском переводе)⁴.

В грамоте Густава-Адольфа, привезённой в Москву шведскими послами Моньером и Бенгартом в марте 1629 г., ещё определён-

¹ «Акты и письма». Т. II, № 26. Все эти пункты и были изложены Броманом и Унгерном в ходе московских переговоров. См. ЦГАДА. Дела шведские. 1626 г., стб. 2, лл. 267—278, 339—340.

² Здесь и ниже, для того чтобы облегчить чтение, наиболее архаические обороты русской письменной речи XVII в. даются в переводе на современный русский язык; применена современная орфография; имена собственные даны в современной транскрипции.

³ ЦГАДА. Дела шведские. 1626 г.; стб. 2, лл. 249—263.

⁴ «Акты и письма». Т. II, № 27, стр. 84—85.

нее, чем в 1626 г., говорится, что за спиной Польши стоит другая сила, более мощная, и если эту грозную силу не сломить, Польша останется непобеждённой. Эта сила — Империя. В прошлом году, говорится в грамоте, Густав-Адольф уже чуть не одолел поляков, так что уже «можно было ему со своим войском через всю Польшу пройти беспрепятственно», но тут помешали имперско-католические войска тем, что «великою силою близко пришли и осадили город Штральзунд», и Густаву-Адольфу пришлось отвлечь свои войска на освобождение Штральзунда. И дальше в грамоте Густав-Адольф подробно развивает мысль, что Москва более заинтересована в войне шведов против Империи, чем против Польши, «Папа, цесарь римский и весь дом Австрийский только того ищут, как бы им быть обладателями всей вселенной, и теперь они к тому очень близки... вашему царскому величеству подлинно известно, что цесарь римский и католики (папезжане) подвели под себя большую часть евангелических князей в Немедкой земле». «Если только император и католическая лига (цесарь с папезскими заговорщиками) одолеют Шведскую землю, то станут искать погибели русских людей и искоренения старой греческой веры»¹. Как видим, шведско-польская война отодвинулась на задний план, на переднем — габсбургско-католическая агрессия, которая может добраться и до Москвы и до православия, если не будет сломлена в самом корне. Но Москве-то в этом случае она будет грозить со стороны Польши.

И после заключения Альтмаркского перемирия специально посланный в Москву шведский посол Моньер разъяснял: Густав-Адольф не имел союзника, бороться же принуждён был не с одной Польшей, а с соединёнными силами Польши и Германской империи; ему пришлось развязать себе руки с Польшей, чтобы приняться за Германию, к чему его склоняло также французское правительство. Инструкция, данная Моньеру, и его докладная записка, вручённая царю и боярам в Москве, подчёркивают, что главная опасность и для Швеции и для Московского государства таится не столько в самой Польше, сколько за её спиной, в Империи².

Таким образом, шведские демарши в Москве в 1626—1630 гг., основанные на широкой и правильной международной перспективе, выдвигают и специальную теоретическую концепцию для Москвы: единство интересов православия (старой греческой веры) и протестантизма (евангелической веры) в борьбе против общего врага — агрессивного католицизма. Этой концепции шведы неуклонно придерживались в сношениях с Москвой и в следующие годы. Король Густав-Адольф убит 6(16) ноября 1632 г., из-

вещала Михаила Фёдоровича грамота за подписью 18 шведских сенаторов, «в бою с католиками (от папезжан) за христианскую евангелическую и за старую греческую веру»³.

Поскольку Франция была католической державой, Ришелье, посылая Дезе де Курменена в Москву, не мог использовать ту же идеологическую схему и выдвинул для франко-русского сближения другое основание — не религиозное, а чисто политическое: идею сродства Франции и России как двух великих абсолютистских держав. «Такие великие государи, король французский и царское величество, везде славны, и таких великих и сильных иных государей нет, как они, и подданные их все люди во всем им, государям, послушны и волю их творят, — не так, как англичане и брабанты (голландцы?) делают всё по своему хотению». «Французы слушают короля своего так же, как русские люди слушают и почитают царя своего». «Чины и обычаи французской короны подобны и сходны, как в Русском государстве». И международное значение Франции и России сходно: на Западе все короли и государи «зрят яко на солнце» на французского короля, занимающего среди них первое место, а на Востоке таково же положение русского царя. «Как царь всея Руси начальник и оберегатель церкви греческой и восточных стран, так же король христианнейший начальник и опора (держатель) церкви римской и западных стран». Такого же рода идеями проникнута докладная записка, вручённая Дезе боярам и царю⁴. В грамоте от имени Людовика XIII к Михаилу Фёдоровичу говорится: «Хотя наше государство удалено и разделено меж нами разными многими государствами и разных вер и языков... нашу крепкую седечную дружбу, и любовь, и прямой совет, и ссылку (т. е. дипломатические отношения) с вашим царским величеством держати хотим... к добру и к повышению обеих наших корон и... в добре пребывать с обеих сторон по договору»⁵.

Вся эта политическая концепция была понята и воспроизведена в московском ответе следующими словами: «Наши царственные персоны и наши державы, соединившись вместе, утрашили бы всю вселенную»⁶. Но несомненно, что и в переговорах с французами московское правительство придавало гораздо меньшее значение политической идеологии, несходной с шведской, и гораздо большее — политической информации, совпадавшей в главном со шведской.

Дезе сообщил в Москве, что Франция находится в дружбе со всеми государствами, кроме трёх, с которыми она во вражде («в недружбе»): «Недружба у их короля Людо-

³ Бантыш-Каменский Н. «Обзор внешних сношений России (по 1800 год)», Ч. 4-я, стр. 159, 1902.

⁴ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., кн. 2-я, лл. 162, 178, 176, 175, 160.

⁵ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., лл. 11—12.

⁶ Rambaud. Op. cit., p. 29.

¹ ЦГАДА. Дела шведские. 1629 г., стб. 2, лл. 180—196.

² Форстен Г. Указ. соч. Т. II, стр. 358; ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 2, лл. 124—152.

дика с цесарем да с испанским королём», «а с королём польским у их короля Людовика недружба потому, что польский король помогает цесарю, а у их короля Людовика с цесарем римским недружба». Дом Австрийский, а в нём особенно император, — «други» польскому королю, который сам «цесарева роду», «и с польским Сигизмундом королём они стоят заодно и помощь польскому королю чинят немалую... А то они (французы) ведают подлжно, что цесарь римский с польским королём заодно, меж себя они свои, цесарева дочь идёт замуж за польского королевича, и друг другу помогают. А царскому величеству с государем его Людовиком королём потому же быть в дружбе и в любви и на недругов стоять заодно». Это было не что иное, как предложение военно-политического союза, скреплённого договором. На вопрос бояр, значит ли это, что французский король может прислать помощь войсками («ратных людей»), Дезе ответил утвердительно; однако главный упор он сделал на то, что, поскольку Франция будет продолжать воевать с императором, поляки уже не станут получать от последнего помощи, и в этом выразится военная помощь французского короля московскому царю. «Поляки, которые соединились с домом Австрийским и с давних лет недруги короны французской, имеют великий страх перед великим князем от такого союза (с Францией); они «уймутся и не посягнут вскоре на ваши земли», узнав о франко-русском союзе, ибо «от дома Австрийского помощи польским людям против великого князя не будет, потому что они австрийские с королём французским воюют». Сообщаются подробности о причинах и ходе войны за мантуанское наследство в Италии между Францией и Габсбургами, подчёркивается, что Франция предполагает вскоре усилить военные действия против императора, а что император со своей стороны предполагает, как только кончится его война с Людовиком XIII, направить всё своё войско на помощь Сигизмунду III¹.

Даже торговые сюжеты² Дезе непосредственно связывал с международными политическими проблемами. Главный источник финансового могущества Австрийского дома, говорил он, — это морская торговля Испании с Востоком. Если бы французские купцы получили разрешение ездить на Восток (в Персию) сухопутным путём, через Московское государство, Габсбурги лишились бы своих доходов, которые достались бы целиком Московскому государству и Франции. «Надобно унять и помешать, чтобы князя австрийские от восточной торговли прибыли себе не чинили, а то мы заметили, что они теми прибыльными деньга-

ми, которые в прошлом году собрали, много ратных людей наняли и на помощь к польскому королю послали против шведского короля, и если им государь (московский) в восточной торговле помешать не велит, они и впредь польскому королю помогать будут. И лучше б было, чтоб от восточной торговли государю (московскому) прибыль вышла, нежели недруги его тем обогащались». А стоит ему разрешить свободный проезд в Персию французам, французское государство «значит Австрийский дом теснить и торговлю его восточную отымет, и у них силы убудет, и польскому королю помогать они не будут»³.

Помимо общности врагов, Франция и Московское государство связаны и общностью друзей. Дезе разъяснял дружественные отношения французского короля с Англией, Голландией и Данией. Особенно же подчеркнул он дружбу Франции со Швецией и с Турцией. Дезе отметил, что он по пути был прекрасно принят Густавом-Адольфом. В царской помете на докладной Дезе, вручённой боярам, специально предписывалось уточнить, чем «французский (король) помогает шведскому». И Дезе привёл число солдат, будто бы уже посланных из Франции в помощь Густаву-Адольфу в прошлом году и намеченных к отправке в нынешнем. Но с особой многозначительностью Дезе говорил о франко-турецкой и московско-турецкой дружбе: французский король — «турецкому султану друг... и царскому величеству турецкий султан друг же»; французский посол и сейчас живёт в Константинополе, и Людовик XIII «наказал послам своим, чтоб они русским людям и православным (грекам), которые при них будут в Цареграде, во всяких делах помогали и всякую добрую помощь им чинили», и Людовик XIII готов поручить своим послам в Константинополе всякую иную услугу, какую захочет царь⁴.

Этот упор на турецкую проблему был, повидимому, не случаен. Именно после этих слов Дезе неожиданно прервал свою речь перед боярами (при первой встрече) и, согласно записи, «помолчав немного, говорил, что наказано ему говорить и о иных делах, только ныне не говорит для того, что вскучно им боярам»⁵. Нетрудно догадаться, что инструкция предписывала Дезе, как это часто делалось, изложить сначала часть предложений и лишь в том случае, если они будут охотно приняты, переходить к самым сокровенным делам и самым откровенным разговорам. Намёк, сделанный Дезе, вызвал, повидимому, две царские пометы, вписанные рукой думного дьяка Ефима Телепнева: «Царское величество, с государем их (французским) в дружбе, и в любви, и в соединении хочет быть, а как тем статьям быть — и того допросить»; «государь и патриарх указали посла допросить, что дружбе и совету и соединению (франко-русскому) укрепление, чем то укреп-

¹ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., кн. 2-я, лл. 115, 155—160, 152, 176, 54—55, 228.

² Торговая сторона этих переговоров освещена в неопубликованной кандидатской диссертации Г. Г. Жордания «Очерки из экономической политики правительства кардинала Ришелье», 1937.

³ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., кн. 2-я, лл. 178, 156.

⁴ Там же, лл. 225—226, 161, 176—177.

⁵ Там же, л. 162.

пить»¹. Но торговые переговоры упёрлись в вопрос о разрешении католического богослужения для французских купцов. Дезэ не мог догадаться, что московское правительство всё же примет в последнюю минуту его программу-минимум², не проявил достаточно дипломатической дальновзоркости и так и уехал, и не досказав того, что ему было поручено.

Что же ещё поручил Ришелье своему послу предложить в Москве? Из оснований документов стокгольмского архива Форстен говорит, что задачей Дезэ де Курменена в Москве было «предложить Михаилу Фёдоровичу соединиться с Бетленом Габором против Польши и императора»³. Это вполне согласуется с многозначительным подчёркиванием послом турецкой проблемы, ибо Бетлен Габор, государь Трансильвании и части Венгрии, находился тогда в своего рода вассальной зависимости от турецкого султана, и без желания Турции такой союз был бы невозможен. Ришелье уже знал решение Московского государства вступить в союз со Швецией. Следовательно, можно предположить, что Ришелье имел грандиозный замысел охватить Империю с севера, востока и юга сплочённым полукольцом своих союзников: Англии, Голландии, Дании, Швеции, Московии, Турции, Венгрии, — все они были, кстати, враждебны католицизму, хотя и по-разному. Важной частью этого полукольца на Востоке должна была бы явиться военная коалиция Швеции, Московии, Турции и Венгрии.

Такое предположение подтверждается появлением в Москве в мае 1630 г. видного французского аристократа Шарля де Таллерана (предка знаменитого дипломата Талейрана и брата известного графа Шале, казнённого Ришелье) с соответствующими предложениями. Правда, он приехал в качестве венгерского, а не французского посла. Но вполне вероятно, что Ришелье предвидел недоверие в Москве к предложениям католической Франции и возможную неудачу миссии Дезэ на этой почве и поэтому одновременно направил другого посла через посредство Венгрии. Подобные приёмы Ришелье применял и в сношениях с недовольной протестантской Швецией, действуя, например, через Бранденбург. Таллеран по пути в Москву и возвращаясь через пять лет из России (где он, как увидим, подвергся аресту), говорил своим попутчикам, что был послан в Венгрию, Турцию и Московию французским королём⁴. Достаточно показательно также и то, что французское правительство энергично вызволяло его из плена, но при этом скрывало своё участие и в 1631 г. добилося писем к Михаилу

Фёдоровичу от английского короля и голландского штатгальтера. Только в 1635 г. было направлено ходатайство и от имени самого Людовика XIII.

Судя по некоторым заявлениям Таллерана⁵ и по наличию в его бумагах текста англо-французского мира, можно предположить, что из Франции он был отправлен в то же самое время, что и Дезэ де Курменен. Ко двору Бетлена Габора одновременно с ним прибыл шведский уполномоченный Яков Руссель со сходными политическими проектами⁶, и Бетлен Габор отправил их обоих в качестве своих послов для ответственных переговоров в Турцию, Московию и Швецию.

От имени Бетлена Габора Таллеран и Руссель изложили в Москве подробный проект восточноевропейской военной коалиции. Этот проект уже был согласован ими по дороге в Константинополе (о чём свидетельствует представленная ими верительная грамота великого визиря Режап-паши) при посредничестве голландского посла в Константинополе Корнилиуса, константинопольского патриарха Кирилла и, по всей вероятности, — хотя об этом, разумеется, не говорится, — французского посла Сези⁷. В ответ на полученное недавно предложение Михаила Фёдоровича о союзе Бетлен Габор сообщает, что он хочет союза «не словом, но делом»: на всякого недруга выступить со своими войсками заодно с московским царём, шведским королём и турецким султаном. «И как те три великие государя — царское величество и шведский король и государь их Бетлен Габор король — соединятся и учнут стоять на недруга заодно, а турецкий Мурад-султан учнёт с своей стороны, и против их, великих государей, никто не может постоять. И чтоб то впредь установить и утвердить и связь (ссылку) добрую держать. А противники тем силам — король испанский, цесарь римский, король польский. И чтоб против их стоять и недружбу их мстить». Далее сообщается, что Бетлен Габор долго и успешно воевал «с Австрийским домом» и что он рассчитывает отнять у Сигизмунда III польский престол. И всё снова подчёркивается наиболее важное для нас положение о тесном политическом единстве Польши с Империей: «Да и за то польский король государя их Бетлена Габора короля боится, что государь их во многих случаях Австрийский дом теснил и побивал», т. е. победы над Империей опасны для Польши, лишают её опоры. Наконец, сле-

⁵ ЦГАДА. Дела венгерские. 1630—1631 гг., стб. I, л. 166, 10 и др.

⁶ Густав-Адольф ещё в 1626 г. в одном из писем к Бетлену Габору, которое было перехвачено поляками, развивал мысль о необходимости совместного выступления Швеции, Венгрии, Московского государства и крымских татар (вассалов Турции) против Польши и Габсбургов. См. Форстен Г. Указ, соч., Т. II, стр. 204, 278.

⁷ ЦГАДА. Дела венгерские. 1630—1631 гг., стб. I, лл. 167, 172—177.

¹ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., лл. 168, 179.

² См. ниже.

³ Форстен Г. Указ, соч. Т. II, стр. 278.

⁴ Донесение пристава Лопухина. ЦГАДА. Дела венгерские. 1630—1631 гг., стб. I, л. 10; О л е а р и й Адам «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Перевод А. Ловягина, стр. 60—61, 183—184. 1906.

дуют детальные расчёты, сколько войск может выставить Бетлен Габор, и сообщаются разные соображения о проектируемой коалиции: кроме султана и шведского короля (с которыми Бетлен Габор имеет тесную связь) он предлагает вовлечь в коалицию своего зятя, бранденбургского курфюрста, имеющего «великую мощь людьми и казною»¹.

III

Все эти данные о разных иностранных демаршах в Москве мы приводим не для того, чтобы создалось впечатление, будто международная позиция Московского государства в обстановке Тридцатилетней войны была навязана и внушена ему кем-то извне. Напротив, она была вполне самостоятельна. Приведённые примеры показывают только, что Москва не была одинока, что, содействуя косвенно Альтмаркскому перемирию и благоприятствуя вступлению Швеции в войну с Империей, руководители Московского государства исходили из тех же представлений об общеевропейской ситуации, которые являлись распространёнными и самоочевидными и среди других европейских политиков. В том, что говорили в Москве послы Турции, Швеции, Франции, Венгрии, при всём разнообразии, была общая основа: эти державы — уже тем союзники Москве, что они являются врагами Империи, а Империя — главный союзник главного врага Москвы, Польши. Это вполне отвечало точке зрения Москвы, внушённой не чьими-либо словами, а долгим опытом русско-имперских и русско-польских отношений.

Территориальных споров у Московского государства с Империей не было после того, как Ливония перестала быть имперским леном. Военных столкновений между царём и императором вообще не бывало. Империя часто выступала даже в роли посредника при столкновениях Московского государства с его соседями. Но в том-то и дело, что Империя в XVI в. взяла на себя роль гаранта политической стабилизации в Восточной Европе, тогда как Московское государство с тех пор, как вышло из-под монгольского ига, не могло не требовать от своих западных соседей возврата захваченных ими в прошлые века русских земель. В особенности велики были эти претензии Московского государства к польско-литовскому государству (Речи Посполитой). Следовательно, защищая восточноевропейскую стабилизацию, Империя объективно защищала Речь Посполитую от Московского государства. Но союз Империи с Речью Посполитой стал активно враждебным Московскому государству в эпоху агрессивной политики Сигизмунда III. Мало того: как из-за спины самозванцев в критический момент выступила открытая польская интервенция, так в 1612 г. из-за спины побитых польских интервентов к московскому престолу открыто протянулась была рука Габсбургов. За-

тем, после 1613 г., император не признавал де юре Михаила Фёдоровича русским царём, что было равносильно признанию прав польского королевича Владислава на русский престол со стороны этого «посредника», не стеснявшегося оказывать полякам, кроме дипломатической, также прямую материальную помощь деньгами и войсками против русских².

Тот, кто поддерживал претензии Владислава, не мог не быть врагом в глазах правительства Михаила Фёдоровича. Следует считать, что на этой почве были прерваны дипломатические отношения между Московским государством и Империей в 1613 г., хотя острый эпилог ещё разыгрывался в 1614—1616 гг., после чего уже никаких сношений с Империей Московское государство не поддерживало во всё время Тридцатилетней войны³.

В течение всего этого времени в Москве с агентами Империи обращались не по кодексу дипломатических норм, а как с агентами вражеского государства. Императорский посол Адам Дорно в 1613 г. был арестован и содержался под стражей до самой смерти (1654). Не помогли ему ни принятие православия, ни прошения к императору, которые, разумеется, не пересылались из-за отсутствия дипломатических отношений. Ещё характернее арест Шарля де Таллерана в 1630 году. Он был арестован по подозрению в том, что собирается ехать к испанскому королю и германскому императору⁴, т. е. как тайный агент Габсбургов, который мог бы донести им о планах восточноевропейской коалиции и неискренне трудился над её заключением. Содержащееся в более поздней грамоте Людовика XIII утверждение, что Таллеран был арестован по обвинению в военном шпионаже в пользу Польши⁵, не противоречит первому объяснению, а вполне с ним увязывается. Далее, когда в 1632 г. император Фердинанд II попробовал возобновить дипломатические отношения с Москвой, его послу было предложено от границы отправиться восвояси, причём с характерной мотивировкой: так как тот прибыл через Польшу и в сопровождении поляков, т. е. в качестве польского союзника. Не менее характерно, наконец, и то, что именно в 1654 г., когда Империя, разбитая в Тридцатилетней войне, уже ничем не могла помочь полякам, Московское государство решило восстановить с ней «ссылку» (дипломатические отношения).

Итак, все факты говорят о том, что вра-

² Подробнее на роли Империи в истории смуты и польской интервенции мы останавливаемся в другой главе подготавливаемой к печати книги.

³ Бантыш-Каменский Н. «Обзор внешних сношений России». Вып. 1-й, стр. 17—19. «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». Т. II. 1852.

⁴ ЦГАДА. Дела венгерские. 1630—1631 гг., стб. I, л. 190.

⁵ R a m b a u d. Op. cit., p. 35—36.

¹ ЦГАДА. Дела венгерские. 1630—1631 гг., стб. I, лл. 160—164.

ждебность Московского государства к Империи была не прямой, а отражённой от враждебности к Польше, с которой имелись глубочайшие территориальные, а после польской интервенции и политические споры. Но логика вещей заставляла Московское государство считать уже и своими друзьями в Европе не только врагов Польши, но и врагов Габсбургов. В 1615 г. Московское государство посылает посольство во Францию, в 1617 г. — в Англию просить поддержки против поляков, хотя ни Франция, ни Англия не были непосредственно враждебны Польше, но только представлялись безусловно враждебными в той или иной мере Габсбургам. На той же почве укрепились в 20-х годах дружественные отношения Москвы с Голландией и с Данией.

Деулинское перемирие 1618 г. не устранило враждебности между Московским государством и Польшей. Филарет Никитич, вернувшийся в 1619 г. из девятилетнего польского плена, считал, повидимому, заключение перемирия ошибкой и, по утверждению Ростовской летописи, настаивал на его нарушении¹. Разумеется, причиной этого была не «обида» его на поляков, а приобретённая за время плена за границей широкая международная перспектива. Уже в 1620—1621 гг. под энергичным руководством Филарета Никитича Московское государство становится одной из самых деятельных антигабсбургских держав в Европе: оно не только вступает в переговоры с Турцией и Швецией о заключении военного союза против Польши и осенью 1621 г., по решению Земского собора, уже направляет полякам ультиматум в этом духе, одновременно собирая войско, но оно ищет также и в Западной Европе союзников против Габсбургов. Посольство с предложением политического союза было направлено в 1620 г. в Англию, но англичане в тот момент были ещё увлечены политикой «умиротворения» и спохватились только в 1623 г., прислав в Москву послов с готовым для подписи текстом договора о союзе², — однако к этому времени благоприятная ситуация в Восточной Европе уже успела исчезнуть. Двусмысленность позиции Франции и Англии в отношении разгоравшейся в Германии войны (в Чехии и Пфальце) была побудительной причиной для посольства в Западную Европу в 1621 г. посла Родионова якобы для подыскания невесты Михаилу Фёдоровичу, на деле же для уяснения таких вопросов, как например «кому французский король помогает, цесарю ли или пфальцграфу рейнскому, или никому не помогает»³.

Вести с Запада оказались неутешительными. В Турции в мае 1622 г. был убит

агычарам султан Осман II, и начатая им война с Польшей (поход на Хотин в 1621 г.) была прервана; Густав-Адольф заключил с поляками перемирие. Таким образом, активность Московского государства была парализована; единственным её плодом на этот раз оказался разрыв дипломатических отношений с Польшей (с 1622 по 1634 г.). Внешнеполитическая неудача, повидимому, ослабила влияние Филарета Никитича и способствовала кратковременному торжеству при дворе Михаила Фёдоровича прежнего боярского руководства, в том числе дьяка Ивана Грамотина, сотрудничавшего с поляками во время интервенции и организованного Деулинского перемирия 1618 года. Но уже в 1625 г. шведские осведомители сообщали в Стокгольм о попытке своего рода государственного переворота в Москве, причём недовольная часть бояр и придворных выступала под лозунгом объявления войны Польше. Несомненно, что это была партия Филарета Никитича. В период 1626—1628 гг. Филарет Никитич берёт ведение всех дел в свои руки, в посольском приказе на место Ивана Грамотина водворяется выдающийся дипломат — думный дьяк Ефим Телепнев, — а во внешней политике торжествует принцип активного собирания антипольской и антигабсбургской коалиции.

Международная обстановка благоприятствовала этому курсу. Надвигающийся финал датского периода Тридцатилетней войны делал для всех негабсбургских держав Европы всё более неотложным вопрос об отпоре габсбургско-католической агрессии. В Москве теперь с каждым годом появлялось больше иностранных послов. Но Москва не ждала чужой инициативы, а сама определяла своё место в размежевании Европы на два лагеря. Вот, например, какую инструкцию получили еще в феврале 1626 г. «пристава», посланные навстречу прибывшим после долгого перерыва шведским послам: на расспросы послов об отношениях царя с другими государями отвечать, что «английский, и датский, и французский короли, и нидерландской и голландской земли князь» находятся с царём в дипломатических и торговых отношениях; с турецким султаном, крымским ханом и персидским шахом сношения являются особенно частыми и тесными; «а с цесарем у великого государя нашего е. ц. в. ссылки давно не бывало»; «а про польского короля самим им (послам) ведомо, что он великому государю нашему е. ц. в. и всему Московскому государству недруг, и войны ныне с польским королём нет (только) потому, что прежде сего по указу ц. в. бояре с паны-радою учинили перемирие до урочных лет» (зачёркнуто: «а впредь царскому величеству польского короля и сына его недружбу забыть нельзя, потому что их неправдою Московскому государству учинилось многое разорение»); «а буде спросят про папу, с папой римским царскому величеству ссылка есть ли, — и им (приставам) говорить: с папой римским царскому величеству ссылки не бывало и ссылаться с ним не о чем, и сами они (пос-

¹ Бантыш-Каменский Н. «Переписка между Россией и Польшею». Ч. 3-я, стр. 47.

² Любименко И. «Проект англо-русского союза в XVI и XVII веках». «Исторические известия» № 3—4 за 1916 год.

³ «Памятники дипломатических сношений древней России». Т. II, стр. 1353—1365.

ны) ведают, что шла православному христианам неприятель и мек христиан не радует ни о каком добре». Затем следует указание, как отвечать на возможные расспросы о послушании царю больших югаев, казыма улуса, горских черкасов, кумыков, об устройении Сибирского царства, — всё это было важно для западных политиков, ибо определяло возможность или невозможность активной западной политики Московского государства¹.

Как видим, перед нами, до всяких переговоров со шведами, чёткое определение позиции Московского государства в мировой системе государств и народов. Все они делятся на две категории: друзей и врагов, — причём ко второй категории отнесены Польша, папство и Империя. Эта же классификация воспроизводится во многих других документах и во всей внешнеполитической практике Москвы в конце 20-х — начале 30-х годов. Дипломатические соображения вносили в неё лишь незначительные нюансы. Так, инструкция, данная в 1629 г. приставам, встречавшим французского посла Дезе де Курменена, предписывает на его расспросы отвечать, что царь находится в дружбе с Англией, Данией, Швецией, Голландией, особенно же с Турцией и Персией, что с Империей «ссылки давно не было», что польский король, как всем ведомо, — Московскому государству недруг, но о папстве на этот раз не упоминается, ибо дело идет о после католической державы². В сношениях же 1628—1631 гг. с Голландией, воевавшей с испанской половиной Габсбургского дома, но соблюдавшей нейтралитет в отношении Империи, подчёркивалась враждебность Москвы к Испании. Москва даже добивалась военного союза с Голландией на том основании, что испанцы, являющиеся для Голландии такими же врагами, как поляки для Москвы, — союзники поляков³. Эти нюансы отнюдь не затемняют, а только подчёркивают тот факт, что в конечном счёте московское правительство определяло свою позицию по отношению к любому европейскому государству в зависимости от того, принадлежит оно к габсбургскому или к антигабсбургскому лагерю, иначе говоря, к лагерю контрреформации или реформации.

На этой основе Московское государство в конце 20-х годов и ведёт активную политику собирания коалиции. Одним из косвенных результатов этой политики, отнюдь не

непредвиденным, явилось Альтмаркское перемирие 1629 года.

В 1626 г. почва для активной политики, ускользнувшая из-под ног в 1622 г., ещё не вполне снова нащупана. Как ответить на предложение Швеции о военном союзе? Результат шведского посольства оказался половинчатым: с одной стороны, в Москве Бремену и Унгерну было продемонстрировано полное понимание шведской точки зрения и искреннее желание политического сотрудничества против общих врагов; с другой стороны, прямое предложение военного союза против Габсбургов и Польши было всё же отклонено с такой мотивировкой: шведский «добрый совет» ударить в настоящий благоприятный момент на поляков царь «принимает в любовь и в сердечную дружбу и о том мыслить будет, как польскому королю и землям его прежние его неправды отомстить, только того ныне в перемирные лета учинить невозможно, потому что тот мирный договор (Деулинский)... закреплён великих послов душами и крестным целованьем». Но тотчас к этому отказу прибавлена фраза, намекающая на возможность согласия, т. е. досрочного разрыва Деулинского перемирия: «А будет которая хоть малая неправда объявится от польского короля и от сына его и от поляков и от Литвы, хотя бы и до урочных перемирных лет, и великий государь е. ц. в. на польского короля и на сына его, и на Польшу, и на Литву за их неправды пойти готов и с государем вашим королём Густавом Адольфом о том вперед снесётся». Бояре умолчали только перед шведскими послами о том, что предлогов для обвинения Польши было немало сколько угодно и что ещё Земский собор 1621 г. торжественно провозгласил поляков нарушителями условий перемирия. Предложения Бремена и Унгерна поднять против Польши татар и казаков (поданных царя) и отвлечь запорожских казаков от подчинения польскому королю были отклонены с той же мотивировкой⁴.

Большой интерес представляет вопрос, почему руководитель шведской внешней политики Оксеншерна, едва получив русский ответ, поспешил снарядить в Москву новое посольство — Рубисва и Бенгарта. Повидимому, он решил проверить, не объясняется ли отказ Москвы тем, что первое посольство предложило Москве не шведско-русский союз против Польши, а такой союз, при котором Россия должна взять на себя Польшу, а Швеция займётся главным организатором агрессии — Империей. Не пойдёт ли дело лучше, если обещать Московскому государству просто совместное наступление на Польшу? В самом деле, в грамотах Густава-Адольфа от 5 августа 1626 г. и в речах послов на этот раз ничего не говорилось об общеевропейских проблемах, о габсбургско-католической угрозе, о помощи императора полякам. Густав-Адольф только сообщает о своих успехах в войне с Польшей и на этом фоне делает

¹ ЦГАДА. Дела шведские. 1626 г., стб. 2, лл. 50—55, 190—194; тот же наказ повторяется и при встрече второго шведского посольства, в октябре 1626 года. См. там же, кн. 19, лл. 81—85.

² ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., кн. 2-я, лл. 89—91.

³ Отчёт А. Бурха и И. фон Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 годах. Под ред. В. А. Кордта. «Сборник Русского исторического общества». Т. 116, стр. 55 и др. См. также ЦГАДА. Дела голландские. 1628—1631 годы.

⁴ ЦГАДА. Дела шведские. 1626 г., стб. 2, лл. 360—380, 289—322.

предложение: «И если в. ц. в. захочет потомстить ту великую неправду, что польские люди земле и подданным в. ц. в. учинили, в. ц. в. никогда не сумеет избрать лучшего времени, чем ныне, потому что татары вошли в польскую землю с одной стороны, а мы — с другой стороны, и чаем, что и с третьей стороны иной некоторый великий государь тотчас войдет в литовскую землю воевать»¹. Посол Бенгарт говорил боярам, что в интересах самого Московского государства немедленно выступить против Польши, пока она не заключила мира со Швецией².

Оправдались ли шведские предположения, что такая постановка вопроса изменит позицию Москвы? Отнюдь нет. Послам сказали, что царю ведомо и недружелюбие поляков и то обстоятельство, что там ныне «война со всех сторон», так что если бы только царь захотел, он мог бы сейчас отмстить полякам за всю прежнюю недружбу, но всё же он «войны на них не посылает», хотя очень рад победам Густава-Адольфа «над общим их недругом польским королём», и был бы рад, если бы Густаву-Адольфу удалось «польского короля до конца победить и землями его завладеть»³.

Итак, Москва воздерживалась в 1626 г. от войны с Польшей не потому, что ей чужда была коалиционная точка зрения. Напротив, в Москве отчётливо понимали, что бороться придётся не «один-на-один», и не «взвлом на одного», а «стенка-на-стенку». Ясное представление о существовании коалиции польско-имперско-испанской само влекло за собой мысль о необходимости противопоставить ей другую коалицию, другую «стенку», и каждому взяться за одного из противников по силам. Но слабость внешнеполитического положения Московского государства в 1626 г. состояла именно в том, что у него не было коалиции; единственным его союзником оказались бы его кровные враги — шведы, — враги, в конце концов не многим меньшие, чем польские паны, ибо шведы только что отняли у Московского государства балтийское побережье, необходимое ему, как воздух. У Московского государства не было бы причин вообще испытывать больше расположения к шведам, чем к полякам, если бы польский король, поддерживаемый Габсбургами, не проявлял попрежнему агрессивности в виде претензий на новые русские земли и на русский престол, тогда как шведский король, по Столбовскому миру, торжественно признал себя вполне сытым своими захватами и больше ни на что не претендовал. Но где были гарантии, что всё это не окажется пустыми словами, так же как и антигабсбургские декларации Густава-Адольфа, т. е. что Швеция не повернёт оружия именно против Московского государства, когда последнее достаточно увязнет в войне с Польшей? Га-

рантией могла бы служить только более обширная коалиция. Оставаясь же на антигабсбургской стезе с глазу на глаз с одной Швецией, Московское государство никогда не решилось бы на открытое выступление. Это отлично понимала, между прочим, польская дипломатия, и именно поэтому Сигизмунд III, воюя с Швецией, не проявлял большого беспокойства по поводу позиции Москвы вплоть до июля 1629 года.

Поэтому задачей Филарета Никитича с 1626 г. и было активно искать новых членов коалиции. С Швецией поддерживалась самая тесная связь, даже военная, поскольку это было возможно в обход русско-польского договора о перемирии. Например в 1627 г. во Франции было получено тайное донесение из Польши, что под командованием Густава-Адольфа в Ливонии против поляков сражаются вместе со шведами и «москвиты»⁴, попавшие сюда, несомненно, не без ведома московского правительства. Но всё же главное внимание было обращено на поиски других союзников. И именно с 1626 г. одно обстоятельство дало в руки Московского государства реальную возможность начать эту активную политику альянсов: с 1626 г. на западноевропейском рынке началась новая волна «революции цен», а именно головокружительная скачка хлебных цен⁵, тогда как в Московском государстве в течение XVII в. хлебные цены хотя и сильно колебались, но оставались низкими, и в общем даже понижались⁶. Разница в уровне цен, достигшая к 1628 г. пропорции 1:10 и затем доходившая до пропорции 1:20 и выше, образовывала дополнительный финансовый потенциал, а вместе с тем и политический потенциал на стороне Московского государства, где хлебный экспорт был царской монополией, а также на стороне тех государств, которым оно как союзникам предоставляло свой хлеб⁷. Дело именно не столько в потребительном значении этого хлеба, ибо в абсолютных цифрах его вывозили не так уж много, и русское сельское хозяйство в XVII в. совсем не было подготовлено для роли житницы Европы, — сколько в денежном выражении этой разницы цен. Предоставляя союзникам дешёвый хлеб, Московское государство тем самым оказывало им, в сущности, денежную помощь. А денежные суб-

⁴ «Акты и письма», Т. II, № 31, стр. 91.

⁵ См., например, Naude W. «Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten», 1896.

⁶ См. Ключевский В. «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему». «Опыты и исследования». 1919. Ср. Lubimenko J. Les marchands anglais en Russie au XVII siècle «Revue historique», Т. IX—X, 1922.

⁷ Много новых ценных данных в книге Soom A. «Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die estnischen Städte in den Jahren 1636—1656», Tartu, 1940.

¹ ЦГАДА. Дела шведские. 1626—1627 гг., кн. 19-я, лл. 125—128.

² Там же, лл. 176—182.

³ Там же, лл. 183, 159—160, 167—169.

сидни в ту эпоху расцвета военного наёмничества, когда имеющий деньги мог нанять неограниченное количество интернационального сброда, были совершенно равносильны военной помощи. Специфика всей Тридцатилетней войны состояла в том, что великие державы предпочитали воевать с Габсбургами не непосредственно, а «золотыми солдатами», т. е. субсидиями, предоставлявшимися союзникам. Таким образом, с 1626—1628 гг. перед Московским государством открылись особенно широкие возможности активной внешней политики.

Что касается Франции, то на возможность сближения с ней в Москве, видимо, не рассчитывали ввиду безрезультатности посольства 1615 года. В отношении Англии, напротив, предпринимались активные попытки сближения. Однако главное внимание Москвы в 1627—1628 гг. привлекала Дания как единственная страна, которая в это время не косвенно, а прямо, не на словах, а на деле воевала с Империей. При этом она воевала в основном на те субсидии, которые предоставляли ей Англия, Голландия и Франция. Московское государство охотно использовало ту же форму сближения: в 1627 г. Дании было предоставлено значительное количество хлеба не по отпускной цене, по которой царская казна монополярно продавала хлеб за границу, а по крайне низкой себестоимости. В 1628 и 1629 гг. эта субсидия Дании была повторена, что в денежном выражении было вполне соизмеримо с английскими, голландскими и французскими субсидиями. Естественно, что Любекский мир Дании с Империей вызвал в Москве негодование; датскому послу, явившемуся в Москву в июне 1631 г. с предложением союзного договора, было сказано, что союз (а вместе с тем и дальнейший доступ к русскому хлебу) был бы возможен только в том случае, если бы датский король Христиан IV захотел быть в дружбе не только с русским царём, но и с «другом царским — шведским королём Густавом-Адольфом» (уже воевавшим тогда с Империей), иначе говоря, если бы он снова объявил себя вратом Империи. Дело кончилось разрывом переговоров и «оскорблением великим» датскому послу¹.

Кроме датчан особое внимание Москвы привлекали голландцы, так как и они тоже находились в практической войне с Габсбургами, хотя только в лице Испании. Голландцам, кроме хлеба, было предоставлено (частично бесплатно) основное «стратегическое сырьё» той эпохи — селитра².

Однако, если мы хотим точно проследить, как и когда Московское государство почувствовало под ногами серьёзную коали-

ционную почву, приведшую его к решительно порвать Деулинское перемирие, мы должны смотреть не столько на эти его поиски союзников в Западной Европе, которые к интересующему нас моменту, к началу 1629 г., не дали ещё ясных дипломатических результатов, сколько в совсем другом направлении: на развитие русско-турецких отношений³.

Не имея возможности осветить здесь подробно эту тему, укажем только, что как раз в 1627 г. в политике султана Мурада IV наметился поворот к тому же антиимперскому и антипольскому курсу, который был прерван в 1622 г. убийством Османа II. И тот же турецкий посол, грек Фома Кантакузин, который в 1621 г. склонял Москву к коалиции, привёз и в 1627 г. аналогичные предложения. Они были приняты в Москве с радостью. В Турцию были отправлены послы Яковлев и Евдокимов для оформления русско-турецкого союза. С ними же были посланы грамоты от Михаила Фёдоровича к королю трансильванскому Бетлену Габору (доставленные ему из Константинополя братом упомянутого Кантакузина) с предложением дипломатических сношений и политического союза. В Москве было известно о тесных родственных и политических связях Бетлена Габора с Густавом-Адольфом. Иначе говоря, к 1628 г., в связи с новым западным курсом Турции, в Москве зародилась идея образования восточноевропейской коалиции в составе Венгрии, Турции, Московии и Швеции (при союзнических отношениях с Данией, Голландией и Англией) против польско-габсбургской коалиции. Москва энергично принялась за осуществление этого проекта и взяла на себя определённые обязательства. Весть о них, достигнув до слуха Ришелье, послужила, как мы знаем, толчком к его трём посольствам в Восточную Европу (Шарнаса, Дезэ и Таллерана), мало того: к отражённому появлению в его сознании того же самого плана восточноевропейской коалиции.

Следующим звеном в развитии московской позиции явились переговоры со шведскими послами Моньером и Бенгартом, явившимися в Москву в феврале 1629 года.

Шведское правительство после двойной неудачи в 1626 г. уже и не помышляло больше о возможности сорвать Деулинское перемирие между Московией и Польшей. Но известия об антигабсбургской активности московской дипломатии породили в конце 1628 г. надежду в Швеции на получение крупной субсидии от Московского государства (как и от Франции) для борьбы против Империи.

Какой же помощи просит Густав-Адольф у московского царя? Лучше всего были бы, конечно, военные действия против Польши и Империи, «бедным и утеснённым людям в Немецкой и Датской земле помочь», но раз-

¹ Соловьёв С. «История России». Т. II, стр. 1184—1185; Бантыш-Каменский Н. «Обзор важнейших сношений России». Т. I, стр. 217—218.

² Сборник РИО. Отчёт Вурха и Фелтдриля. Т. 116; Соловьёв С. Указ. соч. Т. II, стр. 1183.

³ См. Забелин И. «Русские посольства в Турции в XVII столетии». «Русская старина» за сентябрь 1877 года.

уж царь не хочет начинать войну до истечения срока перемирия с Польшей, то есть и другое средство: «помочь мирскому делу деньгами или хлебом». Густав-Адольф просит разрешения закупить в Московии для его «великого войска» 50 тыс. четвертей ржи. На самом деле хлеб пошёл не для войска, а на мировую хлебную биржу в Амстердам, но московское правительство этим ничуть не интересовалось. Разрешение на закупку хлеба по казённой себестоимости было дано, и на будущее время шведским послам было объявлено: «спусть только король ваш напишет, сколько ему надобно съестных припасов, и великий государь велит покупать их беспощинно в который год хлеб уродится»¹. Это уже было равносильно военно-политическому союзу. Моньер и Бенгарт получили то, чего просили. Но совершенно неожиданно они получили и то, в чём было дважды отказано шведским послам в 1626 году. В архивном деле о пребывании Моньера и Бенгарта в Москве сохранился исключительно важный документ, какими мы обычно в подобных случаях не располагаем, — нечто вроде протокола обсуждения шведских предложений в отсутствии послов в царских палатах между царём, Филаретом Никитичем, ближними боярами и дьяками. Этот протокол показывает прямую и тесную связь между решением разорвать Деулинское перемирие и недавними союзными предложениями Турции. План создания восточноевропейской коалиции против габсбургской коалиции, зародившийся в 1627 г., как бы созревает здесь на наших глазах в марте 1629 года. Тут же записаны и ответные речи, которые было поручено держать боярам и дьякам перед шведскими послами. Послам должно быть указано, что московский царь горячо сочувствует намерению шведского короля взять на себя труднейшую часть общей задачи — войну с цесарем — и вступает с этой целью с ним в союз: царь решил «государю нашему и другим христианским государям евангелической веры помогать всякими мерами, чтоб злого умысла императора и католиков (цесареза и папешников) до себя не допустить и вам всем помочь». Эта помощь выразится не только в субсидиях хлебом и другими «заповедными товарами», но и в разрыве Деулинского перемирия с Польшей: «великий государь за неправды польского короля и нарушение мирного договора не хочет ждать истечения перемирных лет, — хочет воевать с ним (над ним промышлять) и государю вашему помогать»². Это и есть неоднократно упоминавшееся нами решение московского правительства, которое имело огромное значение для хода Тридцатилетней войны и для судеб Европы.

Как видим, это решение было достигнуто отнюдь не шведскими внушениями, а вполне самостоятельным развитием московской политики. Отныне её важнейшей задачей становится посредничество в сближении и

заключении военного антитабсбургского союза между южным соседом Московского государства — Турцией (с её вассалами — Крымом и Трансильванией) — и северным соседом — Швецией. Московская дипломатия в 1630—1631 гг. развивает в этом направлении большую активность, турецкие и крымские послы едут через Москву для переговоров о союзе в Швецию, а шведские — в Турцию и Крым.

В Швеции и за её пределами, особенно в Германии, привезённые Моньером и Бенгартом из Москвы известия произвели огромное впечатление. В следующем послании Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу говорилось: «Короля в особенности радует, что московский царь... обещал помочь притеснённым протестантам Германии; многие тысячи были утешены этим обещанием, и да направит всемогущий бог мысли и сердце царя к выполнению данного им обещания»³. С этого момента во всё время Тридцатилетней войны вплоть до подписания Вестфальского мира Швеция широко рекламировала в Европе союз с Москвой, а в Москве шведский резидент Мёллер пропагандировал даже такую доктрину: «Густав-Адольф со своим войском — передняя стена Московского государства, передовой полк, бьющийся в Германии за русское царство»⁴.

Что касается обещания начать войну с Польшей, не дожидаясь истечения срока перемирия, то московское правительство настоятельно просило шведов, «чтоб это дело содержалось в тайне». Но мы уже знаем, что Густав-Адольф и Оксеншерна согласились на Альтмаркское перемирие именно потому, что были посвящены в это тайное решение Москвы и были уверены, что военные силы Польши будут вскоре скованы войной с Московским государством. Правда, они всё же побаивались, что шведско-польское перемирие вызовет в Москве недовольство. И в самом деле, если бы московское правительство имело только одну цель — вместе с Швецией воевать против Польши, — следовало бы признать, что своим обещанием нарушить перемирие оно только повредило себе. Но в действительности, хотя, разумеется, московское правительство было бы очень радо иметь в лице шведов непосредственного союзника против Польши, оно стояло на гораздо более широкой коалиционной точке зрения и, несомненно, предвидело неизбежность шведско-польского перемирия, подталкивая Швецию к войне с Империей. Поэтому-то Альтмаркское перемирие ничуть и не изменило позицию Московского государства.

Есть некоторые основания предполагать, что во время пребывания в Москве Дезе де Курменена, т. е. в конце октября 1629 г., Московское государство уже знало о заключённом за месяц до того Альт-

³ Форстен Г. Указ. соч. Т. II, стр. 358—359; ЦГАДА. Дела шведские. 1630 г., стб. 2, лл. 138—139.

⁴ Соловьёв С. Указ. соч. Т. II, стр. 1172.

¹ ЦГАДА. Дела шведские. 1629 г., стб. 2.

² Там же.

маркском перемирии¹. Дезз, несомненно, знал, если не о факте подписания договора, то об успешном ходе переговоров. К деликатному вопросу о возможности польско-шведского перемирия он несколько раз возвращался в беседах с боярами, всячески подчёркивая, что отнюдь не Франция, а только Англия и Голландия стремятся померить Польшу со Швецией. Он, как и Ришелье, заблуждался, думая, что правду о роли Франции в шведско-польском замиреннии надо скрывать в Москве. Московское правительство гораздо правильнее и спокойнее понимало ситуацию, чем они предполагали. Разглазительствованные Дезз были прерваны неожиданным вопросом бояр: «Если польский король со шведским помиряется, государю их (французскому) Людовику то годно ли будет (т. е. выгодно ли, желательно ли) и английскому королю, и датскому, и голландцам то годно же ли будет?» Такая формулировка вопроса свидетельствует о ясном понимании сути дела: всем антигабсбургским державам Европы крайне необходимо, чтобы Швеция вышла из войны с Польшей. Однако и на этот прямой вопрос, вызвавший к честности, Дезз не ответил правды. Тем самым он только ослабил доверие к себе².

Но всё же московское правительство было настолько заинтересовано в приобретении ещё одного партнёра в антигабсбургской политике, что пошло на самые необычные и нежелательные уступки Франции в торговых вопросах, раз уж французский посол считал это необходимым предварительным условием политического союза. Ошибочное представление Соловьёва, будто из Москвы «Курменен уехал, не добившись ничего нового»³, объясняется тем, что в архивном списке ответная грамота Михаила Фёдоровича к Людовику XIII приведена без конца, содержащего конкретные пункты, т. е. списана не с окончательного текста, а с черновика, заготовленного до того, как окончательные уступки были решены. Полный текст ответа сохранился лишь во французском архиве⁴. Но уступки настолько полно отвечали французским пожеланиям и настолько свидетельствовали о благожелательности Московского государства, что текст этого ответа с полным основанием был опубликован в Париже в правительственном ежегоднике «Mercure françois» под знаменательным заглавием: «Договор о союзе («Traicté d'Alliance») и о торговле между Людовиком XIII, королём Франции, и

Михаилом Фёдоровичем, царём Московии»⁵.

Однако главные результаты переговоров Дезз — политические — не были доверены бумаге. Это был прежде всего вопрос о войне Московии с Польшей. Дезз тонко вплетал в свои беседы различную информацию, которая должна была показать московским политикам, что Польша в настоящее время очень слаба и поэтому не следует упускать момента для нападения на неё. Всё это было, в сущности, излишним, ибо вопрос в Москве был уже твёрдо решён. В царской палате на докладной записке Дезз читаем: на вопрос посла, каковы отношения царя с польским королём, боярам не отвечать, пока они окончательно не вызнают («выждут») от посла, «так ли французский король в недружбе с польским», а затем «боярам говорить против того ж, как объявлено шведскому королю», т. е. бояре должны были повторить французскому послу то же, что было заявлено Моньеру и Бенгарту: царь решил не ждать истечения срока перемирия и идти войной на польского короля. Дезз пошёл в Париж подтверждением этого обещания⁶.

Вскоре после отъезда Дезз в Москве появился шведский посол Моньер с извинениями и объяснениями от Густава-Адольфа по поводу заключения Альтмаркского перемирия. Но вопреки опасениям Густава-Адольфа (как и Ришелье) шведско-польское перемирие не вызвало никакого изменения в намерениях Московского государства. Моньеру было сказано, что царь «не сердится на короля за перемирие с Польшей, потому что оно было заключено по нужде»; но пусть Густав-Адольф не думает, что перемирие гарантирует его от борьбы с польскими войсками: ведь Сигизмунд III будет теперь действовать против него, в союзе с германским императором, если только польские войска не окажутся занятыми другой войной. Поэтому царь «не ждёт, что с своей стороны не будет дожидаться истечения перемирного срока и пойдёт мстить польскому королю его неправды». Как видим, когда Москве предлагали коалицию против Польши в 1626 г., она не шла на это, но теперь в антигабсбургской коалиции она по собственной инициативе решила занять своё место и именно путём отвлечения на себя сил Польши. «А как только ц. в войну на польского (короля) взочнет, и государю нашему вольнее будет с цесарем войну вести», — говорил Моньер⁷. В Москве прекрасно понимали, что без этой гарантии Швеция не отдастся с головой войне с Империей. Более того, понимали, что Швеция может бояться удара с тыла, не только от поляков, но и от русских. Где гарантия, что русские не попытаются воспользоваться занятостью шведских сил в Германии для то-

¹ Но полный его текст был доставлен Моньером только в начале 1630 года. См. ЦГАДА. Дела шведские. 1629 г., стб. 3.

² ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., кн. 2-я, лл. 225, 181, 227—229.

³ Соловьёв С. Указ. соч. Т. II, стр. 1181; Ср. Бантыш-Каменский Н. «Обзор внешних сношений». Ч. IV, стр. 79—80.

⁴ «Акты и письма». Вып. 1-й, стр. 295—298.

⁵ «Mercure françois». Т. XXI, 1629, р. 1022—1032.

⁶ ЦГАДА. Дела французские. 1629 г., кн. 2-я, лл. 55, 181, 226—227, 179—180.

⁷ ЦГАДА. Дела шведские. 1630 г., стб. 2, лл. 203—204.

го, чтобы отнять у шведов свои земли в Прибалтике? Такой гарантией могла бы быть только русско-польская война, которая сковала бы силы обоих противников. И вот эту гарантию обещали в Москве Моньеру — войну с Польшей, — несмотря на то, что Швеция заключила с ней перемирие, и даже, как видим, именно поэтому, чтоб окончательно подтолкнуть Швецию на войну с Германской империей. Царь желает Густаву-Адольфу, сказали бояре Моньеру, счастливо окончить начатое предприятие и одолеть своего врага.

Конечно, Моньер имел также поручение склонить московского царя к выступлению против Польши. Если царь начнёт войну, шведский король обещает ему помощь оружием, наёмными войсками и т. д. Со своей стороны московское правительство поощряло Швецию к войне с Империей: в 1630 г. шведам снова разрешено было закупить в Московском государстве «заповедные товары» беспошлинно и по низким ценам вольного рынка: хлеба несмотря на неурожай 75 тыс. четвертей, селитры — не только просимые 3 тыс. пудов, но «где сыщут», 200 бочек смолы, 4 тыс. четвертей проса и т. д. — всё это как бы для нужд шведской армии, на деле же в основном для перепродажи.

Точные подсчёты размеров русских субсидий шведам в денежном выражении не могут быть приведены в настоящей статье. Укажем только, что прежнее представление, будто Швеция участвовала в Тридцатилетней войне в основном на французские субсидии, должно быть признано ошибочным.

Наконец, в июне 1630 г. в Москву прибыли, как мы знаем, венгерские послы — француз Шарль де Таллеран и швед Яков Руссель — с предложением той самой восточноевропейской антигабсбургской коалиции, которая была уже так близка созванию московских политиков. Нетрудно догадаться, как было принято это предложение в Москве. Празда, формального ответа дано не было: в письме к турецкому визирю Режап-паше сообщается, что во время пребывания послов в Москве царю стало известно о смерти Бетлена Габора, и поэтому ответную грамоту решено отложить до тех пор, пока станет известно, «кто будет вперёд по указу Мурада султана величества в венграх на королевстве». Но в ответ на просьбу Режап-паши сообщить решение московского правительства по венгерским предложениям, с тем, что, если оно будет положительным (если «годно тем делам в совершении быть»), то и Турция готова немедля выступить («учнёт промышленя»), — визирю было прямо написано: венгерский посол Руссель, «будучи в ответе у ближних бояр, говорил то, что нам великому государю годно», и поэтому Руссели приказано дальше «о том же деле радеать», для каковой цели он послан в Швецию¹.

Руссель выехал из Москвы в Швецию в июле 1630 года. Созревший план оновре-

менного военного выступления Венгрии, Турции, Московия и Швеции, который он вёз, несомненно, послужил бы последним толчком к вступлению Швеции в Тридцатилетнюю войну, если бы уже предшествовавшие дипломатические события не оказались достаточным толчком: Руссель не застал в Швеции Густава-Адольфа, успевшего незадолго до того ринуться в Германию.

Густав-Адольф получил московский ответ с Моньером, повидимому, в начале апреля 1630 года. К этому времени и искренность антигабсбургской позиции Ришелье стала для шведского правительства очевидной, хотя Ришелье затягивал заключение формального военного союза с Швецией. Не могло быть сомнений также и в искренности антигабсбургской позиции Московского государства, хотя и здесь дело тоже ещё не дошло до формального договора и военного выступления. Густав-Адольф и его дипломатический руководитель Оксеншерн понимали, что очередь за ними доказать искренность позиции Швеции. Следующим шагом в становлении антигабсбургской коалиции должно было явиться начало военных действий Швеции против Империи. Около месяца ушло на окончательные приготовления к десантной операции. 19 мая 1630 г. корабли отплыли из Швеции. Вскоре 13-тысячное шведское войско во главе с Густавом-Адольфом высадилось на одном из островов балтийского побережья Империи. Война началась. Не встречая сначала сильного сопротивления, Густав-Адольф, заняв устье Одера и соединившись со шведскими войсками, находившимися в Штральзунде, в короткий срок оккупировал почти всё герцогство Померанию вместе с его столицей Штеттином. После этих первых блестящих успехов Густав-Адольф вдруг прекратил наступление и, закрепившись на занятом померанском плацдарме, вернулся к другому оружию — дипломатическому.

Прошёл ещё год напряжённой дипломатической деятельности Франции, Московского государства в Швеции — его история выходит за рамки настоящей статьи. Только к лету 1631 г. международная обстановка обеспечила возможность большого наступления Густава Адольфа в Германию. 7 сентября он одержал свою знаменитую брейтенфельдскую победу над имперско-католическими немецкими войсками. Согласно донесению Мёллера, Михаил Фёдорович, узнав о брейтенфельдской победе, «очень обрадовался и велел служить в церквах благодарственные молебны; затем он велел своим войскам собраться в несколько отрядов перед Москвою, выстроиться и валить из больших пушек и мушкетов в честь победы, одержанной шведским королём над его врагами. Никогда, — прибавляет Мёллер, — в Москве не праздновали так торжественно чьей-либо победы»².

¹ ЦГАДА. Дела венгерские. 1630 г., стб. 1, лл. 173, 192, 196.

² Форстен Г. Указ. соч. Т. II, стр. 367.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И СЛАВЯНЕ

Проф. МГУ Н. Грацианский

В немецкой исторической литературе, посвящённой проблеме «натиска на Восток», издавна замечалась тенденция относить начало этого «натиска» к франкским временам и считать инициатором его Карла Великого. Современные немецкие фашисты также стоят на этой точке зрения: если до начала второй мировой войны они относились отрицательно к Карлу Великому и считали его представителем не немецкой, а французской политики, то теперь они переменяли своё мнение о Карле и готовы видеть в нём настоящего вдохновителя «*Drang nach Osten*» и, следовательно, основоположника той захватнической политики, которую пытались проводить Гитлер и его клика на востоке. С фашистской точки зрения, императоры первой немецкой империи лишь продолжали дело, начатое Карлом Великим в интересах германского народа. Возникает вопрос: к какому же времени относить начало захвата славянских земель за Лабой — ко времени франков или же к более позднему времени саксонских императоров? Ответ на этот вопрос может дать лишь конкретное рассмотрение славяно-франкских отношений при Карле Великом.

Первые известия о сношениях славян с франками связаны с историей царства Само¹. По свидетельству так называемой «Хроники Фредегара», король Дагоберт, воевавший с Само, потерпел от него (около 631 г.) жестокое поражение у славянской крепости Вогатисбург, повидимому, в Богемии². «Много раз после этого, — отмечает «Хроника», — вишнды врывались в Тюрингию и другие области королевства франков, опустошая их»³. В дальнейшем «Хроника Фредегара» сообщает о неоднократных вторжениях славян в Тюрингию и другие области «царства франков»⁴. Поставленный в Тюрингии специально для борьбы со славянами герцог Радульф перестал признавать власть франков и поддерживал дружественные отношения с Само⁵. Очевидно, герцог самостоятельно

заключил мирный договор с Само, урегулировавший славяно-тюрингские отношения.

Союз славянских племён, возглавляемый Само и включивший в свой состав славянские племена Богемии, полабских сербов, словинцев Хорутании и, может быть, всей Паннонии, сыграл огромную роль в истории части южных и особенно западных славян: он освободил славян от аварского ига, отразил натиск франков и германцев на славянские земли и открыл путь к экспансии славян за Салу, в Тюрингию, и югозападнее, во Франконию, к Майну. Известия первой половины VIII в. свидетельствуют о широком внедрении славян в эти области. Так, «Житие св. Штурма» рассказывает, что около 736 г. святой, ехавший по большой торговой дороге из Тюрингии к Майну, встретил множество купавшихся в реке Фульде (приток Везера) славян, очевидно, переселенцев⁶. О славянах, селившихся на землях Фульдского монастыря в первой половине VIII в. упоминает Бонифаций. Наличие большого количества славян на этих землях засвидетельствовано позднейшими грамотами⁷. Грамоты IX и следующих веков отмечают ещё большее количество славян в бассейне верхнего Майна. Здесь назван ряд славянских деревень *in regione Slavogum*, отмечены славянские городища (*slaviena oppida*) и особые, специально поставленные над славянами графы, которые вместе с епископами усиленно насаждали среди славян христианство⁸.

Славяне, отдельные группы которых проникли до верхнего Везера, Фульды и верхнего Майна, принадлежали к группе полабских славян, живших к северу от Чехии, до Балтийского моря. С конца VIII в. в западноевропейских известиях появляются названия трёх главных группировок полабских славян, соседивших (по Одре) с поморянами и поляками. Между Салой и западным притоком Одры — Бобром — жили сербы-лужичане, в состав которых, кроме племён сербов и лужичан, входили, по более поздним известиям, также мильчане, гломачи и дечане. По обе стороны нижней

¹ См. подробно о славяно-франкских отношениях при Само в моей статье «Славянское царство Само». «Исторический журнал» № 5—6 за 1943 год.

² *Fredeg. Chronicon*. L. IV, c. 68—MG. SS. *rerum meroving.*, II, p. 154.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*, c. 74, 75.

⁵ *Ibidem*, c. 77, 87.

⁶ *Vita S. Sturmi* (Pertz, SS, II, 369).

⁷ См. эти данные у Zeuss'a. *Die Deutschen und die Nachbarstämme*, S. 646 ff. München. 1837.

⁸ Zeuss. *Op. cit.* S. 647 ff.

Лабы, а также к северу от неё, до Балтийского моря, жили ободриты (потомки Ободра), в состав которых, кроме собственно ободритов, или бодричей, входили также племена вагров, полабов, древан и др. К юго-востоку и востоку от ободритов, а также по реке Гавеле жили вильцы, они же лютичи (потомки Лютого), тоже подразделявшиеся на ряд племён. Во второй половине VIII и первой половине IX в. сербы, вильцы и ободриты представляли собой союзы родственных западнославянских племён, происхождение которых неизвестно. Надо думать, что эти союзы сложились в борьбе с соседними племенами, прежде всего с саксами и датчанами.

Франкские короли из династии Каролингов больше всего имели дело именно с полабскими славянами. Ещё Пипин Короткий, воюя с саксами, призывал на помощь славян¹. Это, очевидно, были сербы, непосредственные соседи тех саксов — Nordosquavi (живших между Салой и Бодой), в борьбе с которыми обращался к ним за помощью Пипин Короткий. В дальнейшем франкское правительство неизменно поддерживало дружбу с ободритами. В так называемых «Анналах Эйнгарда» говорится, что «ободриты неизменно были помощниками франков с тех пор, как были приняты ими в сообщество»². Саксы, с которыми славяне, в частности ободриты, вели постоянные пограничные войны, были общими врагами славян и франков; отсюда их союз в кровопролитных саксонских войнах Карла Великого, которые, как известно, тянулись тридцать три года. В 780 г., когда Карл прошёл всю Саксонию и остановился лагерем у Лабы, при впадении в неё Ohre, он впервые договаривался здесь с полабскими славянами³, но с какими именно и о чём, — неизвестно. Очевидно, это были ободриты, и предметом их переговоров с Карлом были совместные действия против саксов.

Под 789 г. официальные «Анналы королевства франков» упоминают в числе союзников Карла (в походе против вильцев) ободритов с их князем Вильчаном⁴. Этот Вильчан, именуемый в другом месте «королём ободритов» (Witzin Abodritorum rex), был убит саксами в 795 г., когда он переправлялся со своими ободритами через Лабу, чтобы идти на помощь Карлу, усмирявшему восстание саксов и ставшему лагерем у Бардовика⁵. «Это событие, так значителен в «Анналах Эйнгарда», послужило

до для короля (Карла. — Н. Г.) новым мотивом к тому, чтобы как можно скорее расправиться с саксами, и ещё более возбуждало его ненависть к этому вероломному народу»⁶. Убийство Вильчана было делом рук саксов, живших в Витмодии — болотистой местности между Везером и нижней Лабой, а также саксов залабских, так называемых нордальбингцев. Карл совершил несколько походов против левобережных саксов, но за Лабу, для усмирения нордальбингцев, не ходил. В Нордальбингию он послал особых уполномоченных для учинения суда над виновными. В 798 г. восставшие нордальбингцы схватили королевских судей, причём «некоторых убили, других же сохранили для выкупа»⁷.

Повидимому, одновременно восстали и саксы между нижним Везером и нижней Лабой, против которых Карл предпринял успешную карательную экспедицию. За Лабой расправа с нордальбингцами была поручена князю ободритов Дражко, который, действуя совместно с королевским посланцем Эбуризем, наголову разбил восставших саксов. «Перебито их было на месте сражения 4 тысячи; из прочих, пустившихся в бегство, тоже многие пали, уцелевшие же запросили о мире»⁸. Лоршские анналы, говоря об этом факте, называют ободритов «нашими ободритами» и объясняют победу их над саксами тем, что им «помогла вера христиан и государя короля»⁹. Те же анналы сообщают, что на государственном собрании в Северной Тюрингии Карл «оказал им (ободритам. — Н. Г.) великий почёт, как они этого заслуживали»¹⁰. В чём выражался этот почёт, мы не знаем, но надо думать, что Карл по достоинству оценил и никогда не забывал помощь, которую оказали ему в служную минуту за Лабой отважные ободриты.

Эта помощь до сих пор не оценена по достоинству в нашей науке, а между тем она сыграла огромную роль в политике Карла Великого за Рейном. Действуя в союзе с датчанами и будучи отделены от франков труднопроходимой территорией, нордальбингцы никогда не могли бы быть покорены и включены в государство Каролингов без помощи ободритов. Только благодаря содействию этих энергичных союзников Карлу удалось окончить завоевание Саксонии, получить выход к Балтийскому морю и принять оборонительные меры против датчан. Успешная политика Карла Великого на северо-восточном рубеже его государства, таким образом, целиком покоилась на его союзе с ободритами.

В 799 г. Карл, отправившись в Саксонию, стал лагерем у Падерборна и отправил сына своего Карла с частью войска к Лабе для переговоров с вождями ободритов и вильцев и для организации массового пере-

¹ Annales Mettens priores. SS. rerum german. in usum scholarum, ed. Simson, 1905, p. 41.

² Annales qui dicuntur Einhardi, a. 798 (ed. Kurze, 1895, p. 105). Ср. Annales Lavresham, a. 798 (Pertz, SS. I, 37). Sclavi nostri qui dicuntur Abodriti.

³ Annales regni Franc., a. 780 (ed. Kurze, p. 56). Ср. под тем же годом Annales qui dicuntur Einhardi, p. 57. Annales Petaviani (Pertz, SS. I, 16).

⁴ Annales regni Franc., a. 789, p. 84—85.

⁵ Annales regni Franc., a. 795, p. 96. Ср. Annales qui dicuntur Einhardi, p. 97.

⁶ Annales qui dicuntur Einhardi, p. 97.

⁷ Annales regni Franc., a. 798, p. 102.

⁸ Ibidem, a. 798, p. 104.

⁹ Annales Lavresham (Pertz, SS. I, p. 37).

¹⁰ Ibidem. Ср. Abel-Simson. Jahrbücher des Frankischen Reiches unter Karl dem Grossen. II (1883), p. 147—149.

селения мятежных саксов из-за Лабы во внутренние области франкского государства¹. Однако эта мера не положила конца мятежам нордальбингцев, и уже в 802 г. пришлось снова послать против них карательную экспедицию². В 804 г. Карл сам пошёл к устью Лабы. Здесь к императору явились старшины ободритов, и он, обсудив их взаимоотношения, поставил Дращко великим князем над ними («королём», по выражению анналов)³. Вместе с тем Карл организовал новое массовое выселение саксов и опустошённую Нордальбингию отдал ободритам⁴. Передача союзным славянам саксонской территории к северовостоку от устья Лабы свидетельствовала о том, что в то время Карл Великий не мог собственными силами удержать за собой эту отдалённую область. Вот почему император отдал Нордальбингию ободритам, создав тем самым славянский барьер против грозивших франкской монархии датчан.

Одновременно, поставив своего испытанного сторонника Дращко великим князем ободритов, император стремился создать у них сильную власть и тем самым укрепить их обороноспособность на случай борьбы с датчанами и соседними славянскими племенами вильцев. Последние занимали враждебную позицию по отношению к ободритам и франкам и держались союза с датчанами и саксами. Ещё в 789 г. Карл совместно с другими славянами, незадолго перед тем подчинившимися ему сербами и ободритами совершил поход за Лабу против вильцев⁵, желая, может быть, оградить от них своих союзников — ободритов. Эйнгард в своём «Жизнеописании Карла Великого» считает причиной войны с вильцами то обстоятельство, что они «давних союзников франков — ободритов тревожили постоянными нападениями, не слушаясь никаких приказаний»⁶. В связи с походом Карла на вильцев франкская летопись сообщает интересные сведения об этих славянах, «обитавших по берегу океана». Враждебные франкам, они теснили своих соседей, подчинённых франкам или состоявших с ними в союзе. Они воинственны и многочисленны, князь у них — Драговит, «далеко превосходивший прочих князей вильцев знатностью рождения и авторитетом старости»⁷. Карл построил через Лабу два моста, из которых один снабдил с обеих сторон предмостными укреплениями. Перейдя реку, он через территорию ободритов вторгся в области вильцев. Помогавшие Карлу в этом походе фризы прошли на судах через Лабу в Гавелу. Франки и их союзники опустошили огнём и мечом территорию вильцев до самой Пены и моря и, подойдя к крепости, в которой жил Драго-

вкт, принудили его к покорности. Надо думать, что дело обошлось без крупных сражений⁸. Князь вильцев «со всеми своими» вышел к королю из крепости, дал требуемых заложников и клятвенно обещал хранить верность королю (Карлу.— Н. Г.) и франкам. Примеру Драговита последовали и прочие старшины и князья (primores ac reguli) вильцев, тоже покорившиеся Карлу Великому⁹.

Хотя Эйнгард в «Жизнеописании Карла Великого» утверждает, что вильцы после похода на них Карла Великого «никогда не отказывались выполнять его приказаний»¹⁰, в действительности, однако, подчинение их было чисто фиктивным, и они не прекращали враждебных действий против ободритов. Когда датчане, сделавшиеся с передачей ободритам Нордальбингии непосредственными их соседями, начали с ними (808 г.) войну, в этой войне против союзников Карла приняли участие и вильцы. Даже часть племён, примыкавших к ободритскому союзу и, повидимому, недоброжелательных господством Дращко, присоединилась к вильцам и датчанам. Это были соседние с вильцами глиняне и смольняне, занимавшие области у Лабы к югозападу от территории ободритов. Ободриты, несмотря на мужественное сопротивление, не могли устоять в борьбе на два фронта и вынуждены были признать власть датчан. Эйнгард говорит, что король датский Готфрид «подчинил своей власти ободритов — соседей своих и заставил их платить дань»¹¹. В анналах королевства франков содержатся более точные и подробные известия о войне ободритов с Готфридом датским. Здесь говорится, что Готфрид взял несколько крепостей ободритов, вынудил к бегству князя Дращко, хитростью захватил и повесил другого князя ободритов — Годолуба — и две трети ободритов обложили данью. Победы датского короля достались ему дорогой ценой: в войне с ободритами он потерял цвет своего войска. При осаде одной крепости убиты были племянник Готфрида и многие представители датской знати¹². Перед возвращением домой Готфрид «разрушил порт (emporium) на берегу океана, который имелся на языке датчан Рерик и который давал царству их большие выгоды уплатой пошлин», причём купцы из Рерика переселены были в Шлезвиг¹³.

Франки не смогли оказать помощи своим союзникам — ободритам — в их борьбе с датчанами. Правда, император послал франкское и саксонское войска к Лабе под начальством своего сына Карла, но отдал ему приказание держаться оборонительной тактики и вступить в бой лишь в том слу-

¹ Annales regni Franc. a. 799, p. 106.

² Ibidem, a. 802, p. 117.

³ Annales Mettenses priores, a. 804, p. 91.

⁴ Annales regni Franc., a. 804, p. 118.

⁵ Ibidem, a. 789, p. 84.

⁶ Vita Caroli, c. 12.

⁷ Annales qui dicuntur Einhardi, a. 789, p. 85—87.

⁸ Annales Mosellani, a. 788 (Pertz, SS. XVI, p. 497); ср. Abel-Simson. Op. cit. II, 5, п. 4.

⁹ Annales qui dicuntur Einhardi, a. 789, p. 87. (Pertz, SS, I, 34).

¹⁰ Vita Caroli, c. 12.

¹¹ Ibidem, c. 14.

¹² Annales regni Franc., a. 808, p. 125.

¹³ Ibidem.

чае, если бы датчане попытались перейти границы Саксонии¹. Такая нерешительная тактика Карла Великого, дорого стоившая его союзникам, надо думать, объясняется боязнью императора посылать войско за Лабу, где оно могло погибнуть в борьбе с многочисленными и воинственными врагами. Недаром Эйнгард, говоря об угрозах Готфрида побывать со своими войсками в стольном Ахене, подчёркивает, что эти слова датского короля не были пустой похвалой и что Готфрид попытался бы осуществить своё намерение, если бы не был убит одним из своих приближённых². Страх перед датчанами, отразившийся в приведённом пассаже Эйнгарда, несомненно, передаёт настроение самого Карла Великого, который в последние годы своей жизни не любил рискованных военных предприятий и, в частности, вёл очень осторожную политику по отношению к датчанам.

Готфрид не собирался твёрдо обосноваться на территории ободритов. Его поход был простым разбойничьим набегом, по окончании которого он увёл свои войска обратно в Данию и, со своей стороны, опасаясь натиска франков, отдал распоряжение воздвигнуть на границе своих владений вал вдоль северного берега реки Эйдера³. Лишь после того, как Готфрид отвёл свои войска, стоявшие за Лабой, франкское войско перешло реку и опустошило области глинян и смольнян в наказание за их враждебные действия против ободритов⁴. Есть известие, что действия франков в славянской земле были малоуспешны и что франки потеряли в этом походе много убитых⁵. Таким образом, сын Карла Великого не мог справиться даже с глинянами и смольнянами, тем меньше у него было шансов на успех в борьбе против Готфрида и союзников датского короля на правом берегу Лабы. Возможно, что, вопреки известию официальной летописи, согласно которому Карл был послан к Лабе «с большим войском франков и саксов»⁶, это собранное наспех войско было недостаточно сильным и потому оказалось неспособным для наступательных операций.

В 809 г. император вступил в переговоры с Готфридом, а вернувшийся на свою территорию Дражко отдал сына в заложники датскому королю (очевидно, с согласия Карла Великого). Обеспечив себе таким образом тыл, Дражко с помощью саксонского войска предпринял удачный поход против вильцев⁷. Затем с помощью тех же саксов он обрушился на смольнян, взял их главную крепость и принудил их снова

примкнуть к союзу ободритов⁸. Тем временем император, опасаясь нового натиска датчан и, очевидно, не полагаясь на силу ободритов, «решил воздвигнуть крепость за рекою Лабой и поместить в ней франкское войско»⁹. Летопись сообщает, что Карл «стал собирать в Галлии и Германии людей, приказав снабдить их оружием и всем необходимым, чтобы вести через Фризию к назначенной местности» за Лабу¹⁰. Очевидно, речь идёт о широком мероприятии по сбору людей для организации военных поселений в Нордальбингии. Во время этих приготовлений (809 г.) был коварно убит людьми Готфрида в Рерике сторонник императора — князь Дражко¹¹, и это обстоятельство могло лишь способствовать скорейшей оккупации франками устья Лабы. Уже в марте 810 г. на реке Стыри, впадавшей в Лабу у её устья, была построена крепость Эзесфельд (позднее Itzenhof), являвшаяся опорным пунктом для новой франко-саксонской оккупации Нордальбингии¹². Ещё раньше, в 808 г., император отдал распоряжение построить на Лабе, по видимому, против территории глинян и смольнян, две крепости¹³ для отражения возможных славянских набегов. Одна из этих крепостей — Носхбуоки — в 810 г. была захвачена вильцами¹⁴, но в 811 г. франки опять её вернули¹⁵.

В 810 г. Готфрид датский с большим флотом, в 200 кораблей, напал на Фризию, опустошил её острова и берега и обложил жителей данью. Карл, спешно собрав войско, пошёл в Саксонию и стал лагерем у Вердена, при впадении Аллера в Везер, готовый отразить возможное нашествие датчан¹⁶. Однако столкновения с датчанами не произошло, так как Готфрид внезапно погиб, убитый одним из своих приближённых, и датский флот покинул территорию Фризии. Император, в войске которого разразился падеж скота, тоже вернулся в Ахен¹⁷.

Когда император стоял у Вердена, сюда, по свидетельству одного известия, явились к нему славяне, и он поставил им «короля»¹⁸. Речь идёт, очевидно, об ободритах, а поставленный над ними по смерти Дражко «король», т. е. великий князь, — это, по всей вероятности, Славосмир, о котором упоминает позднее официальная летопись франков¹⁹. Если ободриты, таким образом, продолжали поддерживать тесный союз с

⁸ Ibidem, p. 129.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem; Cp. Chron. Moissiao, a. 810 (Pertz, SS. II, 258).

¹² Annales regni Franc., a. 809, p. 129 — 130.

¹³ Ibidem, a. 808, p. 127.

¹⁴ Ibidem, a. 810, p. 131.

¹⁵ Ibidem, a. 811, p. 135.

¹⁶ Ibidem, a. 810, p. 131.

¹⁷ Ibidem, p. 131—133.

¹⁸ Annales S. Amandi, a. 810 (Pertz, SS. I, 14).

¹⁹ Annales regni Franc., a. 817, p. 147.

¹ Annales regni Franc., c. 808, p. 125.

² Vita Caroli, c. 14.

³ Annales regni Franc., a. 808, p. 126.

⁴ Ibidem, p. 125.

⁵ Annales Lauriss minores, a. 808 (Pertz, SS. I, 121); Cp. Abel-Simson. Op. cit., t. II, p. 387—388.

⁶ Annales regni Franc., a. 808, p. 125.

⁷ Ibidem, a. 809, p. 128.

императором, то, очевидно, их вожди ничего не имели против оккупации франками Нордальбингии и, может быть, даже приветствовали эту меру, поскольку она укрепляла их позицию по отношению к датчанам. Вильцы, наоборот, продолжали враждебные действия против франков, и в 812 г. Карл снарядил против них большую экспедицию. Вильцы изъявили покорность и выдали заложников¹. О дальнейших отношениях Карла Великого с ободритами и вильцами источники умалчивают.

Карл Великий имел дело и с другими западнославянскими племенами, жившими на границе его государства, в частности с полабскими сербами. Последние, делившиеся на ряд самостоятельных племён, в первой половине VII в. входили в состав царства Само, и ими управлял князь Дерван². В дальнейшем именно они распространились на территорию Тюрингии и Франконии. Известия о франко-сербских отношениях при Карле Великом очень отрывочны и случайны. Под 782 г. так называемые «Анналы Эйнгарда» сообщают о том, что сербы «вторглись с целью грабежа в смежные области тюрингов и саксов и опустошили некоторые местности разбоем и поджогами». Карл послал против сербов войско, которое, однако, в пути было уничтожено восставшими саксами³. Анналы королевства франков, умалчивая об этом поражении, просто говорят о посылке войска «против неких возмутившихся славян»⁴. На основании этого выражения можно сделать вывод, что Карл уже раньше заключал какое-то соглашение с сербами, которое они нарушили в 782 г. Мирные отношения с сербами каким-то образом были восстановлены, так как в 789 г. они совместно с ободритами помогли франкам в походе против вильцев⁵. Под 806 г. официальная летопись сообщает, что император посылал войско против сербов на Лабу, причём во время столкновения с сербами был убит их князь (dux) Милидух, и что для защиты от сербских набегов были построены две крепости, одна на Сале, другая у Лабы, напротив Магдебурга⁶. В капитулярии, изданном около этого времени, Карл предписывал в случае нападения сербов⁷ созывать в Саксонии общенародное ополчение. Все эти мероприятия показывают, что сербов не удалось привести к покорности и что твёрдого соглашения с ними достигнуто не было.

В 805—806 гг. Карл Великий воевал с чехами, с которыми раньше у него были

мирные отношения: часть франкского войска, участвовавшего в походе 791 г. против аваров, шла в Паннонию и возвращалась оттуда через чешскую территорию, не тревожимая чешскими князьями⁸. В начале IX в. эти мирные отношения были нарушены. Надо думать, что поводом к военным действиям против чехов послужили столкновения на чешской границе, ставшие особенно ощутительными после присоединения Карлом Баварии. Император направил в Чехию сразу три армии: одну, состоявшую из саксов и славян (каких, — неизвестно), — с севера, через Рудные горы, другую, состоявшую из восточных франков, — с северо-запада, через Чешский лес, и третью, на вербованную из баварцев, — с юга. Армии соединились в долине Эдера и двинулись под командованием Карла, сына императора, в глубь чешской территории. Чехи укрылись в лесах, и франкское войско в течение 40 дней опустошало их территорию. В одной из схваток с чехами был убит их князь (dux), по имени Лехо. До решающей битвы дело так и не дошло. Франкское войско, испытывавшее недостаток продовольствия и фуража, отступило, не добившись успеха⁹.

В следующем году в Чехию опять была послана армия, состоявшая из баварцев, алеманов и бургундов. Чехи и на этот раз уклонились от битвы, и франкская армия, пограбив территорию, вернулась, по выражению айналиста, «без большого ущерба»¹⁰. В сущности, оба похода в Богемию окончились неудачей, и источники не говорят о том, что с чехами было заключено какое-либо соглашение. Надо думать, что, вопреки утверждению Эйнгарда, чехи никогда, даже формально, не подчинялись франкам¹¹. Правда, позднее, под 822 г., официальная летопись франков сообщает, что в этом году на собрание во Франкфурте, созванное Людовиком Благочестивым для обсуждения дел, «касающихся пользы восточных частей империи», наряду с ободритами, вильцами и сербами, явились также чехи и мораване¹². Однако этот факт не свидетельствует ещё о какой-либо установившейся связи чехов с империей: на том же, франкфуртском собрании были представители и от датчан, как известно, не признававших власти Людовика Благочестивого.

По словам Эйнгарда, власть Карла признавали и платили ему дань все варварские племена «между Рейном и Вислой, океаном и Дунаем». Главными среди них биограф Карла считает вильцев, сербов, ободритов и чехов¹³. Однако эти племена не числи-

¹ Annales regni Franc., a. 812, p. 137.

² Fredeg. Chronicon. l. IV, c. 68—MG, SS. rerum meroving. II, 154.

³ Annales qui dicuntur Einhardi, a. 782, p. 61—63.

⁴ Annales regni Franc., p. 60.

⁵ Ibidem, a. 789, p. 84.

⁶ Ibidem, p. 121, ср. Chron. Moissiac. (Portz, SS. I, 308).

⁷ Boretius, Capit. regum Franc., I, p. 136, c. 2.

⁸ Annales qui dicuntur Einhardi, a. 791, p. 89.

⁹ Annales Mettenses priores, a. 805, p. 94. Annales regni Franc., a. 805, p. 120.

¹⁰ Annales regni Franc., a. 806, p. 122.

¹¹ Vita Caroli, c. 15.

¹² Annales regni Franc., a. 822, p. 159.

¹³ Vita Caroli, c. 15.

лись в составе империи Карла Великого, и он не имел намерения включить их в состав своего государства. Если, войдя с саксами и аvarами, он упорно насаждал среди них христианство и франкское государственное устройство, связанное с делением на графства, то ни того, ни другого по отношению к западным славянам не наблюдалось. Правда, среди приближённых к Карлу Великому лиц была тенденция насаждать христианство за Лабой, и Алкуин, поздравляя Карла с победой над вильцами (в 789 г.), спрашивал его, не собирается ли он крестить их; однако сам Карл был совершенно чужд этой мысли. Славянские племена находились за границей его владений, ими продолжали управлять их собственные вожди, и жили они по своим старым обычаям. Наиболее тесные связи у Карла Великого были с ободритами, великий князь которых, по видимому, числился вассалом императора¹ и занимал по отношению к нему положение, аналогичное, например, положению герцога бретонцев. Возможно, что вассальной клятвы Карл требовал также от вождей вильцев и сербов, которые, однако, не хотели признавать свою зависимость от франков. Чехи, вопреки утверждению Эйгарда, по видимому, совсем не подчинились франкам.

В тех случаях, когда зависимость славянами признавалась, она выражалась в военной помощи франкам и в некоторых приношениях, которые больше имели характер случайных даров, чем регулярной выплаты дани. Политика Карла Великого по отношению к западным славянам не была агрессивной: он не отнимал у славян их земель и не порабощал их, как это делали позднейшие немецкие императоры. Характерно, что Карл Великий и его преемник Людовик Благочестивый призывали славянских князей, наряду с германскими и другими князьями, на имперские сеймы, не делая в данном случае различия между первыми и вторыми. Войны Карла Великого на восточной границе являлись не завоевательными, а чисто пограничными. Вся суть политики императора по отношению к западным славянам сводилась к тому, чтобы установить над ними свой протекторат, обезопасить тем самым восточную границу империи и, по возможности, воспользоваться услугами славянских соседей для подчинения саксов и отражения датских набегов. Не могло быть и не было в войнах Карла Великого со славянами и той кровавой жестокости, которой запятнали себя впоследствии немецкие феодалы.

Чтобы оградить свою империю от возможных вторжений славян, Карл построил укрепленный рубеж, который завершен был незадолго до его смерти. Рубеж этот шёл приблизительно от Лорша на Дунае вдоль Чешского леса к северу, выходил, пересекая Рудные горы, к Сале, тянулся по те-

чению Салы и Лобы к Бардовику, затем поворачивал от нижней Лобы к северовостоку и выходил, сгибая Нордальбингию, к Балтийскому морю. В состав рубежа входили пять построенных Карлом Великим крепостей и кроме того Магдебург. Этот город, а также расположенные севернее Шезель и Бардовик были главными пунктами торговли франков со славянами, причём купцам не разрешалось ездить за славянский рубеж и запрещалось продавать славянам оружие и ратные доспехи².

Своеобразно сложились отношения франков при Карле Великом с южными славянами. Славянцы Хорутании и Паннонии в своё время входили в состав государства Само. После распада этого государства паннонские славяне вынуждены были снова признать власть аварского хана. Хорутане же, жившие в долине верхней Дравы, в борьбе с аvarами искали помощи соседних баварцев и подчинились их власти, хотя продолжали управляться собственными вождями³. Князь хорутан, Борут, отдавшись под власть баварцев, послал к ним в качестве заложников сына своего Каката и племянника Хотимира, которые приняли в Баварии христианство. После смерти Борута Какат вернулся домой и стал княжить в Хорутании, но через три года умер и ему наследовал, с согласия короля Пипина Короткого, Хотимир. При нём в Хорутании распространилось христианство⁴. Карл Великий, подчинив себе Баварию, естественно, подчинил и Хорутанию, причём франкское господство каких-либо существенных изменений во внутреннюю жизнь Хорутании не внесло. Подчинились также власти Карла словинцы соседней Крайны и Истрии⁵. Паннонские славяне при Карле освободились от тяжёлого аварского ига.

В войне Карла Великого с аvarами словинцы (может быть, также хорваты) Паннонии являлись его союзниками, как ободриты в саксонских войнах. Известно, что первый широко задуманный поход Карла против аvarов, предпринятый им в 791 г. с очень большими силами⁶, не увенчался решительным успехом: он привёл лишь к ослаблению, а не к уничтожению аварского ханства. Лишь спустя четыре года, когда аvarы были истощены кровавой междоусобной войной, во время которой погибло много их знати и был убит сам каган (хан), поднявшиеся против аvarов славяне, предводимые вождём Войномиром, ворва-

¹ Capit. regum Franc., I, 123, c. 7.

² Conversio Bagoariorum et Carantanorum, c. 4. Pertz. SS. XI, p. 7.

³ Ibidem.

⁴ Vita Caroli, c. 15. Ср. Abel-Simson. Op. cit. II (1883), p. 337. Ср. там же p. 340 sqq. notaе — о внедрении славян в Истрию при герцоге Иоанне, который будто бы покровительствовал славянской колонизации к ущербу местных жителей.

⁵ См. тщательный подбор и анализ источников об этом походе у Abel-Simson'a. Jahrbücher, II, 1863, p. 16. sqq.

¹ Annales Laurehamenses прямо называют Вильчана «вассалом» (vassus) Карла (Pertz, SS. I, p. 36).

дась совместно с войсками фрульского маркграфа Эрика в неприступное аварское «кольцо» (hring) за Дунаем и разорили его, захватив огромную добычу¹. Характерно, что Эрик не участвовал в этой экспедиции. Он лишь «послал своих людей с Войномиром славянином в Паннонию», как свидетельствуют об этом официальные «Анналы королевства франков». Повидимому, в походе Эрика против аваров принимали участие незначительные силы, и главную роль в нападении на «кольцо» играли славяне, хорошо знавшие наиболее уязвимые места этой крепости. Таким образом, задача, которую не мог разрешить Карл Великий со своими большими силами, была легко разрешена отрядом Эрика, опиравшимся на массу паннонского славянства. Удар, нанесённый аварам соединёнными силами славян и франков, на этот раз оказался решающим. Большая часть аваров признала свою зависимость от франков и приняла христианство, остальные в 796 г. были покорены сыном Карла Великого, королём Италии Пипином. Экспедиция Пипина, завершившаяся окончательным разорением «кольца», в сущности, уже не встретила сопротивления² и авары перестали существовать как самостоятельная сила. Таким образом, славяне сыграли огромную роль и в аварских войнах Карла Великого и сами получили от этих войн большие выгоды. Словинцы Паннонии, подкреплённые колонистами из соседней Словакии, теснили своих прежних завоевателей³, и в 805 г. аварский хан, явившись к императору, просил «дать ему место для поселения» за Раабом, в верхней Паннонии, «так как из-за враждебных действий славян он не мог оставаться на прежнем месте жительства»⁴. Карл согласился выполнить эту просьбу хана. Однако славяне не переставали теснить аваров, и в 811 г. Карл посылал в Паннонию войско, «дабы положить конец распрям гуннов с славянами»⁵. Как видим, разгром аварского царства сослужил большую службу паннонским славянам. Усиленные притоком новых славянских элементов из-за Дуная, словинцы стали господствовать в Паннонии, постепенно вытесняя оттуда аваров, которые в скором времени сошли с исторической сцены. Последнее упоминание о них относится к 870 году⁶.

Очень неясны отношения франков при Карле Великом с хорватами Далмации.

Эрик, маркграф Фриуля, включивший в состав своей марки Крайну и Истрию, воевал с хорватами и был убит при осаде их крепости Терсатто (неподалеку от Фиуме), в древней Либурии⁷. Из-за чего и как началась эта война,— неизвестно. После войны Карла Великого с Византией вся хорватская Далмация (за исключением прибрежных городов) перешла под власть франков и вошла в марку Фриуля. В состав этой же марки входила и паннонская Хорватия (между Савой и Дравой) Хорваты должны были платить маркграфу дань и поставлять вспомогательные отряды в его войско. Хорваты Паннонии и Далмации попрежнему управлялись своими князьями, и они с неудовольствием подчинялись власти маркграфа. При Людовике Благочестивом князь паннонских хорватов Людевит, безуспешно жаловавшийся императору на насилие маркграфа⁸, в 819 г. поднял восстание против франков. Восстание это продолжалось четыре года и было подавлено с помощью хорватов Далмации⁹. Константин Багрянородный говорит о восстании хорватов Далмации, якобы вызванном ужасными жестокостями франков, которые «убивали даже грудных младенцев и бросали их псам»¹⁰. Однако в западноевропейских источниках нет никаких известий о том, что хорваты Далмации когда-либо восставали против франков. Наоборот, князь их Борна помогал франкам в их борьбе против Людевита. Поэтому известие Константина Багрянородного является подозрительным. Возможно, что он ошибочно приписал хорватам Далмации восстание хорватов Паннонии, причём преувеличил слухи о жестокостях франков. В действительности хорваты Далмации не имели оснований восставать против франков ни при Карле Великом, ни позднее. Оставаясь вассалами франков, великие жупаны Далмации вели самостоятельную политику. Они входили в сношения с Византией и, владея сильным флотом на Адриатическом море, воевали с Венецией и арабами. С конца VIII в. в Далмации стало быстро распространяться христианство, и с половины IX в. она была выделена в особое, самостоятельное епископство. Это ещё более укрепляло самостоятельность хорватского великого жупана, который именовал себя «правителем Хорватии милостью божией».

Мы видим, что политика Карла Великого по отношению к южным, как и по отношению к западным славянам, не была агрессивной. Немецкие шовинисты и современные фашисты искажают исторические факты, пытаются возвести свою политику «Drang nach Osten» к Карлу Великому.

⁷ Vita Caroli, c. 13.

⁸ Annales regni Franc., a. 818, p. 149.

⁹ Ibidem, p. 150 sqq.

¹⁰ De administr. imperij, c. 30.

¹ Annales regni Franc., a. 796, p. 98.

² Ibidem, p. 98—100.

³ Conversio Carantanorum, c. 6 (SS. XI, p. 9).

⁴ Annales regni Franc., a. 805, p. 119—120.

⁵ Ibidem, p. 135.

⁶ Conversio Carantanorum, c. 10 (SS. XI, p. 11).

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

НАРОДНОЕ СТАЛИНГРАДСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ*

М. Водолагин

Историческое выступление товарища Сталина 3 июля 1941 г., его обращение к советскому народу о создании народного ополчения, с необычайным подъёмом было встречено и в Сталинграде. На многочисленных митингах и собраниях сталинградцы единодушно принимали решения о создании народного ополчения и посылке в помощь фронту добровольческих отрядов.

Рабочие Тракторного завода обратились через газету «Сталинградская правда» ко всем рабочим, колхозникам, интеллигенции области с предложением сформировать народное ополчение в помощь Красной Армии. Это обращение нашло живейший отклик среди трудящихся. Направляющей силой и душой начавшегося патриотического движения явилась сталинградская партийная организация.

Областной комитет партии и исполком областного совета, осуществляя требования трудящихся, создали в июле 1941 г. в Сталинградской области корпус народного ополчения. В его состав вошли: сводная Донская кавалерийская дивизия казачьих сотен, Сталинградская стрелковая дивизия, танковая бригада, отдельный артиллерийский дивизион и миномётный дивизион. Командиром корпуса был назначен председатель исполкома областного совета депутат Верховного Совета СССР тов. Зименков, начальником штаба — начальник отдела боевой подготовки областного совета Осоавиахима тов. Пенэджик, а после его отъезда в Действующую армию — заведующий военным отделом обкома ВКП(б) тов. Петрухин.

В июле и августе происходило формирование частей и соединений корпуса из добровольцев, способных носить оружие, в возрасте от 17 лет. Наплыв в народное ополчение был необычайно велик. Комплектование соединений шло быстро. В танковую бригаду Тракторозаводского района в первые дни было подано более 6 тыс. заявлений. В ополчение шли рабочие, инженеры, техники, служащие предприятий и учреждений города. Запись производилась непосредственно в цехах и учреждениях. На Сталинградском тракторном заводе запись в ополчение началась 5 июля 1941 года. В цехах с большим патриотическим подъёмом

прошли многочисленные митинги и собрания. Выступавший на митинге рабочий тракторного цеха Кортяев заявил: «Я оборонял Царицын от белогвардейцев. Могу ли я допустить, чтобы подлый враг растоптал нашу родину и свободу? Нет! Ни за что! Я прошу записать меня в народное ополчение». 60-летний масленщик инструментального цеха Спирыков сказал: «15 лет я плавал на военных кораблях. С немцами воевал в Балтике, защищал от них и от белых наш Питер. Примите меня в ополчение. Сил у меня хватит, а злоба против немца ещё старая не угасла». У старшего мастера моторного цеха Лебедева два сына уже сражались на фронте. Лебедев вместе с младшим сыном вступил в ополчение.

В цехах выстраивались огромные очереди желающих записаться в ополчение. Никто не хотел оставаться в стороне от великого патриотического движения.

С не меньшим подъёмом проходила запись в ополчение на заводах «Баррикады» и «Красный Октябрь». Первыми вступали в ополчение ветераны царицынской обороны, прославленные сталевары, прокатчики и мастера; за ними записывались все, способные носить оружие. На «Красном Октябре» в ополчение вступили сталевары Соколовы, Алёшкин, мастер Панкратов, механик Борисов и многие сотни других металлистов старейшего волжского гиганта. Вступил в ополчение и обрубщик Пётр Гончаров, ставший впоследствии знаменитым снайпером Красной Армии, Героем Советского Союза.

На Сталинградской железной дороге в ополчение вступали в полном составе паровозные бригады, слесари, машинисты. В ополчение шла интеллигенция: служащие, учителя школ и студенты вузов. Настойчиво требовали приёма в боевые соединения женщины, которых принимали лишь в санитарные части и батальоны связистов.

С большим подъёмом проходило формирование кавалерийской дивизии в донских районах области. Слух о записи казачьих добровольцев в ополчение с быстротой молнии облетел хутора и станицы Дона, Хопра, Медведицы и Чира. Поднялись старые казаки. Записываясь в ополчение, они говорили: «У нас с германцем особые счёты, и воевать нам с ним не впервые приходится». В ополчение вступали рядовые колхозники, бригадиры, председатели колхозов и сельсоветов; во многих хуторах и станицах они являлись на пункты приёма в полной ка-

* Автор статьи — секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) по пропаганде, бывший военный комиссар Сталинградского корпуса народного ополчения.

защитной форме. Наплыв добровольцев в казачьи сотни был так велик, что в каждом районе пришлось создать специальные отборочные комиссии. В ополчении оставляли только тех, кого на предприятиях и в колхозах без ущерба для производства могли заметить другими лицами. Благодаря этому мероприятию был отобран боеспособный контингент и созданы подвижные подразделения народного ополчения.

В казачью дивизию вступило много старых казаков. Примерно две трети дивизии составляли казаки в возрасте свыше 50 лет. В Нижнечирской станице из 22 добровольцев 20 были старше 50 лет. В казачью сотню вступил казак Нижнечирской станицы орденосеца П. С. Куркин, участник обороны Царицына, 63 лет. Из 20 добровольцев Усть-Медведицкой станицы 16 казаков были в возрасте свыше 50 лет, в числе их — И. Т. Толмасов, 55 лет, В. Т. Кумов, 53 лет, и др.

В Урюпинском районе хопёрские казаки вступали в ополчение группами. Первыми откликнулись участники гражданской войны и бывшие красные партизаны. Бывший боец дивизии Киквидзе, И. И. Никуличев, записываясь в ополчение, заявил: «Даю клятвенное обещание, не щадя ни сил, ни жизни, драться с врагом до полного его истребления». Вступил в ополчение калачёвский казак Травянов, орденосеца, участник обороны Царицына. В Новоанненском районе казак Н. Овчинников, награждённый в гражданскую войну боевым оружием, в ополчении стал командиром сотни. Комиссаром одного полка был назначен Калабердин, бывший начальник Сталинградского областного земельного отдела, впоследствии прославившийся на фронте исключительной храбростью.

Среди казаков-ополченцев Березовского района были отец и сын Недорубовы. Казак К. И. Недорубов, родившийся в 1889 г., ещё в прошлую войну России с Германией был награждён двумя медалями и четырьмя георгиевскими крестами. В гражданскую войну он командовал эскадронами в Таманском полку Блиновской кавалерийской дивизии. К. И. Недорубов в своей биографии писал: «В 1941 г., во время вероломного нападения немецких бандитов на нашу родину, я вступил в народное ополчение. Моему примеру последовали ещё 57 человек в возрасте от 50 до 60 лет, и не отстал мой младший сын Николай, имея в то время 17 лет от роду. Мне пришлось формировать эскадрон старых казаков, участников прошлых двух войн. Трудно было разламывать старые кости, но это нужно было для пользы родины. Уходя из Березовской, мы дали клятву до последней капли крови защищать родину».

В тяжёлых летних боях 1942 г. отец и сын Недорубовы проявили железную казачью стойкость и храбрость: в бою под Кутёвской они вдвоём истребили 120 гитлеровцев. К. И. Недорубову было присвоено звание Героя Советского Союза, его сын был награждён боевым орденом.

Почти все старые казаки-ополченцы были участниками первой мировой войны, и мно-

гие из них в гражданскую войну защищали Царицын. Это были опытные воины, поэтому вопрос о том, кто должен командовать такой дивизией, приобрёл серьёзное значение. Командиром этой дивизии был назначен Н. Ф. Цепляев. С первых дней войны он буквально засыпал областные и центральные организации телеграммами с требованием отправить его на фронт. Цепляева знала вся область как человека исключительной храбрости и мужества. Ещё в первую империалистическую войну он был награждён четырьмя медалями на георгиевской ленте и четырьмя георгиевскими крестами. Рядовой солдат, как полный георгиевский кавалер, он получил чин прапорщика. В гражданскую войну Н. Ф. Цепляев командовал кавалерийской бригадой и был награждён двумя орденами Красного знамени. Полковник РККА Цепляев был назначен командиром дивизии. Он активно взялся за дело.

В формировании казачьей дивизии принимали участие почти все колхозы донских районов Сталинградской области: они выделяли лучших донских коней, фураж, изготавливали седла, шили обмундирование. Колхозы одного лишь Урюпинского района дали ополчению 323 лошади и свыше 100 седел. Всего колхозы донских районов области выделили казачьей дивизии около 1700 лошадей и 2 тыс. седел. Сверх плановых поставок колхозы передали дивизии свыше 200 повозок, 5 тыс. овчин для пошивки полушубков, большое количество кожи для сбруи и сапог и около 3 тыс. пар валенок. Большую помощь дивизии оказали рабочие Сталинграда снаряжением и вооружением.

В конце сентября 1941 г. дивизия была сформирована в составе трёх полков: командиром Урюпинского полка был назначен управляющий урюпинским отделением Госбанка тов. Думенко, командиром Новоанненского полка и одновременно комиссаром дивизии — секретарь Новоанненского РК ВКП(б) тов. Кичапов, командиром Михайловского полка — участник гражданской войны тов. Алифатов. Столь быстрое и успешное формирование и материальное оснащение дивизии исключительно за счёт местных ресурсов были обеспечены благодаря повседневному участию в этом деле райкомов ВКП(б) и исполкомов райсоветов депутатов трудящихся. Особую заботу об ополчении проявили партийные и советские организации и колхозы Новоанненского, Урюпинского, Березовского, Михайловского, Логовского и Кумылженского районов.

В подразделениях дивизии по инициативе ополченцев — старых казаков — была установлена строгая дисциплина. «Война с немцем — вещь серьёзная, — говорили ополченцы. — И уж коли мы сами пошли на войну, то и дисциплина у нас должна быть нерушимая и твёрдая, как сталь клинков». Высокая политическая сознательность, крепкая сплоченность казаков объяснялись тем, что свыше 25% личного состава дивизии составляли коммунисты.

26 сентября 1944 г. по Сталинградскому

корпусу народного ополчения был отдан приказ:

«Товарищи бойцы, командиры и политработники славной Донской дивизии казачьих сотен народного ополчения! Прошло два месяца с того дня, как началось в районах нашей области формирование казачьих сотен народного ополчения. Горячо, с небывалым подъёмом откликнулось казачество Дона на призыв товарища Сталина стать с оружием в руках на защиту отечества. В ряды народного ополчения вступило много старых казаков — участников прошлой войны с германцами в 1914—1917 гг. и участников обороны красного Царицына. Наряду с бывалыми казаками в дивизию вступило немало и молодёжи. Казаки-ополченцы — старики и молодёжь — все горят желанием скорее встретиться лицом к лицу с врагом. Командование корпуса с глубокой благодарностью отмечает огромную помощь, которую оказывали и продолжают оказывать народному ополчению колхозы донских районов Сталинградской области, выделявшие казачьей дивизии лучших колхозных коней, сбрую, обозное имущество, фураж. В целях усиления боевой подготовки частей дивизии приказываю: § 1. Провести с 1 октября по 1 ноября 1941 г. месячный учебный сбор казаков-ополченцев с отрывом от производства. Сбор провести по полкам в полковых центрах: Урюпинск, Новоанненская и Михайловская. § 2. На сбор казакам явиться в конном строю и в установленной форме, иметь при себе десятидневный запас продовольствия и для коней десятидневный запас фуража. § 3. Командиру дивизии полковнику Цепляеву и комиссару дивизии Кичанову сбор провести в соответствии с утверждённой программой боевой и политической подготовки, обратив особое внимание на подготовку бойцов к действиям в составе звена, отделения».

В погожие сентябрьские дни из хуторов и станиц Дона потянулись группы всадников. Провожать казаков-ополченцев на сбор выходили колхозники всем хутором или станицей. В некоторых хуторах, по старому казачьему обычаю, отъезжавших провожал напутственным словом старейший в хуторе казак. Ехали на сбор полностью экипированные, на лучших колхозных конях донской крови. За казачьими сотнями тянулись подводы с запасами фуража и продовольствия. Дон огласился старыми походными песнями боевых сотен. Горя желанием скорее быть на фронте, все были убеждены, что сбор — это начало похода, за которым последует и встреча с немцами — старыми врагами казачества.

Месячный учебный сбор помог укрепить подразделения дивизии, провести систематическую боевую и политическую подготовку ополченцев. На сборе казаки серьёзно и внимательно проходили курс обучения. Старые казаки помогали обучению молодых, делились с ними воинским опытом и боевыми традициями казачества. На инспекторском смотре боевая подготовка дивизии получила высокую оценку. По решению военного совета Сталинградского военного округа, дивизия народного ополчения была

зачислена в состав РККА под именем 15-й Донской кавалерийской казачьей дивизии. Командиром её был назначен урюпинский казак полковник Горшков, комиссаром — майор Юрченко. Тов. Цепляев был переброшен на Северный Кавказ для командования 3-й Кубанской добровольческой дивизией.

Но и после того, как Сталинградская казачья дивизия была передана Красной Армии, областные организации и колхозы продолжали заботиться о своей родной дивизии. В феврале 1942 г., когда, по новому штатному расписанию, потребовалось провести доукомплектование дивизии, из 13 казачьих районов области в неё вступило ещё свыше 500 казаков-добровольцев.

В марте дивизия стала готовиться к выступлению на фронт. В приказе по корпусу № 8 от 23 марта 1942 г. говорилось: «В скором времени отправляется на фронт Отечественной войны Донская казачья кавалерийская дивизия, сформированная из казачьих сотен народного ополчения. Казаки-бойцы этой дивизии, как и бойцы всех частей народного ополчения, горят неукротимым желанием как можно скорее встретиться с врагом, рубить и гнать его на Запад, вон из нашей страны. Казаки-бойцы! Донское казачество много вписало славных страниц в историю русской земли. Иноземные захватчики не раз испытывали на себе сокрушительную силу удара казачьих клинков. Лихая казачья удаля, боевая хватка, военная хитрость, неуловимость, стремительность казачьего налёта на лихих конях-дончакх — всё это приводит в трепет немецких войск. Верные сыны Советского Дона! Высоко несите вручённое вам трудящимися области боевое красное знамя. Свято выполняйте приказ народного комиссара обороны товарища Сталина и наказ ваших отцов, жён и детей — изгнать из нашей страны немецко-фашистских захватчиков и отстаивать честь и независимость нашего отечества».

Летом 1942 г., когда гитлеровцы прорвались к Дону и устремились к Сталинграду, дивизия мужественно сражалась против немцев в Сальских степях, а затем — в степях Ставропольщины. Зимой 1942—1943 г. казачья дивизия была в первых рядах наступавшего фронта. В декабре 1942 г., когда группа немецких войск под командованием Манштейна пыталась из Котельникова пробиться на помощь к окружённым под Сталинградом гитлеровцам, казачья дивизия участвовала в нанесении по немцам отвлекающих ударов.

В августе 1942 г. за боевые заслуги дивизия была преобразована в 11-ю гвардейскую Донскую кавалерийскую дивизию, затем награждена орденом Красного знамени, а летом 1943 г. за проявленную отвагу в наступательных боях получила наименование Волнозакской. Казаки-донцы истребили свыше 10 тыс. немцев, уничтожили сотни вражеских танков. Более 800 казаков этой дивизии награждено орденами и медалями.

★

В Сталинграде успешно прошло формирование танковой бригады в Трактороза-

водском районе. Она была полностью укомплектована 15 июля 1941 года. Командиром бригады был назначен начальник тракторного цеха капитан запаса Лебедев, комиссаром бригады — заведующий военным отделом Тракторозаводского райкома партии капитан запаса Степанов. С 26 октября 1941 г. в бригаде начались регулярные учебные занятия с проведением боевых стрельб из танков.

К концу июля 1941 г. было закончено формирование Сталинградской стрелковой дивизии, командиром которой был утвержден заместитель председателя исполкома облсовета депутат Верховного Совета РСФСР Поляков, комиссаром — секретарь горкома ВКП(б) Вдовин.

В августе были освобождены от работы на предприятиях начальники штабов полков и батальонов. С этого времени подразделения народного ополчения приступили к систематическому военному обучению. Корпус народного ополчения благодаря помощи руководящих областных организаций и ответственности города и области получил крепкую материальную базу. К июлю 1942 г. на складах корпуса было заготовлено: летнего обмундирования — 6 тыс. комплектов, стальных шлемов — 6 тыс., шинелей — 2 тыс., ботинок и сапог — 2 тыс., стеганых фуфаяк и брюк — 1500 комплектов, белья — 5 тыс. комплектов, сапёрных лопат — 6 тыс., полное оборудование для санитарного батальона, батальона связи и месячный продовольственный запас на 2 тыс. человек.

Материальной частью для военного обучения ополченцев служила боевая продукция сталинградских заводов. Корпус имел также в небольшом количестве и своё вооружение: миномёты разного калибра, автоматы «ППШ», винтовки, до 40 тыс. бутылок с противотанковой зажигательной смесью, гранаты и патроны, орудия и 5 учебных боевых танков, изготовленных силами ополченцев-рабочих. Сталинградский тракторный завод передал танковой бригаде 5 артиллерийских тягачей марки «СТЗ». Рабочие завода «Красный Октябрь» сделали для тягачей бронированные корпуса. На вооружении каждого учебного танка были пулемёт и пушка. На учебных танках были подготовлены танкисты, будущие участники обороны Сталинграда. На обкатке боевых машин, на полигоне пробных артиллерийских стрельб народоополченцы изучали боевую технику в действии.

Успехи организации материального оснащения и военно-политической подготовки ополчения были достигнуты благодаря повседневному деловому руководству партийных и советских организаций области и Сталинградского городского комитета обороны. Первое решение Городского комитета обороны было об ополчении и его организации. Бюро Сталинградского обкома партии и исполком областного совета систематически занимались вопросами народного ополчения. Во главе отдельных управлений корпуса были поставлены руководящие работники области: начальником управления по снаряжению корпуса — заместитель председателя облисполкома тов. Жаворонков,

начальником управления вооружения и боепитания — секретарь обкома партии тов. Бондарь, начальником упродснаба — заместитель председателя облисполкома тов. Вязовцев, начальником санитарного управления — заместитель председателя облисполкома тов. Поляков. На местах, в районах, подразделения народного ополчения возглавляли ответственные партийные и советские работники.

Большую поддержку народному ополчению оказывали сталинградские заводы. Директор Сталинградского тракторного завода и заместитель наркома танковой промышленности Горегляд предоставил в распоряжение бригады народного ополчения помещение, боевую технику и средства.

Трудящиеся Сталинграда и Сталинградской области отчислили из своих средств на содержание народного ополчения полтора миллиона рублей. Институты города помогали народному ополчению учебными и наглядными пособиями, военные училища — преподавательскими кадрами и командирами-инструкторами. Благодаря этому подразделения народного ополчения в короткий срок окрепли и стали боееспособными.

Командование корпуса народного ополчения требовало от командиров и политработников приблизить учебную подготовку к боевой действительности, больше внимания уделять подготовке отдельного бойца и проводить боевую учёбу небольших подразделений в естественных условиях, на прилегающей местности.

Областное книгоиздательство выпустило серию брошюр «Библиотека народоополченца» в 16 названий, общим тиражом в 175 тыс. экземпляров. Это были популярные книжки на темы: «Как бороться с танками противника», «Пулемёт «Максим», «Как ориентироваться на местности», «Как бороться с высаженным десантом противника» и т. д.

В течение лета 1942 г. было проведено несколько трёхдневных и семидневных военных сборов ополченцев Сталинградской дивизии с отрывом от производства.

В каждом районе области были созданы истребительные батальоны для борьбы с шпионами, диверсантами и вражескими парашютистами и для охраны важных объектов.

В начале июля немецкие войска вторглись в районы Дона и устремились к Сталинграду. 12 июля 1942 г. немецкая разведка появилась на территории Серафимовичского района, Сталинградской области. Вскоре в районе Клетской закрепились кровопролитные бои.

Внимание партийных и советских организаций Сталинградской области было направлено на усиление средств обороны и укрепление частей народного ополчения.

15 июля 1942 г. при штабе корпуса было созвано совещание командиров, комиссаров и начальников штабов частей и соединений корпуса народного ополчения. На совещании обсуждался один вопрос: о приведении в боевую готовность частей народного опол-

чения в связи с приближением фронта к Сталинграду. Был отдан приказ усилить строевые занятия. В городе и в прилегающих к городу районах широко развернулось строительство оборонительных рубежей. Но многие ополченцы — квалифицированные рабочие военных заводов — не могли посещать строевые занятия, так как, выполняя военные заказы, по несколько суток не отходили от станков. Это приводило к тому, что в подразделениях почти никогда в наличии не было числившегося в списке состава, а обстановка требовала твёрдого состава подразделений.

В начале августа, когда положение на фронте ещё более осложнилось, командирам соединений был дан приказ в каждом районе города выделить батальон или роту, укомплектованную твёрдым составом ополченцев, чтобы в случае необходимости их можно было перевести на казарменное положение. Это мероприятие целиком себя оправдало. В дни боёв за Сталинград два батальона танковой бригады в Тракторозаводском районе, артиллерийский дивизион в Баррикадном районе, батальон в Краснооктябрьском районе первыми собрались по боевой тревоге и выступили на линию обороны.

С половины июля начались усиленные занятия подразделений на местности, за городом. Танковая бригада проводила учебные занятия в окрестностях своего района, в радиусе 2—10 километров. Бойцы и командиры хорошо изучили местность, знали каждую её складку, что очень пригодилось в дни боёв за Сталинград; для воинских частей, защищавших Сталинград, рабочие-народоополченцы были прекрасными проводниками по лабиринтам разрушенных кварталов города и замечательными разведчиками.

Среди защитников Сталинграда громкую славу стяжали разведчики отец и сын Ивановы и отец и сын Палагушкины, ополченцы Ворошиловского полка Сталинградской дивизии. Во время битвы за Сталинград вместе с красноармейцами они много раз ходили в разведку, приносили сведения о силах и расположении врага, производили крупные диверсии, подрывали склады с боеприпасами, мосты, забрасывали гранатами немецкие автомашины и огневые точки.

В начале августа, во время боёв на южных подступах к Сталинграду, танковая бригада получила задание — разработать план совместных боевых действий с истребительными отрядами и воинскими частями гарнизона на случай высадки вражеского десанта. В подразделениях народного ополчения шла напряжённая боевая подготовка. Сталинградцы, верные своим боевым традициям, готовились достойно встретить врага.

18 августа после ожесточённых боёв в излучине Дона немцам удалось переправиться на левый берег Дона в районе между городом Калач и хутором Вертячий. 23 августа, прорвав нашу оборону, передовые немецкие части днём появились в селе Орлов-

ка, в 5 км от Сталинграда. Эта весть поставила на ноги весь город. К полудню немецкие самолёты начали бомбить аэродром близ Тракторозаводского района. Немецкие танки с десантами автоматчиков пробирались к Волге, в направлении Латапанки. Сталинград охватывался полукольцом окружения. Подразделения зенитчиков, расположенные на ближних подступах к городу, уже вступили в бой с немецкими танками и автоматчиками. Учебный танковый батальон майора Гирда, стоявший на танкодроме Тракторного завода, примерно в 3 км от посёлка, тоже вступил в бой с появившимися со стороны Орловки 14 немецкими танками и мотопехотой. Начальник штаба батальона капитан Железнов просил командира бригады народного ополчения Тракторозаводского района поддержать батальон, заняв оборону на южном склоне высоты 135,4.

В городе была объявлена боевая тревога. В 6 час. вечера гитлеровцы начали штурм Сталинграда с воздуха, посылая на город непрерывными волнами десятки пикирующих бомбардировщиков. Город окутывался дымом пожарищ. Всё потонуло в сплошном грохоте артиллерийской канонады и разрывов авиабомб. На крыши домов, как град, сыпались осколки зенитных снарядов. Содрасалась земля, рушились дома, замерло всякое движение. Части народного ополчения и истребительные батальоны стали полуживыми. В районы, на заводы были посланы представители Городского комитета обороны с полномочиями принимать на месте, в зависимости от обстановки, чрезвычайные меры по сохранению порядка и по мобилизации всех сил на отпор врага. Против прорвавшейся группировки немцев выступили части гарнизона. 24 августа 1942 г. командование корпуса народного ополчения отдало приказ танковой бригаде: «Товарищи бойцы, командиры и политработники частей народного ополчения города Сталинграда! До сегодняшнего дня мы всё своё внимание и время отводили делу военной подготовки, готовились к тому, чтобы по первому зову партии и правительства выступить с оружием в руках против немецко-фашистских захватчиков. Сейчас, когда враг подкатился к стенам нашего родного города, наступил час выполнить свой воинский долг перед народом, партией и правительством. Станем все, как один, на защиту родного Сталинграда! Отразим наступление врага! Вместе с Красной Армией будем, не щадя жизни, драться за каждый вершок сталинградской земли. Приказываю: 1. Комиссару части тракторозаводцев тов. Степанову выступить против прорвавшейся группировки немцев в районе с. Рынок. Линию обороны и последующие свои действия согласовывать с генерал-майором Фекленко и командованием истребительного отряда. Оружие и боеприпасы взять из заводских ресурсов. 2. В связи с развернувшимся формированием боевых рабочих отрядов на предприятиях города разрешить вступление в эти отряды как отдельным народоополченцам, так и подразделениям, изъявившим желание быть в рабочем отряде»

Против прорвавшихся немцев были брошены все силы Тракторозаводского района: истребительный батальон под командованием тт. Костюченко и Панченко, отряд морской пехоты капитана 3-го ранга тов. Телевского, второй батальон танковой бригады народного ополчения под командованием тт. Вычугова и Степанова. В ночь на 25 августа в помощь им были посланы истребительные батальоны и отряды народного ополчения Баррикадного, Краснооктябрьского, Дзержинского и Ворошиловского районов.

24 августа, в 19 ч. 30 м., немецкая пехота под прикрытием танков атаковала передний край обороны курсантов учебного танкового батальона. Батальон народного ополчения, помогая танкистам, ударил во фланг наступавшим немцам. На подступах к городу завязался бой между немецкими танками, мотопехотой и защитниками Сталинграда. В этом первом бою на северной окраине города атаки немцев были отбиты, враг потерял 3 танка.

25 августа, днём, начался бой в районе обороны, занимаемой истребительным батальоном. И на этот раз наступавшие немцы не смогли продвинуться вперёд. Выдержав напор немцев, рабочие отряды, моряки Волжской флотилии и курсанты танкового батальона под прикрытием 14 танков перешли в наступление и потеснили немцев. В этом бою немцы потеряли 4 танка, 2 миномётные батареи и до двух рот автоматчиков. Немцы оказывали сильное давление на наш правый фланг, упиравшийся в западную окраину Спартаковки, которую прикрывал ремонтно-восстановительный батальон лейтенанта Пинькало. Батальону оказали поддержку рабочие отряды народного ополчения и истребительный батальон. На другой день батальон Пинькало был усилен подошедшим рабочим отрядом краснооктябрьцев под командованием тов. Попова.

25 августа город был объявлен на осадном положении. Партийные организации и военкоматы, по указанию Городского комитета обороны и военного совета фронта, формировали новые отряды и посылали их на помощь рабочим отрядам и частям гарнизона, оборонявшим северную часть города. Одновременно формировались специальные отряды для сооружения уличных баррикад. Вплоть до 28 августа оборону северной части города держали отряды народного ополчения, истребительные батальоны и части сталинградского гарнизона. В ночь на 28 августа справа от позиций танковой бригады занял оборону 282-й полк НКВД.

29 августа подошли части 124-й стрелковой бригады под командованием полковника Горохова и с марша вступили в бой. Полковник Горохов в своих воспоминаниях об этих днях пишет: «124-я отдельная стрелковая бригада заняла северную линию обороны Сталинграда в августе 1942 года. Она сменила бойцов рабочего отряда народного ополчения, истребительного батальона. До прихода частей Красной Армии линию обороны этого участка держали исключительно рабочие отряды «СТЗ» и «Красного Октября». Они выдержали лобо-

вой удар прорвавшейся группировки, вышедшей на подступы к Тракторному. Требовалось во что бы то ни стало задержать наступление немцев. Все рабочие, вчера ещё выпускавшие грозное оружие для истребления немцев (танки, пушки, боеприпасы), в дни непосредственной опасности сменили станки на окопы и, зарывшись в землю, заняли передовую линию и под жесточайшей авиабомбёжкой задержали продвижение немцев у самых ворот к городу. Подошедшая 124-я бригада заняла линию обороны и, перейдя в наступление, оттеснила немецкие части на запад».

В городе и посёлках несмотря на непрерывную бомбёжку с воздуха народное ополчение несло охранную службу. Они бдительно оберегали предприятия от немецких лазутчиков и диверсантов, наблюдали за порядком, тушили пожары, спасали людей из-под обломков разрушенных зданий, помогали женщинам и детям переправляться на левый берег.

Среди сталинградских ополченцев много было молодёжи и женщин. Девушки-комсомолки с заводов Тракторного, «Баррикады» и других отважно действовали в санитарных отрядах. Несмотря на опасность для жизни они выносили раненых бойцов-ополченцев с переднего края обороны, доставляли в окопы продовольствие и боеприпасы, ходили в разведку, работали на переправах, эвакуируя на левый берег раненых бойцов, женщин и детей.

Ополченцев танковой бригады неоднократно перебрасывали с одного участка обороны на другой. 27 сентября создалось тяжёлое положение в западной части Тракторозаводского района, на окраине Горного посёлка. Полковник Горохов потребовал от танковой бригады поддержки. Батальон народноополченцев под командованием тов. Вычугова держал оборону Горного посёлка до рассвета 27 сентября, когда он был сменён 124-й стрелковой бригадой.

В течение 29 сентября немцы ожесточённо бомбили Тракторный завод и посёлок. Загорелись нефтебаки, пылали десятки домов. Под прикрытием авиации немецкая пехота начала штурм посёлка. Из Мокрой Мечетки в балку, что левее Механического института, стали просачиваться немецкие автоматчики. Они пытались пробраться на заводскую площадь. Создалось угрожающее положение. Батальон народноополченцев под командованием тов. Вычугова был быстро брошен к Механическому институту, чтобы остановить продвижение немецких автоматчиков. В этом бою был убит командир бригады Вычугов и тяжело ранен комиссар бригады Степанов. В боях за родной город и завод пали смертью храбрых ополченцы: мастер модельного цеха Косинцев, токарь Разов, Нечаев, Селезнёв, Греков и другие.

Мужественно сражались бойцы истребительных отрядов. Утром 26 августа они отбили в районе аэродрома Мечетки атаку немцев-парашютистов, высадившихся с 32 самолётов. В батальоне краснооктябрьцев, который держал оборону за Мечеткой, сра-

жалась первая женщина-сталевар завода «Красный Октябрь» Ольга Ковалёва. Она погибла в бою в районе Спартаконки. В этом же бою пал смертью храбрых и командир батальона Поанышев.

В начале сентября в районе опытного поля в ожесточённом бою против 71-й немецкой дивизии был обескровлен один наш полк. На помощь ему из города был брошен рабочий отряд. Это позволило полку удержаться и не дать немцам разрезать оборону города. 15 сентября, когда немцы стали подходить к Баррикадному району, в бой вступили ополченцы артиллерийского дивизиона, оказав поддержку частям Красной Армии, сражавшимся на этом участке фронта.

Вплоть до 5 октября 1942 г. отряды народного ополчения и истребительные батальоны сражались как самостоятельные боевые единицы. 5 октября, по постановлению военного совета 62-й армии, все бойцы рабочих отрядов и народного ополчения были влиты в состав 62-й армии. В дни обороны Сталинграда они сражались на решающих участках.

19—20 ноября защитники Сталинграда перешли в наступление. Воины Красной Ар-

мии, осуществляя сталинский стратегический план разгрома немцев под Сталинградом, к 23 ноября завершили окружение 22 немецких дивизий. В последующих боях окружённые гитлеровцы были разгромлены, а остатки их взяты в плен вместе со штабом во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

8 февраля 1943 г. Сталинградская битва закончилась блестящей победой Красной Армии. Она положила начало сокрушительному наступлению Красной Армии на Запад и очищению советской земли от немецких захватчиков.

Войска, овеянные немеркнущей славой Сталинградской битвы, и в их числе мужественные сталинградские ополченцы, ныне бьют немецкого зверя в его логове, на прусской и венгерской земле.

А в Сталинграде всё шире развёртываются восстановительные работы. Небо озаряется плавками стали в мартеновских печах. Из руин на земле, перелетавшей бомбами и снарядами, встают новые жилые здания и корпуса заводов. В оживших цехах с удвоенной энергией работают и многие бывшие бойцы народного сталинградского ополчения.

БОРЬБА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕТРОГРАДА (1921 — 1923 гг.)

М. Юраго

К весне 1921 г., отстояв в гражданской войне свою свободу и государственную независимость, Советская республика получила возможность использовать временную передышку для восстановления народного хозяйства и укрепления обороноспособности страны. Экономическое положение страны было крайне тяжёлым. «Россия из войны вышла в таком положении, что её состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избивали до полусмерти: семь лет колотили её, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении!»¹ — говорил Ленин, оценивая экономическое положение страны.

В тяжёлом состоянии находился крупнейший революционный и промышленный центр России — Петроград. На его долю выпала честь не только отстаивать свою независимость от посягательств интервентов, но и быть прочной базой, откуда партия черпала кадры, необходимые для всей страны.

Страдающий от голода, оторванный от источников сырья и топлива, с почти остановившейся промышленностью, героический Петроград оборонялся от наступавших нем-

цев и Юденича и одновременно посылал своих лучших сынов на Восточный и Южный фронты. Питерских рабочих можно было встретить на польском фронте, под Царицыном; питерские рабочие вели борьбу с кулаками и спекулянтами, когда борьба за хлеб стала борьбой за социализм.

Общее количество населения Петрограда сократилось до 1/3 по сравнению с довоенным временем. Если накануне войны 1914—1917 гг. в Петрограде насчитывалось 2217 тыс. жителей, то к концу 1920 г. осталось всего 720 тысяч². В связи с эвакуацией части промышленности, остановкой фабрик и заводов из-за отсутствия сырья и топлива и, наконец, на почве голода многие рабочие уезжали в деревню. Сокращение количества рабочих в Петрограде принимало угрожающий характер. На фабрике «Скороход» в 1916 г. насчитывалось 4500 рабочих, к 1921 г. осталось меньше тысячи. На заводе Симменс-Шуккерт («Электросила») из тысячи человек осталось всего 359, на Невском заводе (ныне завод имени Ленина) из 6 тыс. — только 300 человек; на

² Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии, стр. 14. Петроград. 1923.

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 245.

жалась первая женщина-сталевар завода «Красный Октябрь» Ольга Ковалёва. Она погибла в бою в районе Спартаконки. В этом же бою пал смертью храбрых и командир батальона Поанышев.

В начале сентября в районе опытного поля в ожесточённом бою против 71-й немецкой дивизии был обескровлен один наш полк. На помощь ему из города был брошен рабочий отряд. Это позволило полку удержаться и не дать немцам разрезать оборону города. 15 сентября, когда немцы стали подходить к Баррикадному району, в бой вступили ополченцы артиллерийского дивизиона, оказав поддержку частям Красной Армии, сражавшимся на этом участке фронта.

Вплоть до 5 октября 1942 г. отряды народного ополчения и истребительные батальоны сражались как самостоятельные боевые единицы. 5 октября, по постановлению военного совета 62-й армии, все бойцы рабочих отрядов и народного ополчения были влиты в состав 62-й армии. В дни обороны Сталинграда они сражались на решающих участках.

19—20 ноября защитники Сталинграда перешли в наступление. Воины Красной Ар-

мии, осуществляя сталинский стратегический план разгрома немцев под Сталинградом, к 23 ноября завершили окружение 22 немецких дивизий. В последующих боях окружённые гитлеровцы были разгромлены, а остатки их взяты в плен вместе со штабом во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

8 февраля 1943 г. Сталинградская битва закончилась блестящей победой Красной Армии. Она положила начало сокрушительному наступлению Красной Армии на Запад и очищению советской земли от немецких захватчиков.

Войска, овеянные немеркнущей славой Сталинградской битвы, и в их числе мужественные сталинградские ополченцы, ныне бьют немецкого зверя в его логове, на прусской и венгерской земле.

А в Сталинграде всё шире развёртываются восстановительные работы. Небо озаряется плавками стали в мартеновских печах. Из руин на земле, перелаканной бомбами и снарядами, встают новые жилые здания и корпуса заводов. В оживших цехах с удвоенной энергией работают и многие бывшие бойцы народного сталинградского ополчения.

БОРЬБА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕТРОГРАДА (1921 — 1923 гг.)

М. Юраго

К весне 1921 г., отстояв в гражданской войне свою свободу и государственную независимость, Советская республика получила возможность использовать временную передышку для восстановления народного хозяйства и укрепления обороноспособности страны. Экономическое положение страны было крайне тяжёлым. «Россия из войны вышла в таком положении, что её состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избил до полусмерти: семь лет колотили её, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении!»¹ — говорил Ленин, оценивая экономическое положение страны.

В тяжёлом состоянии находился крупнейший революционный и промышленный центр России — Петроград. На его долю выпала честь не только отстаивать свою независимость от посягательств интервентов, но и быть прочной базой, откуда партия черпала кадры, необходимые для всей страны.

Страдающий от голода, оторванный от источников сырья и топлива, с почти остановившейся промышленностью, героический Петроград оборонялся от наступавших нем-

цев и Юденича и одновременно посылал своих лучших сынов на Восточный и Южный фронты. Питерских рабочих можно было встретить на польском фронте, под Царицыном; питерские рабочие вели борьбу с кулаками и спекулянтами, когда борьба за хлеб стала борьбой за социализм.

Общее количество населения Петрограда сократилось до 1/3 по сравнению с довоенным временем. Если накануне войны 1914—1917 гг. в Петрограде насчитывалось 2217 тыс. жителей, то к концу 1920 г. осталось всего 720 тысяч². В связи с эвакуацией части промышленности, остановкой фабрик и заводов из-за отсутствия сырья и топлива и, наконец, на почве голода многие рабочие уезжали в деревню. Сокращение количества рабочих в Петрограде принимало угрожающий характер. На фабрике «Скороход» в 1916 г. насчитывалось 4500 рабочих, к 1921 г. осталось меньше тысячи. На заводе Симменс-Шуккерт («Электросила») из тысячи человек осталось всего 359, на Невском заводе (ныне завод имени Ленина) из 6 тыс. — только 300 человек; на

² Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии, стр. 14. Петроград. 1923.

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 245.

заводе «Промет» было 22% необходимого количества рабочих. По ведущим отраслям петроградской промышленности общее количество рабочей силы по сравнению с довоенным снизилось на предприятиях по обработке металла до 34,2%, по обработке дерева — до 23,8%, по обработке волокнистых веществ — до 13,2%, в химической промышленности — до 28,5%, по обработке минеральных веществ — до 22,1% и т. д.¹

Создавалась опасность ослабления классовой базы диктатуры пролетариата. «К 1921 году мы видели, что после окончания борьбы с внешними врагами самой главной опасностью, самым большим злом, — писал Ленин, — стало то, что мы непрерывную производственную работу в крупнейших предприятиях, которые остались у нас в небольшом числе, обеспечить не могли. Это основное. Без такой экономической базы, прочной политической власти у рабочего класса быть не может»².

Положение с сырьём и топливом было не менее катастрофическим. Завод Симменс-Шуккерт получал 30% необходимого количества меди, 25% бензина, 2% изолировочного материала. Температура в мастерских равнялась 0—2°. Нередко работа прекращалась из-за отсутствия смазочных веществ. Подшипники подъёмных кранов приходилось засыпать солью, пропитанной нефтью, чтобы предохранить машины от перегрева. Отсутствие необходимого сырья и материала приводило к тому, что даже небольшая часть работавших заводов была загружена в минимальной степени. Судостроительный Балтийский завод был использован только на 40%; гигант машиностроительной индустрии — Обуховский завод — на 15%³. До 1914 г. металлопромышленность составляла 40% общего промышленного бюджета Петрограда, в 1921 г. — всего 17%⁴.

О состоянии многих предприятий петроградской промышленности можно судить по отчёту директора завода бывш. Фаворского: «Двери и окна помещения были полуоткрыты, материал развален и занесён снегом. Всюду грязь, мусор... Двигатель заржавел. Водопроводные трубы замёрзли. Горны почти разрушены. Электромоторы отсутствовали. Ремни и шкивы были сняты. В литейной печи разрушены»⁵.

Железнодорожный и водный транспорт не обеспечивал необходимых перевозок, паровозы и суда нуждались в срочном ремонте. Из 1886 паровозов Петроградского железнодорожного узла 1120 полностью или частично выбыли из строя; из 1013

паровых судов в эксплуатации было меньше половины⁶.

Но даже в это трудное время, с подорванными экономическими силами, Петроград продолжал оставаться ведущим политическим центром нашей страны. В конце 1920 и начале 1921 г., когда всё внимание было обращено на восстановление Донбасса, Центральный комитет партии и «Правда» призывали московских и питерских металлистов показать пример практической помощи Донбассу.

Задача восстановления петроградской промышленности решалась в условиях обострённой классовой борьбы. Враги рабочего класса, используя трудности, создавшиеся в стране: голод, усталость некоторой части рабочих, — вели активную контрреволюционную деятельность. В марте 1921 г. в Кронштадте вспыхнул контрреволюционный мятеж. Для подавления этого мятежа от Петрограда потребовалось большое напряжение сил.

Летом 1921 г. в Петрограде был раскрыт контрреволюционный «Областной комитет союза освобождения России», связанный с иностранной разведкой и готовивший вооружённое восстание. Массовые пожары в Петрограде в 1921 г. также были проявлением контрреволюционной борьбы.

В такой сложной обстановке, преодолевая сопротивление классового врага, петроградский пролетариат начал напряжённую будничную работу по восстановлению народного хозяйства. Революционная сознательность, дисциплина и самоотверженный труд питерских рабочих, проявленные в восстановительный период, получили заслуженную оценку в обращении X съезда партии «Рабочим Петрограда»: «Российская Коммунистическая партия, вышедшая из недр рабочего класса, всегда имевшая крепкую, братской общей кровью и общими страданиями спаянную связь с рабочими массами Петрограда, первого города Великой русской революции, плёт привет петроградским рабочим и работницам и призывает весь пролетариат Петрограда твёрдо, до конца стоять за то, что ценою великих жертв было завоевано четыре года тому назад. Съезд уверен, что пролетариат Петрограда и впредь будет для всей трудовой России и пролетариата всего мира образцом революционной выдержки, трудовой дисциплины, величайшей преданности делу пролетарской революции и незыблемой опорой власти Советов»⁷.

Вопросы восстановления промышленности были в центре внимания партийной организации и всей общественности Петрограда.

6 апреля 1921 г. решением президиума Петроградского совета народного хозяйства была создана комиссия, которой было поручено обследовать состояние петроград-

¹ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии, стр. 40—41. Петроград. 1923.

² Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 394.

³ Архив Октябрьской Революции (АОР). Союз металлистов, 1923 г. св. 99, д. № 41, л. 5.

⁴ Там же, св. 95, д. № 5, л. 1.

⁵ Там же, 1921 г., св. 16, д. 51, л. 3.

⁶ Хозяйственный обзор Северозападной области за 1921—1922 г., стр. 161. Петроград. 1923.

⁷ ВКП(б) в резолюциях. Ч. 1-я, стр. 404. 1936.

ской промышленности и представить планы восстановления предприятий. Производственные вопросы широко обсуждались на заводских и городских собраниях рабочих. Общегородское совещание представителей рабочих, происходившее 10 апреля во Дворце труда, единодушно одобрило решение восстановить петроградские предприятия. Попытка меньшевиков и эсеров сорвать работу совещания окончилась поражением. В ответ на их вылазку рабочих завода Симменс-Шуккерт заявил: «Мы пришли сюда отнюдь не для того, чтобы пустить к власти меньшевиков. Пусть они не суются. Они себя достаточно показали, и «умень» их известно. Мы, беспартийные, явились по зову коммунистической партии, мы пришли к коммунистам, чтобы взяться с ними за общую работу»¹. Совещание приняло приказ, обсуждавшийся до этого на 500 предприятиях Петрограда: «Рабочие обязуются сделать всё возможное для борьбы с холодом и голодом у станков, понимая, что намеченное может быть осуществлено в полной мере лишь путём упорной и длительной работы в этом направлении всех рабочих и их организаций»².

С 9 по 16 мая на предприятиях и в учреждениях была проведена санитарная неделя по очистке от мусора и нечистот. Рабочие, пережившие 1918—1920 гг. в Петрограде, не считаясь с ограниченностью продовольственного пайка, усердно принялись за работу. Старые, кадровые пролетарии, сохранившие от расхищения и гибели заводское имущество, готовы были своим дыханием отогревать замёрзшие станки, чтобы снова почувствовать пульс жизни родного завода.

Рабочие Путиловского завода работали у горячих печей с рогожными обмотками на ногах вместо сапог. Каждый неверный шаг мог повлечь за собой сильнейший ожог и даже смерть. Но, рискуя своей жизнью, путиловцы работали круглые сутки, оживляя мёртвые цехи и мастерские. Вокруг старых рабочих группировались новички, осваивавшие специальности, связанные с восстановлением.

Один из старых рабочих завода имени Ленина вспоминает: «В этот период мы были и слесарями, и токарями, и мастерами, и чернорабочими. Не хватало рабочих нужной квалификации, а работу выполнять надо. Выход из этого положения был таков: требовался нам сверловщик, мы ставим рабочего к сверлу и обучаем. Проходит в нём надобность, перебрасываем на другую работу»³.

«Красная газета» писала о рабочих стекольного завода: «Рабочие бросаются в мае месяце на заготовку дров, ремонтируют завод. Инвалиды и те втягиваются в работу, и их силами ремонтируется стекло-

плавильная печь. Получив в последний раз по 11 ф. овса в мае месяце, рабочие не получают ничего в течение всего лета. Но работают не покладая рук. В конце концов привели своё родное убежище в боевую готовность... 10 сентября завод пустили»⁴.

С новой силой вспыхнуло чувство любви и гордости за свой завод. Один из старых рабочих Невского завода, критикуя на пленуме завкома плохое качество ремонта судов, призывал бороться за честь марки завода: «Если о таком ремонте станут говорить в высших органах, то не будет особенного труда опять закрыть наш завод. Скажут, что Невский завод только и думает о провизии, об открытии швейной и сапожной мастерских, а своего дела не знает. Уж пусть тогда он примется за починку сапог, если у него дело не налаживается, а ремонт судов передать тем, кто умеет их делать. А ведь у нас сохранились старые рабочие и мастера. А как мы делаем? Кое-что слепим, кое-что залепим и пустили. Дошёл буксир до Финляндского моста, даёт тревожные гудки — авария. Спасайтесь, люди добрые, с парохода, вышедшего из ремонта Невского завода... Ремонт буксиров — право на жизнь завода»⁵.

Восстановление петроградской промышленности и организация бесперебойной работы предприятий весной 1921 г. зависела прежде всего от преодоления топливного кризиса. Город получал лишь 48 млн. пудов угля вместо необходимых ему 130 млн. пудов. О кризисном положении с топливом в Петрограде можно судить по следующей телеграмме Петроградского губкома РКП(б) Ленину: «1. Запас топлива в Петрограде в данное время исчерпан. Обеспечен топливом на короткое время лишь водопровод. 2. Подвоз нефти в количестве 195 цистерн обеспечивает на ближайшее время лишь группу «водосвет». 3. Поступление дров из 60-вёрстки, а тем более из массивов прилегающих к Петербургской губернии пяти смежных губерний (Олонекская, Череповецкая, Тверская, Новгородская и Псковская) может быть налажено не сразу. Требуется подготовительная работа в 2—3 недели. 4. Поступление угля из Мурманска может лишь немного облегчить положение, но не раньше как через 2—3 недели. 5. Такое положение вещей стоит перед необходимостью сокращения производства»⁶.

Решением исполкома Петроградского совета была образована чрезвычайная пятёрка по топливу, облечённая широкими полномочиями. Тысячи рабочих Петрограда принимали участие в субботниках по выгрузке дров. За два субботника в январе 1921 г. было выгружено 1328 кубометров дров и получено от разбора старых домов

¹ «Красная газета» от 14 апреля 1921 года.

² АОР. Союз металлистов, 1921 год, св. 26, д. 71, л. 71.

³ Рукописный отдел Института истории ВКП(б). Завод имени Ленина, св. 8, д. № 74, л. 14.

⁴ «Красная газета» от 25 ноября 1921 года.

⁵ Рукописный отдел Института истории ВКП(б). Завод имени Ленина, св. 8, д. № 74, л. 5.

⁶ «Красная летопись» № 4 (37) за 1930 г., стр. 80.

298 кубометров. Но эти меры не улучшили положения, 27 мая 64 предприятия прекратили работу на 2 недели, в том числе судостроительная верфь Путиловского завода, «Треугольник», «Феникс» и др.

Учитывая общегосударственное значение петроградской промышленности, Всероссийский центральный исполнительный комитет 1 июня 1921 г. опубликовал постановление об оказании помощи Петрограду. ВЦИК поручал Совету труда и обороны в недельный срок определить производственное положение Петрограда в общем хозяйственном плане России, обязывал все наркоматы согласовать свою политику с основным положением, которое будет выработано по данному вопросу, устанавливал ответственность всех правительственных учреждений за проводимую ими политику по отношению к Петрограду¹.

Всероссийский центральный исполнительный комитет также принял меры практической помощи Петрограду. За Петроградом закреплялись 18,9 млн. пудов угля, ввозимого из-за границы. В области продовольственного снабжения петроградские рабочие были уравнены с московскими. Было принято решение прекратить вывоз из Петрограда технического оборудования и квалифицированной рабочей силы, усилить работу на Волховстрое, вернуть квалифицированных рабочих, откомандированных на работу в провинцию. Для проведения в жизнь намеченных мероприятий была создана постоянная комиссия помощи Петрограду во главе с Лениным.

М. И. Калинин обратился к трудящимся страны с призывом помочь Петрограду: «Если мы Красному Питеру не поможем, то мы рискуем потерять один из важнейших промышленных городов. Не допускайте, чтобы Петроград отступал на хозяйственном фронте на радость международной шайке белогвардейцев, помещиков и капиталистов. Организуйте комитеты помощи Петрограду!»².

Помощь и внимание, оказанные Петрограду, имели большое значение для восстановления промышленности и для поддержания морального состояния питерских рабочих.

Параллельно с размораживанием заводов, очищением и ремонтом мастерских шло энергичное собирание рабочей силы. В первую очередь для нужд восстановительных работ были использованы безработные, числившиеся на учёте государственного отдела труда. За 1921 г. на работы были посланы 78 772 мужчины и 51 708 женщин. Но это мероприятие не разрешило проблему кадров, так как большая часть их состояла из чернорабочих и служащих. Общегородское совещание представителей фабрик и заводов и особое совещание областного экономического совета наметили ряд мероприятий по мобилизации квалифицированных рабочих. Было решено отозвать из учреждений специалистов, перешедших на работу в хозяйственный и советский аппарат,

вернуть из других предприятий рабочих, занятых не по своей специальности; написать письма рабочим, уехавшим в деревню, и подготовить новые кадры в соответствующих школах при заводах. Рабочие завода Розенкранца обратились с воззванием «Ко всем бывшим работникам завода»: «Завод Розенкранца включён в первую группу ударных заводов на восстановление транспорта. Все, кому дорога победа над транспортной разрухой, победа над голодом и холодом, спешите на завод или сообщите срочно свои адреса и место службы»³. Одновременно заводоуправление командировало своего сотрудника в Смоленскую губернию, откуда в дореволюционное время вербовались рабочие. Тщательно выясняя местонахождение старых рабочих-специалистов, заводоуправление настойчиво требовало их возвращения. В результате на завод вернулись опытные кадровики с завода Кольчугина, из Нижнего Новгорода, с Урала и из других мест. Отдельные рабочие, узнав о возобновлении работ, возвращались на завод. Так постепенно собирался старый костяк питерских пролетариев: металлистов, текстильщиков, деревообделочников, работников полиграфической промышленности и др.

Борьба за возрождение Петрограда как экономического центра была не мыслима без восстановления Петроградского порта, единственного советского порта на Балтийском море, оставшегося после империалистической войны 1914—1918 годов. К 1920 г. работа в порту совершенно прекратилась. Бассейны обмелели и были загромождены затонувшими судами, причальные линии были размыты, портовые сооружения пришли в негодность.

23 марта 1921 г. президиум Петроградского совета народного хозяйства принял решение: «Признать работы по восстановлению тозаропроектной способности Петроградского порта, в связи с открытием навигации, имеющими исключительный характер государственной важности»⁴. Рабочим и служащим порта предоставлялись все преимущества ударных предприятий. Отделы снабжения в секции Петроградского совета были обязаны «предоставлять для работ, связанных с восстановлением порта, вне всякой очереди необходимые материалы»⁵. Было решено ходатайствовать о срочном возвращении из Архангельска отправленных туда в своё время лебёдок, причальных бочек и прочего портового оборудования.

Петроградский порт начал работу, имея лишь один буксир. Не было ни бочек, ни лопат, ни тросов, ни достаточного количества корзин для выгрузки угля; грузовых барж было всего 6, электрических выгрузителей для угля — только 4. Ни один европейский порт при таких условиях не рискнул бы на приёмку пароходов. Но в помощь советскому порту были мобилизованы все силы Петрограда. В течение всей

³ Рукописный отдел Института истории ВКП(б), св. 7, д. № 17, л. 83.

⁴ АОР. Фонд полиграфической промышленности, 1921 г., св. 11, д. № 4, л. 6.

⁵ Там же.

¹ «Правда» от 1 июня 1921 года.

² «Правда» от 17 июня 1921 года.

навигации вопросы порта не сходили с повесток дня всех учреждений и организаций, имевших к нему прямое или косвенное отношение. Население Петрограда принимало большое участие в восстановлении порта.

Наряду с очисткой дна и углублением фарватера происходили ремонт землечерпательных машин, причальных бочек, завинчивание мёртвых якорей, строились пристани и эстакады, ремонтировались склады, пакгаузы и подъездные пути.

В результате напряжённой работы Петроградский порт, бездействовавший в продолжение семи лет, быстро ожил. 27 мая он принял из Голландии первый иностранный пароход—«Александр Польдер». Прибывавшие пароходы нужно было срочно разгружать, так как простои оплачивались золотом. Работники порта понимали, что своевременная приёмка пароходов имеет и политическое значение, и иностранные суда в порту не задерживались. Первый пароход, прибывший в порт, был разгружен в два дня вместо пяти по плану. За навигацию прибыло 308 иностранных судов.

Работа на многих заводах Петрограда началась параллельно их восстановлению—с весны 1921 г.,—но шла с большими перебоями. Враги партии в народе, прообразившие на руководящие посты, проповедовали троцкистскую «теорию» нецелесообразности восстановления и развития петроградской промышленности, как якобы искусственно созданной. Зиновьев и его единомышленники предлагали закрыть ряд заводов в Петрограде, как якобы нерентабельные. Многие заказы на ремонт судов, паровозов, электростанций, которые могли быть успешно выполнены на месте, были отправлены за границу. Петроградские заводы, вписавшие славную страницу в историю экономического и политического развития России, теряли своё производственное лицо. Путиловский завод, ещё до революции производивший машины, в 1921 г. выпускал пилыльники. Дизельный завод «Айваз» начал производить топоры и колёса. Когда приступали к восстановлению телефонной станции, петроградские машиностроительные заводы получили лишь заказ на изготовление 100 отвёрток, заказ на остальное оборудование был отправлен за границу. Невский машиностроительный завод за весь 1921 г. отремонтировал только 6 паровозов¹.

Заказы приходилось брать с бою. Суда трального флота «Совет» и «Карл Маркс» должны были быть переданы для ремонта в Германию. И только после больших усилий заводоуправления и рабочих организаций Балтийского завода заказ получили балтийцы.

Низовые партийные организации подвергали жесточайшей критике политику зиновьевских руководителей Петроградского совета и Петроградского губкома партии. Рабочие на своих собраниях выражали недоволь-

ство политикой «руководителей», не работающих о поддержании своей отечественной промышленности. На конференции союза металлистов в июне 1922 г. была принята следующая резолюция: «Необходимо урегулировать вопрос о зарубежных заказах. Предоставить питерским заводам те заказы, которые они в состоянии выполнить с не меньшим успехом, чем зарубежные заводы»².

В резолюции Всероссийского съезда металлистов говорилось: «В особенности съезд обращает внимание ЦК ВСРМ на необходимость поддержания питерской металлопромышленности в отношении получения оборотных средств и заказов»³. Только после протеста заводов, рабочих и центральных профсоюзных организаций положение изменилось. Договоры с Германией на ремонт паровозов были аннулированы, и заказы были переданы петроградским заводам. Путиловский завод получил первые заказы на пневматическое оборудование железнодорожных мастерских. Изготовление частей для табачных машин было передано заводу «Айваз». Заказы для турбинного производства получил металлический завод (ныне завод имени Сталина), на ремонт ледоколов «Ермак» и «Трувбр» — Балтийский завод. Так начиналось настоящее возрождение петроградских заводов, будущих гигантов социалистической индустрии.

Выполнение первых заказов питерскими рабочими показало, что они справляются с возложенной на них ответственной работой. Рабочие Балтийского завода, получив первые крупные заказы, отказывались от воскресного отдыха для того, чтобы разгрузить машинные части ремонтируемых судов.

10 августа 1922 г. Невский завод в рекордный срок выпустил первый товарный паровоз. Стоимость его не превышала довоенную и была ниже стоимости паровозов, изготавливаемых за границей. Это был первый паровоз, выпущенный в Петрограде; им по праву гордились рабочие Невского завода. «В паровозостроительной мастерской Невского завода стоит сейчас под навесом совершенно готовый красавец типа 0-5-0 серии «Э», от котла до последней заклёпки построенный на заводе республики. Это наш паровоз»⁴,— писала петроградская газета.

О качестве первого паровоза можно судить по выводам инспекции по приёмке паровоза. После первой проверки комиссия просила ВСНХ признать это испытание окончательным, так как пробег паровоза 0-5-0 дал прекрасные результаты.

Движение за производство советского паровоза, начавшееся на Невском заводе, было поддержано, и 21 декабря 1922 г. заводу был дан заказ на постройку новых и ремонт старых паровозов.

Питерские металлисты своими производственными успехами заставили президиум Петроградского губернского совета профсоюзов осудить вредную политику, направ-

² АОР. Союз металлистов, 113 св. 45, д. № 6, л. 1.

³ Там же, ф. 113, св. 114, д. № 9, л. 18.

⁴ «Красная газета» от 17 августа 1922 года.

¹ Рукописный отдел Института истории ВКП(б), св. 8, д. № 74, л. 7.

лемную на свёртывание петроградской промышленности.

Ленинградская промышленность была сохранена. В годы сталинских пятилеток она получила дальнейшее блестящее развитие. Она сыграла в индустриализации страны, как говорил С. М. Киров на губернском съезде профсоюзов в ноябре 1926 г., «примерно, ту же самую роль, какую этот город и пролетарии Ленинграда сыграли во всех этапах нашей великой революции»¹. Заводы,

¹ Киров С. Статьи, речи, документы, стр. 246. Партиздат. 1936.

жизнь которых пролёсками врагов революции была поставлена под удар в 1921—1923 гг., превратились в гиганты социалистической индустрии.

Эти успехи ленинградской промышленности явились генеральной проверкой революционных традиций, которые создавались в борьбе с врагами, в напряжённом труде питерских пролетариев, по частям собиравших свои заводы в суровые дни начального восстановительного периода 1921—1922 годов.

КУТУЗОВ В ТАРУТИНСКОМ ЛАГЕРЕ

П. РЫНДЗЮНСКИЙ

I

Советская военно-историческая наука сделала большие успехи в изучении полководческого искусства М. И. Кутузова. Объективное, пристальное изучение военной деятельности знаменитого полководца позволило нашим историкам правильно разрешить многое, оставшееся неясным и ошибочным в старой историографии, и дать довольно полное представление о его исключительном военном мастерстве.

Однако ещё не все периоды полководческой деятельности Кутузова подверглись научному исследованию. Если в биографиях Кутузова подробно и по-новому освещён первый период деятельности полководца в 1812 г.—сражение при Бородине, сдача Москвы,—то последующее излагается по старой, традиционной схеме, признающей за Кутузовым после проведения им флангового марша только пассивную роль. В частности важнейший момент — поведение Кутузова во время Тарутинского сражения, совершенно загадочное и непонятное в представлении старых историков, — почти обойдён в работах современных биографов. Например в книге М. Брагина о Тарутинском сражении упомянуто вскользь, буквально двумя—тремя словами. Е. В. Тарле вопрос о поведении Кутузова в сражении 18(6) октября пытается разрешить только в свете взаимоотношений его со своими недоброжелателями. Н. М. Коробков в интересной работе о Кутузове-стратге¹ затрагивает тарутинский период войны 1812 г., однако делает вывод, который в известной мере оправдывает невнимание современных исследователей к деятельности Кутузова в Тарутине. По Коробкову, после оставления русской армией Москвы исход войны был как бы предreshён. Кутузов к тому времени уже направил ход событий в надлежащее русло; надо было только не делать ошибок, а лишь ускорять или сдерживать развивающийся процесс. За

армией оставалась лишь одна регулирующая роль; следовательно, для изучения стратегического искусства Кутузова тарутинский период представляет, в лучшем случае, второстепенный интерес.

Между тем участники войны думали по-другому. Ни об одном из периодов войны не говорил в таких выражениях обычно сдержанный Кутузов, как о Тарутинском: «Отныне имя его (села Тарутина,— П. Р.), должно снять в наших летописях наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая»². «Пребывание в Тарутине,— говорит участник и историк войны 1812 г. Михайловский-Данилевский,— было для Кутузова одною из блистательнейших эпох его достославной жизни. Со времён Пожарского никто не стоял так высоко в виду всей России»³. «Теперь только начинается война для русских!»— так передал Барклай-де-Толли ответ Кутузова Лористону в Тарутине. Эту фразу мы найдём и в письмах Кутузова к родным из Лешашевки. Таким образом, сами участники войны в лице её двух лучших полководцев расходятся в оценке тарутинского периода с современными историками.

В научной литературе не существует единой точки зрения на то, был ли принят Кутузовым план разгрома Наполеона, составленный в Петербурге и сообщённый Кутузову через Чернышёва в сентябре 1812 года. Ясно одно: не отвергая плана и даже формально приняв его, Кутузов ничего не сделал для его выполнения. По плану, предполагалось немедленно развернуть активные действия против войск, оставленных Наполеоном в тылу, чтобы вызвать движение его главных сил на запад, по Смоленской дороге. Но это Кутузов считал самым опасным. Он был уверен, что русские фланго-

² Письмо к Нарышкиной. «Северная почта» № 7 за 1813 год.

³ Михайловский-Данилевский «Описание Отечественной войны 1812 года», Ч. 3-я. Гл. I, стр. 15. СПб. 1843. 3-е изд.

¹ «Исторический журнал» № 5 за 1942 год, стр. 38.

лемную на свёртывание петроградской промышленности.

Ленинградская промышленность была сохранена. В годы сталинских пятилеток она получила дальнейшее блестящее развитие. Она сыграла в индустриализации страны, как говорил С. М. Киров на губернском съезде профсоюзов в ноябре 1926 г., «примерно, ту же самую роль, какую этот город и пролетарии Ленинграда сыграли во всех этапах нашей великой революции»¹. Заводы,

¹ Киров С. Статьи, речи, документы, стр. 246. Партиздат. 1936.

жизнь которых проясками врагов революции была поставлена под удар в 1921—1923 гг., превратились в гиганты социалистической индустрии.

Эти успехи ленинградской промышленности явились генеральной проверкой революционных традиций, которые создавались в борьбе с врагами, в напряжённом труде питерских пролетариев, по частям собиравших свои заводы в суровые дни начального восстановительного периода 1921—1922 годов.

КУТУЗОВ В ТАРУТИНСКОМ ЛАГЕРЕ

П. РЫНДЗЮНСКИЙ

I

Советская военно-историческая наука сделала большие успехи в изучении полководческого искусства М. И. Кутузова. Объективное, пристальное изучение военной деятельности знаменитого полководца позволило нашим историкам правильно разрешить многое, оставшееся неясным и ошибочным в старой историографии, и дать довольно полное представление о его исключительном военном мастерстве.

Однако ещё не все периоды полководческой деятельности Кутузова подверглись научному исследованию. Если в биографиях Кутузова подробно и по-новому освещён первый период деятельности полководца в 1812 г.—сражение при Бородине, сдача Москвы,—то последующее излагается по старой, традиционной схеме, признающей за Кутузовым после проведения им флангового марша только пассивную роль. В частности важнейший момент—поведение Кутузова во время Тарутинского сражения, совершенно загадочное и непонятное в представлении старых историков,—почти обойдён в работах современных биографов. Например в книге М. Брагина о Тарутинском сражении упомянуто вскользь, буквально двумя—тремя словами. Е. В. Тарле вопрос о поведении Кутузова в сражении 18(6) октября пытается разрешить только в свете взаимоотношений его со своими недоброжелателями. Н. М. Коробков в интересной работе о Кутузове-стратге¹ затрагивает тарутинский период войны 1812 г., однако делает вывод, который в известной мере оправдывает невнимание современных исследователей к деятельности Кутузова в Тарутине. По Коробкову, после оставления русской армией Москвы исход войны был как бы предreshён. Кутузов к тому времени уже направил ход событий в надлежащее русло; надо было только не делать ошибок, а лишь ускорять или сдерживать развивающийся процесс. За

армией оставалась лишь одна регулирующая роль; следовательно, для изучения стратегического искусства Кутузова тарутинский период представляет, в лучшем случае, второстепенный интерес.

Между тем участники войны думали по-другому. Ни об одном из периодов войны не говорил в таких выражениях обычно сдержанный Кутузов, как о Тарутинском: «Отныне имя его (села Тарутина,— П. Р.), должно снять в наших летописях наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая»². «Пребывание в Тарутине,—говорит участник и историк войны 1812 г. Михайловский-Данилевский,—было для Кутузова одною из блистательнейших эпох его достославной жизни. Со времён Пожарского никто не стоял так высоко в виду всей России»³. «Теперь только начинается война для русских!»—так передал Барклай-де-Толли ответ Кутузова Лористону в Тарутине. Эту фразу мы найдём и в письмах Кутузова к родным из Летащевки. Таким образом, сами участники войны в лице её двух лучших полководцев расходятся в оценке тарутинского периода с современными историками.

В научной литературе не существует единой точки зрения на то, был ли принят Кутузовым план разгрома Наполеона, составленный в Петербурге и сообщённый Кутузову через Чернышёва в сентябре 1812 года. Ясно одно: не отвергая плана и даже формально приняв его, Кутузов ничего не сделал для его выполнения. По плану, предполагалось немедленно развернуть активные действия против войск, оставленных Наполеоном в тылу, чтобы вызвать движение его главных сил на запад, по Смоленской дороге. Но это Кутузов считал самым опасным. Он был уверен, что русские фланго-

² Письмо к Нарышкиной. «Северная почта» № 7 за 1813 год.

³ Михайловский-Данилевский «Описание Отечественной войны 1812 года», Ч. 3-я. Гл. I, стр. 15. СПб. 1843. 3-е изд.

¹ «Исторический журнал» № 5 за 1942 год, стр. 38.

вые армии не сдержат врага, а марш наполеоновской армии на запад может привести к её чрезвычайному усилению. Лучше всего это критическое отношение Кутузова к петербургскому плану изложено в его декабрьском рапорте Александру I¹.

Принято считать, что план действий самого Кутузова в конце сентября — начале октября (по ст. ст.) состоял в том, чтобы на максимально длительный срок задержать Наполеона в Москве, за это время пополнить свою армию, со всех сторон окружить Москву усиленными партизанскими отрядами и вынудить Наполеона либо сложить оружие либо бежать. Однако пристальное изучение всей совокупности материалов вскрывает гораздо более решительные и глубокие замыслы полководца. Главной и первой задачей Кутузова было заставить противника переменить свою операционную линию, перенести её со Смоленского тракта на Калужскую или какую-либо другую южную дорогу. Ещё в своём рапорте Александру I от 4 сентября², когда русская армия только что покинула Москву, Кутузов писал: «Я принимаю теперь в операцию со всеми силами линию, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пресекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым, отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию»³. Этот план Кутузов сообщал и в ряде других документов. О том же говорит в записках о войне 1812 г. ординарец Кутузова князь А. Б. Голицын⁴.

Но такое большое военное предприятие требовало от фельдмаршала гораздо более решительных действий, чем простое окружение противника. Прежде всего пресечь Смоленскую дорогу можно было лишь очень крупными силами, количественно и качественно отличающимися от тех отрядов, которые были расположены к северозападу и востоку от Москвы. Во-вторых, противник вряд ли оставил бы без боя основные пункты на Смоленской дороге. В-третьих, могли понадобиться решительные действия, чтобы в нужный момент выбить противника из Москвы. И, наконец, преднамеренное направление неприятельской армии на юг, против основных сил русской армии, налагало громадную ответственность и было связано с большим риском, так как неизбежно ве-

ло к генеральному сражению, требовавшему тщательной подготовки.

Многие свои замыслы Кутузов вынужден был вопреки желанию поверять своему постоянному соглядатаю — английскому представителю Роберту Вильсону. Письма Вильсона из Тарутина открывают нам отдельные части общего плана действий русского фельдмаршала. Так, в письме от 20 сентября Вильсон пишет: «Князь Кутузов намеревается сделать укрепленный лагерь у реки, из которого бы он мог беспокоивать и истреблять неприятеля на всех пунктах до самого Смоленска, где находится весьма слабый гарнизон, беспрестанно устрасаемый отрядами вооружённых крестьян и Калужского ополчения, которое с великим успехом нападало на конвои и отряды неприятельские»⁵. Другой английский агент, лорд Тэрконель, писал более определённо, что партии Кутузова «будут, по всей вероятности, покушаться обратно завладеть Смоленском, из коего неприятель сделал плацдарм»⁶.

Если в намерения Кутузова не входило овладение Смоленском (хотя это и не исключено), то, несомненно, что полное вторжение русских частей на западную дорогу от Смоленска до Москвы неизбежно привело бы к переходу в руки русских всех крупных опорных пунктов неприятеля, расположенных на этом участке. Занятие Верей Дороховым, выдвижение Шепелева с крупными силами к Брянску были необходимой подготовкой к овладению всей Смоленской дорогой.

И вторая часть плана — подготовка к решительному сражению — стояла в центре внимания Кутузова. От имени фельдмаршала Вильсон пишет: «Мы желали бы, чтобы он (т. е. Наполеон. — П. Р.) атаковал нас в нашем лагере, но опасаемся, что на то не решится»⁷.

В тарутинский период на отдельные партизанские отряды была возложена большая, ответственная задача, выполнение которой привело к организационной перестройке и укреплению партизанского движения. Именно с Тарутина «партизанская война поступила в состав предначертаний общего действия армии»⁸.

26 сентября из многих мелких, разрозненно действовавших партизанских отрядов было создано несколько крупных, и каждый из них получал определённое задание. В связи с сообщением о намерении противника двинуться из Рославля на Брянск туда была послана крупная партия под командой генерал-майора Шепелева. Ему подчинялся знаменитый партизан подполковник Д. Давыдов. Генерал-майор Дорохов также был назначен начальником большого отряда, в который включались партизаны полковника

¹ См. материалы Военно-учёного архива главного штаба. «Отечественная война 1812 года». Отд. I. Т. XIX, стр. 398—399.

² Здесь и дальше даты даются по старому стилю.

³ Материалы Военно-учёного архива главного штаба. «Отечественная война 1812 года». Отд. I. Т. XVIII, ст. 378.

⁴ Военский К. «Отечественная война 1812 г. в записках современников», стр. 72. СПб. 1911.

⁵ Дубровин Н. «Отечественная война в письмах современников», стр. 167. СПб. 1882.

⁶ Там же, стр. 162.

⁷ Там же.

⁸ Давыдов Д. «Опыт теории партизанского действия», стр. 29. М. 1822.

Вадбольского. Отряду было приказано занять Верею, а затем выйти на Смоленскую дорогу между Гжатском и Можайском. Вновь образованному большому отряду под руководством полковника Кудашева предписывалось обойти неприятельский авангард с тыла, со стороны Подольска, пройти близ Москвы и, соединясь с партией Фигнера, стать на Смоленской дороге между Можайском и Москвой. Таким образом, если бы кутузовский план «малой войны» осуществился, Смоленская дорога была бы занята крупными силами русских.

С укрупнением отрядов разделились функции, изменилась и система подчинения. Мелкие отряды Вадбольского, Давыдова, Фигнера выполняли главным образом разведывательные задачи. Начальники крупных отрядов, выполняя сложные самостоятельные задачи, действовали автономно.

Новая фаза развития партизанской войны требовала некоторого изменения в составе армии. По свидетельству большинства современников, к концу тарутинского периода русская армия была вполне укомплектована и не нуждалась в людском пополнении. 22 сентября Кутузов даже возвратил в распоряжение начальника резервов семь вновь сформированных полков, «дабы сохранить людей и к весне иметь хороших солдат», и ответил отказом воронежскому губернатору на предложение собрать ополчение для армии. «Считаю я за нужное уведомить Ваше превосходительство, — пишет Кутузов, — что армия наша не только превосходит неприятельскую, но и оживлена таким духом, что в предлагаемом Воронежскою губернией пособии нужды на сей случай никакой не предстонт»¹.

Отделение девяти крупных отрядов, главным образом состоявших из конницы, оттянуло из армии большую часть кавалерии. Нужны были большие кавалерийские резервы, которых в первое время не хватало. Поэтому первостепенное значение в тарутинский период получили казаки. «Прибывающие лошади и конница весьма мне во время, — пишет Кутузов Александру I, — для действия в тылу неприятеля кавалерия весьма нужна. Войска Донского атаман Платов уверяет меня, что много у него казаков к скорому времени прибыть должны в армию»². Острая потребность в казаках и напряжённое ожидание их сквозят во многих документах тарутинского периода, исходящих как от начальников отдельных отрядов, так и от самого Кутузова. Кутузов запретил употреблять казаков для второстепенных целей, например для сопровождения рекрутских партий: он перебрасывал казачьи отряды на решающие участки фронта. Сохраняя кадры регулярной армии для важнейших боевых операций, Кутузов предпри-

сывая начальникам партий широко использовать партизанские отряды местных крестьян, в частности для конвоирования пленных.

На основании суммарных цифр Богдановича можно подвести приблизительный итог реформаторской работе нашего великого полководца. Если за время пребывания в тарутинском лагере пехота (считая только так называемых нижних чинов) выросла на 22%, то кавалерия за это же время увеличилась более чем на 200%. К концу тарутинского периода процент пехоты в армии снизился с 75,8 до 65,2; удельный вес кавалерии, наоборот, повысился с 12,1 до 26,3%³.

Но как ни энергично проводил Кутузов реорганизацию армии, всё же эта перестройка не успевала за требованиями, которые предъявлялись новыми формами военных действий. По этой-то причине ко времени Тарутинского сражения (6 октября) план военных действий, начатых 26 сентября, был выполнен лишь в небольшой части.

Русским отрядам, встречавшим на пути многочисленные группы французов, главным образом фуражиров, приходилось дробить и растягивать свои силы, менять принятый маршрут. Так например отряд Кудашева не только не соединился на Смоленской дороге с отрядом Фигнера, как это было задумано, но перед самым Тарутинским сражением находился ещё вблизи от лагеря. Вынужденный держать под наблюдением широкое пространство — от Рязанской дороги до Старой Калужской включительно, — Кудашев разбивал свой отряд на мелкие подразделения. И если первоначально он располагал такими силами, как 2 эскадрона Сумского полка, 100 егерей 20-го егерского полка и 2 полка донских казаков с двумя орудиями, то уже в начале октября ядро этого отряда состояло лишь из 200 казаков. Таким образом, укрупнение отрядов, предпринятое Кутузовым, в значительной мере сошло на-нет.

II

Сооружение лагеря на левом берегу реки Нары, на высотах за деревней Гранцево, началось с 22 сентября. Времени было достаточно, и Кутузов мог полностью осуществить свои замыслы и расставить силы для задуманного им оборонительного сражения. Изучение распланировки тарутинских укреплений и расположения войск в лагере может дать ценный материал для знакомства с особенностями тактических приёмов Кутузова.

³ Богданович И. «История Отечественной войны 1812 года». Т. II, стр. 374—375; т. III, стр. 18—19. СПб., 1859—1860. Здесь мои выводы резко расходятся с выводами Богдановича, так как он совершенно неправоммерно не принимает в расчёт казачьи полки. Вычисленные проценты не точны, так как Богданович даёт приблизительную численность войск, в особенности казаков, тем не менее они правильно характеризуют направление изменения структуры армии.

¹ Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников. Собрание Бахрушина № 42948-49.

² Михайловский-Данилевский. Указ. соч., стр. 14.

К сожалению, военные историки до сих пор не дали достаточно подробного и удовлетворительного плана тарутинских укреплений. Планы, приложенные к трудам Богдановича и Михайловского-Данилевского, резко отличаются друг от друга. Всё же план, приведённый Богдановичем, более точен, если судить по сохранившимся до последнего времени остаткам земляных укреплений.

Перед исследователем этого периода встаёт вопрос: насколько удачно была выбрана позиция и чем руководствовался Кутузов в распланировке укреплений. Спор об этом возник ещё в момент выбора позиции и от современников перешёл в позднейшую военно-историческую литературу.

Если главная часть лагеря — его центр и правое крыло — в основном удовлетворяла современных и позднейших критиков, то устройство левого крыла почти единодушно осуждалось. Когда выбиралось место для прочных оборонительных сооружений на Старой Калужской дороге, генерал Беннигсен, постоянный противник Кутузова, выступил с резкими возражениями. По словам А. Б. Голицына, он доказывал крайнюю слабость левого фланга и утверждал, что если сражение сосредоточится на левом фланге, французская армия легко пройдёт на Малоярославец и получит свободную операционную линию для отступления¹. Тарутинскую позицию Кутузов одобрял, исходя из своих самых сокровенных предположений, которыми ни с кем не хотел делиться, и поэтому он резко прервал спор.

В сочинении Д. П. Бутурлина «Кутузов в 1812 году» наиболее полно изложены возражения современников против тарутинской позиции. «Лагерь, занятый русской армией под Тарутиным, хотя по виду и очень сильный, в сущности заключал в себе большие недостатки, — пишет Бутурлин. — Фронт, прикрытый Нарою, был неприступен. Правый фланг был также силен. Он находился на возвышенности, отлого спускающейся к берегам Нары, образующей довольно обширную равнину, которая благоприятствовала действию нашей артиллерии и движениям кавалерии. Левый фланг составлял слабую сторону. На одной высоте с нашей первой линией находилась небольшая равнина, пересечённая оврагами и стеснённая между Истьею и большим лесом, в который упиралось левое крыло второй линии. Над этой небольшой равниной вполне господствовали высоты левого берега Истьи. Лес, слишком обширный для того, чтобы быть занятым как следует, предоставлял неприятелю, который пожелал бы атаковать его, полную возможность обойти наш левый фланг, прежде чем мы успели бы это заметить. Он простирался почти до тыла нашего лагеря и, уменьшая его глубину, тем самым сильно ослаблял его»².

Рассмотрим устройство лагеря в целом. Центральной осью его была Старая Калуж-

ская дорога, которая по выходе из деревни Границево несколько отклоняется уступом влево. На расстоянии примерно трёх четвертей километра от реки Нары, по верху отлого поднимающейся возвышенности правого берега, были устроены земляные укрепления. В углах, под которыми сходятся лонеты, образуя флешы, до сих пор видны подготовленные площадки для орудий. С гребня возвышенности на значительное пространство просматривались противоположный берег реки и Старая Калужская дорога, идущая в сторону авангарда противника. Линия укреплений перпендикулярна дороге и имеет почти симметричную протяжённость в обе стороны; продолжающие её на левом фланге укрепления, расположенные под углом к основной фронтальной линии вдоль берега реки Истьи (впадающей в Нару близ Границева), прикрывали лагерь от флангового удара слева.

Войска в лагере расположились двумя линиями, параллельно фронтальному ряду земляных укреплений: на первой линии — 2-й и 6-й пехотные корпуса, на второй линии — 3-й, 4-й, 5-й и 7-й корпуса. По этому вопросу есть расхождение между Бутурлиным и Богдановичем. По Бутурлину, фланги первой линии огибались более длинной второй линией, и, стало быть, её фланги были повернуты под углом к фронтальной линии, в сторону противника. У Богдановича обе линии показаны параллельными, 7-й пехотный корпус стоял на левом фланге второй линии под внутренним углом к ней, соответственно конфигурации земляных укреплений. За второй линией пехотных корпусов, прикрываясь правым флангом, стоял 1-й кавалерийский корпус; симметрично ему за левым флангом располагались отряды лёгкой кавалерии. Позади 5-го и 3-го корпусов по обе стороны дороги стоял резервный 8-й корпус, а позади него — 1-я и 2-я кирасирские дивизии (одна из них временно была размещена по квартирам). Ещё дальше сзади, близ дороги, располагался мощный артиллерийский резерв. Левый фланг лагеря примыкал к большому лесу, где были сделаны засеки, обозначенные на плане Михайловского-Данилевского. В лесах справа и слева от лагеря стояли егерские полки. Впереди, на левом берегу Нары, за селом Тарутино, между деревнями Глодово и Дедня, растянулся авангард, состоявший из двух кавалерийских корпусов (2-го³ и 4-го).

Выполняя основную задачу — замкнуть магистраль Старой Калужской дороги, — русские войска располагались непосредственно вблизи дороги, по обеим её сторонам, на сравнительно небольшом пространстве (около 1,5 кв. км). В случае необходимости армию можно было быстро двинуть в сторону Калуги. Возможность такого отхода учитывалась Кутузовым. Объясняя позднее, почему нельзя было искать другой, может быть, более выгодной позиции, дальше, к югу от Тарутина, он в тесном кругу коман-

¹ Военский К. Указ. соч., стр. 72.

² «Русская старина», Т. 82 за 1894 г., стр. 193—194.

³ Во 2-й корпус входили и части 3-го корпуса.

широв говорил: «Помимо расчёта во времени, который я должен был так или иначе выиграть, мне нельзя было и думать миновать Калугу. Куда это привело бы нас? Затем у нас всегда было бы время в случае, если бы неприятель нас атаковал»¹.

Тарутинский лагерь был насыщен артиллерией и, как указывали современники, несоизмеримо по сравнению с другими частями армии. Фельдмаршалу об этом заявляли, но он категорически отказался рассредоточить артиллерию и расположил её в глубине позиции, в укрытом месте. Если бы противник ворвался в расположение лагеря, он неожиданно встретил бы такой сокрушительный огонь множества орудий, который предreshал бы благополучный исход боя для русских. Ударные кавалерийские группы должны были активно действовать на фланги и тыл наступающего противника.

Как видно из обзора позиции, оборонительный бой при Тарутине, по замыслу Кутузова, имеет много общего с подготовкой Бородинского сражения. Особенно интересно сопоставить положение левого крыла армии у Тарутина и Бородина. Историк Шильдер пишет, что Кутузов «прибегал к искусно распускаемым слухам относительно слабости и бедственного положения русской армии»² во время её стоянки близ Тарутина. Тем самым Кутузов хотел вынудить противника атаковать тарутинскую позицию главными силами. Левый фланг здесь, как и при Бородине, был ослаблен для видимости. Таким способом Кутузов рассчитывал направить основной удар противника по наиболее губительному для него пути.

Русло реки Нары выше Тарутина резко поворачивает к северу; если бы войска неприятеля форсировали реку вблизи лагеря, фланг их неизбежно оказался бы под огнём левого крыла русской армии. Но самая главная угроза для неприятеля, тщательно замаскированная Кутузовым, повидимому, скрытая даже от большинства русских военачальников, заключалась в том, что у верхнего течения Нары был расположен отряд Дорохова, обеспечивавший наш левый фланг. В близком соседстве с этим самым крупным отрядом находились ещё отряды Сеславина и Фигнера; 3 довских казачьих полка, 2 гусарских, 3 пехотных и 1 егерский полк входили в состав дороховского отряда, имевшего 4 лёгких и 4 конных орудия. О местопребывании этого отряда не было широко известно, поэтому и современники и позднейшие историки не учитывают его при рассмотрении тарутинской позиции. Отряд действовал на правом берегу Нары, выше устья реки Истья, в непосредственном соседстве с армией, составляя как бы крайнюю подвижную точку левого крыла тарутинских позиций. По указанию Кутузова Дорохов не удалялся от армии больше чем на два перехода³.

Если бы неприятелю удалось форсировать реку выше по течению, то при переходе к натиску на тарутинские укрепления его атаковал бы с тыла сильный легкоподвижной отряд Дорохова.

Кутузов понимал сложность положения на левом фланге и там-то и подготовил наиболее верное средство для разгрома врага. Идея создания крупных ударных кавалерийских групп на флангах получила здесь своё дальнейшее смелое развитие в оригинальном сочетании укрепленного лагеря с действиями легкоподвижной части.

Проделанный опыт реорганизации партизанских отрядов, поднимая их на новую, высшую ступень, оплодотворил самую характерную и действенную часть кутузовского плана оборонительного боя. Отныне даже и в решающие моменты столкновения с противником действия самостоятельных отрядов сочетались с действиями линейных войск. Крупные партизанские отряды выступали как органическая часть армии.

III

Изучая Тарутинское сражение, исследователи интересовались главным образом правым флангом, в меньшей степени — центром и совсем упускали из виду события на левом фланге, хотя они-то и регулировали ход всего сражения. Поэтому в действиях Кутузова с 4 по 6 октября и до сих пор многое осталось необъясненным. Почему пришлось отложить на один день сражение и почему развертывание его по разработанному плану было приостановлено Кутузовым, — это представлялось неясным. Указывалось, что Кутузов, вынужденный начать сражение вопреки своим планам, именно поэтому и не дал ему развернуться. Но такие ссылки не ограждают фельдмаршала от незаслуженных упреков в нерешительности и непоследовательности. В действительности он исходил из иных побуждений и действия его определялись рядом совершенно не учтённых исследователями событий.

В первых числах октября главная квартира русской армии получала крайне противоречивые сведения о расположении сил противника. Сообщалось, что значительные части противника перемещаются: большие обозы и войска подтягиваются к Москве, перебрасываются на Можайскую дорогу; какие-то части двигаются по направлению к расположению русской армии. Приходили донесения о том, что в Воронове находится сам Наполеон с основными силами. 3 октября Сеславин в своём рапорте переоценил силы врага, стоявшие южнее Воронова. Отсюда — и та преувеличенная цифра в исчислении неприятельского авангарда, которой придерживался Кутузов в своих донесениях о сражении на реке Чернишне.

Диспозиция наступательного боя была составлена, исходя из плана оборонительного сражения, глубоко продуманного и подготовленного Кутузовым. Линии русских войск должны были скрытно приблизиться к противнику, расположенному по берегу

¹ Военский К. Указ. соч., стр. 73.

² Шильдер Н. «Император Александр I». Т. III, стр. 119—120. СПб. 1897.

³ Материалы Военно-учёного архива. Т. XVIII, стр. 8—9.

реки Чернишни. На долю правой, ударной группировки кавалерии (1-й кавалерийский корпус, усиленный десятью казачьими и двумя егерскими полками, под общим командованием Орлова-Денисова), передвинутой за правый фланг армии и получившей большую свободу действий, выпала особенно ответственная задача: нанести сильный удар левому флангу противника и по возможности отрезать ему путь к отступлению. Правое крыло армии (2-й и 4-й пехотные корпуса, а за ними в качестве резерва 3-й пехотный корпус), выдвинутое вперёд, должно было первым теснить противника, охватывая его с левого фланга. И, наконец, войскам, стоявшим на Калужской дороге, приказано было начать фронтальное наступление на главный центр позиции французов — в деревне Вияково.

Таков был план Тарутинского сражения¹. Но к нему Кутузов сделал не вошедшее в официальную диспозицию очень существенное добавление. Он приказал Дорохову и Фигнеру одновременно с действиями всей армии произвести неожиданный удар в самую глубину расположения французского авангарда, именно в деревне Вороново, где находились 2 пехотных полка неприятеля, чтобы тем самым преградить Мюрату путь к отступлению.

В соответствии с диспозицией Кутузов 4 октября отдал приказ Ермолову за № 153 о подготовке сражения, которое должно было начаться после ночного марша 5 октября в 5 час. утра. «Вся армия имеет быть готова к выступлению сего числа (4 октября.— П. Р.) к 6 часам пополудни»², — сказано в этом приказе.

Дорохову в тот же день был послан приказ № 154, «чтобы соединённо с Фигнером действовал на Вороново, где, истребив два полка, отрезывает отступление главному неприятельскому авангарду» (запись в журнале исходящих бумаг).

В приказе Фигнеру, отданном того же числа за следующим, № 155, повторяется содержание приказа Ермолову, но с одной чрезвычайно важной припиской: «По случаю движения, которое неприятель может сего дня противу нас предпринять (разрядка моя.— П. Р.), людям в лагере варить кашу ранее и команд для фуражирования не посылать»³.

Приписка эта говорит о необходимости быть готовым к отражению атаки врага на старой позиции. Значит, в последние часы перед выступлением Кутузов не знал, будет ли бой при Тарутине наступательным или оборонительным. Что заставило его усомниться? Видимо, какое-то неожиданное сообщение, полученное 4 октября в короткий промежуток между отдачей приказов №№ 154 и 155, потому что лишь в послед-

нем упоминается о возможности оборонительного боя.

В записях журнала военных действий за 4 октября не значится ничего столь важного, чтобы так сильно могло повлиять на планы Кутузова. Зато в журнале входящих бумаг имеется донесение Сеславина от 4 октября, которое должно было сильно озадачить фельдмаршала и поколебать его решение о выступлении против Мюрата. Это донесение, записанное в журнале военных действий за 5 октября, уведомляло Кутузова, что командир кавалерийской дивизии из корпуса Евгения Богарне, генерал Орнано, с четырьмя полками кавалерии, двумя батальонами пехоты и восемью орудиями перешёл на Боровскую дорогу с тем, чтобы, пройдя через Верею и Смоленск, идти в Саксонию для переформирования. «Как скоро неприятель показался, — пишет Сеславин, — я пропустил пехоту и часть кавалерии чрез деревню (Кутайсово.— П. Р.), дабы соделать их не в состоянии взаимно себя подкреплять, я стремительно атаковал, опрокинул кавалерию и стрелков. При сем случае убито у неприятеля до 300 человек, в том числе один генерал, командующий пехотой, один полковник и несколько офицеров. После сего генерал Орнано устроил на высотах батарею, пехоту и кавалерию, открыл канонаду и ружейный огонь. Кавалерия хотя и делала вид атаки, но не атаковала. Сумские гусары и казаки Грекова под картечными ядрами и пулями искололи всех лошадей и испортили упряжь под остальной артиллерией, фурами и ящиками. Я приказал отступить к лесу; остановясь вне выстрела, я показывал, что имел намерение вновь атаковать, дабы чрез то дать время притти из Каменного г.-м. Дорохову, которого я предварительно извещил о марше неприятеля. Ему должно было отрезать путь неприятелю в Фоминском. Но когда неприятель, будучи подкреплён кавалериею, повёл решительную атаку, я отступил лесами к Наре для соединения с г.-м. Дороховым и остановился в трёх верстах от Фоминского, где неприятель расположился ночевать. Потери с нашей стороны около 40 человек, лошадей около 45».

К донесению Сеславин приложил документ следующего содержания: «Допрос 9-го гусарского полка рядового Твитенса. Он показывает, что третьего дня все бывшие в Москве и в Воронове неприятельские силы подошли к нам. Сам император с гвардиею находится при армии. Они предполагают нашу армию гораздо сильнее своей»⁴.

Это дело Сеславина у деревни Кутайсово 4 октября, в тот самый день, который назначен был для выступления русской армии из лагеря, осталось не отмеченным в военно-исторической литературе, хотя оно имело первостепенное значение. Сеславинский отряд, столкнувшись со значительными неприятельскими силами, атаковал их и нанёс им большие потери. По численности участников это столкновение далеко остав-

¹ Богданович И. Указ. соч. Т. II, стр. 471—476.

² Материалы Военно-учёного архива. Т. XIX, стр. 124—125.

³ Там же, стр. 125.

⁴ Материалы Военно-учёного архива. Т. XIX, стр. 14—15.

лет за собой столь обычные и частые стычки русских отрядов с отрядами французов в последние дни тарутинского периода. То был уже не просто вражеский отряд фуражиров. Кутузов понял, что движение дивизии Орнано являлось началом выступления крупной части наполеоновской армии. И действительно, как показали следующие дни, за дивизией Орнано двигалась ещё более многочисленная дивизия Брусье, также входившая в состав корпуса Евгения Богарне. Огромное значение имел тот факт, что Орнано двигался по Боровской дороге, именно по тому направлению, откуда Кутузов ожидал нападения на свою армию или обхода её с левого фланга. По показаниям пленного, присланного Сеславиным, нужно было предполагать, что фланговый обход со стороны Боровской дороги сочетается с фронтальным ударом по Старой Калужской дороге. Во всяком случае, Кутузов, получив донесение Сеславина, мог убедиться в том, что вероятность крупного наступления противника очень велика. Стало быть, требовалось задержать выход русской армии из лагеря, чтобы она, ввиду начавшегося уже обхода и возможного прямого удара со стороны главных сил врага, не связала себя второстепенными действиями против авангарда Наполеона. Вот что побудило Кутузова отсрочить наступление русской армии на один день, перенести его на 5 октября, причём фельдмаршал так тщательно замаскировал истинные причины отсрочки, что они оставались неизвестными даже историкам. Приказ Ермолову о выступлении армии действительно был задержан доставкой, но не настолько, чтобы оттянуть сражение на целые сутки. Кутузов воспользовался задержкой как удобным поводом отложить наступление, не открывая истинных причин этого. Вот, например, свидетельство А. Б. Голицына. Получив приказ, Ермолов немедленно отдал распоряжение: «и не только время не было упущено, но атака ещё лучше могла бы удалась, ибо никаких приготовлений для неё не делали и делать не следовало». Кутузов, выехавший в расположение лагеря, увидел, что подготовка к атаке задерживается, и воспользовался этим для отсрочки сражения¹. «Корпусные командиры явились к нему (Кутузову.— П. Р.) с докладом, что, получив в ту же минуту приказание, они готовы выступить немедленно, и объявили, что как распоряжение предшествовало нескольким часам назначению, то выступлению армии никакой остановки или перемены в распоряжениях быть не могло. И умоляли его позволить им идти, но сколько убеждения таковые не казались основательными, однако же ничто не могло заставить

Кутузова переменить данного приказание отложить поход до другого дня»². Не зная истинных причин, современники считали отсрочку сражения капризом Кутузова или проявлением его нерешительности, тогда как это целиком оправдывалось новыми, входящими обстоятельствами. Так разрешается первый из важных нерешённых вопросов в исследовании Тарутинского сражения.

При личном разговоре с корпусными командирами Кутузов приказал им выступить на следующий день — 5 октября; 6 же октября атаку начинать не в 5, а в 6 час. утра. Он, видимо, ждал утренних сообщений с Боровской дороги, чтобы в зависимости от них действовать против авангарда Наполеона.

Днём 4 октября Кутузову ещё не было ясно, какой характер примет сражение, но, считая вполне вероятным оборонительный характер, он через Ермолова в приказе № 157 отдал следующее распоряжение: «Благоволят корпусные командиры находиться в лагере у войск своих в 5 часов пополудни; в 4 часа люди должны съесть кашу и все находиться налицо»³. Суть этого приказа заключалась в том, чтобы все были готовы к обороне лагеря.

День 5 октября не принёс ничего существенного для разъяснения создавшегося положения. Однако к началу выступления, к 5 час. вечера, уже, видимо, обнаружилась ложность показания пленного француза, будто бы Наполеон с основными силами приближается к реке Чернишне. Иначе Кутузов и на этот раз задержал бы выход своих войск из лагеря.

От мысли об участии Дорохова и Фигнера в разгроме Мюрата 6 октября Кутузов не отказался — только при этом условии атака могла быть вполне плодотворной. Однако это участие зависело уже от более серьёзного дела, которое происходило на Боровской дороге. Поэтому если первый приказ содержал категорическое предписание идти на Вороново, то в новом приказе, от 5 октября, это звучало как пожелание. Кутузов дал понять, что гораздо важнее разгромить неприятеля на Боровской дороге или задержать его на достаточный срок, чем нанести поражение войскам Мюрата⁴.

Боевые действия 6 октября развёртывались на всём протяжении от деревни Тетеринки и Спас-Купли до села Фоминского; так и следует их рассматривать. Историки же Тарутинского сражения до сих пор интересовались только событиями на реке Чернишне, и это обрекало их на полное не-

² Военский К. Указ. соч., стр. 75.

³ Материалы Военно-учёного архива. Т. XIX, стр. 125. Указанные в этом приказе часы снова подтверждают, что отмена выступления 4 октября была сделана задолго до назначенного срока.

⁴ Материалы Военно-учёного архива. Т. XIX, стр. 125.

¹ Е. В. Тарле ошибочно указывает, что Кутузов выехал 17 октября утром (5-го по ст. ст.). На самом деле он выехал 16-го днём (4-го по ст. ст.), задолго до назначенного срока выступления. См. «Нашествие Наполеона на Россию», стр. 214. М. 1938.

понимание всего хода сражения и глубокого смысла действий Кутузова. Богданович совсем не учитывает событий 6 октября на Боровской дороге и ошибочно указывает, что Дорохов 6 октября якобы опоздал подойти к Воронову. В действительности, по приказу Кутузова, Дорохов переменял направление и от деревни Никольское двинулся не на Вороново, а на Фоминское. Здесь он 6 октября вступил в ожесточённый бой с войсками Орнано¹ и нанёс неприятелю большие потери убитыми и пленными. Ошибку Богдановича повторяют до сего времени многие авторы работ о 1812 году.

6 октября на обоих флангах русской позиции происходили крупные бои. На правом фланге, за деревней Тетеринки, развернулись наступательные операции, но значение их оказалось сравнительно ограниченным. Бои на левом фланге, носившие оборонительный характер, должны были задержать продвижение противника, которое могло иметь громадные последствия. Поэтому значение событий на левом фланге было в общем ходе боевых действий неизмеримо важнее, чем то, что делалось на реке Чернишне. Из последующего мы знаем, что дело на Боровской дороге, начавшееся ещё 4 октября, явилось как бы первым звеном в неразрывной цепи событий, приведших потом к сражению при Малоярославце и изгнанию Наполеона из России.

В день Тарутинского сражения Кутузов находился на Старой Калужской дороге с главным ядром армии, чтобы в нужный момент быстро изменить направление её действий. Кутузов оставлял за собой самую первостепенную, ответственную роль в руководстве сражением. Беннигсен распоряжался только на одной части русской позиции, далеко не самой важной и решающей. При создавшемся положении нельзя было связывать основные силы армии преследованием авангарда противника. Наоборот, следовало выждать, чтобы выяснить обстановку. Так и поступил Кутузов. Он задержал свои войска, вопреки официальной диспозиции, и вскоре отвёл их обратно в лагерь. Это своё решение фельдмаршал осуществил, не считаясь с нареками, а иногда и с оскорбительными выходками по своему адресу со стороны современников, ничего не понимавших в обстановке. Так разрешается второй, до сих пор ещё не выясненный вопрос о ходе Тарутинского сражения.

¹ См. донесение Дорохова от 5 октября. Материалы. Т. XIX, стр. 12.

На правом фланге боевые действия уже совершенно закончились 6 октября, а на левом фланге продолжались и в последующие дни, развёртываясь всё шире. Уже 7 октября Дорохов доносил: «Сей (французский. — П. Р.) отряд я почитаю в силах меня превосходнее». Он просил Кутузова дать ему дополнительно 2 полка пехоты, «тогда я заверяю вас, что я сей отряд с помощью божией убью»². Кутузов послал подкрепление Дорохову и вскоре к Боровской дороге направил корпус Дохтурова. После известной разведки Сеслягина, которому удалось установить движение всей армии Наполеона в сторону Боровска и Малоярославца, русская армия выступила из Тарутинского лагеря, чтобы преградить путь врагу.

Интересно отметить, что Дорохову с его отрядом, попавшим в тяжёлое положение, удалось найти новые для отдельно действующего отряда методы обороны. Он осуществил глубокое построение, причём пехота, прежде считавшаяся обузой для такого отряда, в то время выполняла важную роль. Подкреплённые пехотой кавалерийские части, столкнувшись со значительно превосходящим по силам противником, сумели занять прочную оборону на обширном пространстве от Тарутина до Боровской дороги. Так нам представляется ход и значение Тарутинского сражения.

Тарутинский период был важнейшим эпизодом в ходе войны 1812 года, он дал существенный толчок развитию современного русского военного искусства. Опыт «малой войны» расширился и обогатился новой организацией и новыми тактическими приёмами. В своей реформе партизанского движения Кутузов шёл дальше чисто партизанских форм Давыдова, обобщённых им в «Опыте теории партизанского действия». По идее великого полководца, отдельные крупные партизанские отряды были органически связаны с регулярной армией; боевые их действия стали неотъемлемой и важной частью общего плана военных операций основной армии.

Военные историки в прошлом рассматривали действия партизанских отрядов изолированно, тем самым неправильно понимали фактический ход событий и не могли дать полную и правильную оценку военному искусству Кутузова.

² Материалы Военно-учёного архива. Т. XIX, стр. 23.

АЗОВСКАЯ ОБОРОНА

(Страница из истории донского казачества XVII в.)

М. Попов

Донское казачество в течение столетия служило крепким заслоном и обороной Русского государства от степных хищников.

Осваивая территорию «дикого поля», донские казаки готовили благоприятную почву для освоения Подонья и Приазовья.

понимание всего хода сражения и глубокого смысла действий Кутузова. Богданович совсем не учитывает событий 6 октября на Боровской дороге и ошибочно указывает, что Дорохов 6 октября якобы опоздал подойти к Воронову. В действительности, по приказу Кутузова, Дорохов переменял направление и от деревни Никольское двинулся не на Вороново, а на Фоминское. Здесь он 6 октября вступил в ожесточённый бой с войсками Орнано¹ и нанёс неприятелю большие потери убитыми и пленными. Ошибку Богдановича повторяют до сего времени многие авторы работ о 1812 году.

6 октября на обоих флангах русской позиции происходили крупные бои. На правом фланге, за деревней Тетеринки, развернулись наступательные операции, но значение их оказалось сравнительно ограниченным. Бои на левом фланге, носившие оборонительный характер, должны были задержать продвижение противника, которое могло иметь громадные последствия. Поэтому значение событий на левом фланге было в общем ходе боевых действий неизмеримо важнее, чем то, что делалось на реке Чернишне. Из последующего мы знаем, что дело на Боровской дороге, начавшееся ещё 4 октября, явилось как бы первым звеном в неразрывной цепи событий, приведших потом к сражению при Малоярославце и изгнанию Наполеона из России.

В день Тарутинского сражения Кутузов находился на Старой Калужской дороге с главным ядром армии, чтобы в нужный момент быстро изменить направление её действий. Кутузов оставлял за собой самую первостепенную, ответственную роль в руководстве сражением. Беннигсен распоряжался только на одной части русской позиции, далеко не самой важной и решающей. При создавшемся положении нельзя было связывать основные силы армии преследованием авангарда противника. Наоборот, следовало выждать, чтобы выяснить обстановку. Так и поступил Кутузов. Он задержал свои войска, вопреки официальной диспозиции, и вскоре отвёл их обратно в лагерь. Это своё решение фельдмаршал осуществил, не считаясь с нареками, а иногда и с оскорбительными выходками по своему адресу со стороны современников, ничего не понимавших в обстановке. Так разрешается второй, до сих пор ещё не выясненный вопрос о ходе Тарутинского сражения.

¹ См. донесение Дорохова от 5 октября. Материалы. Т. XIX, стр. 12.

На правом фланге боевые действия уже совершенно закончились 6 октября, а на левом фланге продолжались и в последующие дни, развёртываясь всё шире. Уже 7 октября Дорохов доносил: «Сей (французский. — П. Р.) отряд я почитаю в силах меня превосходнее». Он просил Кутузова дать ему дополнительно 2 полка пехоты, «тогда я заверяю вас, что я сей отряд с помощью божией убью»². Кутузов послал подкрепление Дорохову и вскоре к Боровской дороге направил корпус Дохтурова. После известной разведки Сеслягина, которому удалось установить движение всей армии Наполеона в сторону Боровска и Малоярославца, русская армия выступила из Тарутинского лагеря, чтобы преградить путь врагу.

Интересно отметить, что Дорохову с его отрядом, попавшим в тяжёлое положение, удалось найти новые для отдельно действующего отряда методы обороны. Он осуществил глубокое построение, причём пехота, прежде считавшаяся обузой для такого отряда, в то время выполняла важную роль. Подкреплённые пехотой кавалерийские части, столкнувшись со значительно превосходящим по силам противником, сумели занять прочную оборону на обширном пространстве от Тарутина до Боровской дороги. Так нам представляется ход и значение Тарутинского сражения.

Тарутинский период был важнейшим эпизодом в ходе войны 1812 года, он дал существенный толчок развитию современного русского военного искусства. Опыт «малой войны» расширился и обогатился новой организацией и новыми тактическими приёмами. В своей реформе партизанского движения Кутузов шёл дальше чисто партизанских форм Давыдова, обобщённых им в «Опыте теории партизанского действия». По идее великого полководца, отдельные крупные партизанские отряды были органически связаны с регулярной армией; боевые их действия стали неотъемлемой и важной частью общего плана военных операций основной армии.

Военные историки в прошлом рассматривали действия партизанских отрядов изолированно, тем самым неправильно понимали фактический ход событий и не могли дать полную и правильную оценку военному искусству Кутузова.

² Материалы Военно-учёного архива. Т. XIX, стр. 23.

АЗОВСКАЯ ОБОРОНА

(Страница из истории донского казачества XVII в.)

М. Попов

Донское казачество в течение столетия служило крепким заслоном и обороной Русского государства от степных хищников.

Осваивая территорию «дикого поля», донские казаки подготавливали благоприятную почву для освоения Подонья и Приазовья.

прокладывали пути Русскому государству к Азовскому и Чёрному морям.

«Азовская оборона», или «Азовское сиденье» (под таким названием оно более известно в исторической литературе), бесспорно, является одной из замечательных страниц истории донского казачества. Оборона Азова — событие, в военном отношении выходящее далеко за рамки своей эпохи, — политически сводилась к борьбе за русские интересы, за русское национальное государство. Недаром поэтическая повесть об Азове называет вольнолюбивых участников обороны — донских казаков — «богатырями святорусскими», защитниками русской земли.

Укреплению Азова, одного из главных форпостов турецкого владычества в Причерноморье и Приазовье, турецкое правительство уделяло большое внимание. Азов завирал русским выход в Азовское море. Азовцы постоянно чинили казакам беспокойства. В одной из казачьих отписок в Москву читаем: «И нам, государь, шкоту великую те поганые азовцы чинили в наших юртах, и на речках и на камышах и на переходах нас хватали, и за море нашу братью на каторги продавали, и великие скорби и неволи чинили»¹.

Крепость, расположенная у южных притоков Дона, на расстоянии 16 километров от впадения реки в море, включала в себя три каменных города: собственно Азов, Тапракалов и Ташкалов, — обнесённые общей каменной стеной и глубоким рвом. Постоянный гарнизон (не менее 4 тыс. человек) имел 200 пушек, расставленных на 11 башнях крепости.

21 апреля 1637 г. донцы, собравшись на Монастырском яру, «сбили круг» и приняли решение: «Итти посечь бусурман, взять Азов и утвердить в нём веру православную». Под предводительством избранного войскового атамана Михаила Ивановича Татаринова казаки двинулись «конною и судовою ратью» к Азову. Стенобитных орудий у них не было, а вся артиллерия состояла из четырёх фальконетов. Пороху имелось ограниченное количество. Восемь недель стояли казаки под осаждённым Азовом. В ночь на 18 июня они взорвали подкоп, подведённый под стену Азовской крепости. Решительный штурм начался. Донцы ворвались в образовавшийся от взрыва проход в стене и одновременно со всех сторон атаковали крепость, взбираясь на городские стены по заранее приготовленным лестницам. Завязалась рукопашная схватка. На третий день казаки овладели Азовом. Сообщая радостную весть московскому царю, они писали об освобождении двух тысяч русских невольников: «Из того города Азова от бусурманские веры, от злохищенных волков чинилось пакость великая твоей, великого государя, отчиче, украинным городом наипачеж»².

Азов имел весьма важное стратегическое значение. В поэтической повести об «Азов-

ском сиденье» говорится: «Разделили вы государя царя Турского со асеею Ордою Крымскою воровством своим с тем Азовом городом. А та у него Орда Крымская обороны его на все стороны страшная».

Укрепив город, казаки стали беспрепятственно плавать по Азовскому и Чёрному морям. Крымские и ногайские татары, находившиеся тогда в большом страхе, в 1637—1642 гг. не предприняли ни одного набега на Россию. Азов стал центром Донского войска, куда стекалось население со всех концов страны. Из расспросных речей в Посольском приказе сына боярского Трофима Михнева, ездившего на Дон с царской грамотой, мы узнаём, что «в Азове де всех атаманов и казаков живут житьём по смете будет с 5 тысяч. И у города де у Азова проломную стену, что взорвало подкопом, заделали. А наряду де у них большого и мелкого будет с 300, а зелья де пушечного и ручного, и свищу у них в Азове есть, только сказывают не большой: в асадное де время... пробыть им не уметь»³. Остро встал вопрос о снабжении Азова хлебом и вообще продовольствием. С этой целью в Москву прибыли в 1638 г. посланцы атамана Татаринова. Удалось наладить торговые отношения не только с русскими купцами, но и с персами, таманцами, каффинцами, с Керчью.

Войско Донское, укрепившись в Азове, не переставало нести службу Русскому государству: доставляло «языков», предупреждало о замыслах крымцев и других степняков. За пятилетие (1637—1642) казакам удалось призвать в подданство России многих ногайских музр.

Лето 1640 г. было последним для приготовления казаков к осадному сидению. В начале года персидский шах Сафей прислал в Азов посла Мороткана Момедова со свитой в 40 человек. Они звали донских казаков к себе на службу. Казаки и не помышляли об измене Русскому государству. Они не хотели отвечать на грамоту шаха без совета с московским царём⁴. С весны 1641 г. над Азовом снова нависла военная угроза: турецкий султан Мурат IV готовился к походу. Казаки начали спешно сооружать дополнительные укрепления города: копали новые рвы, возводили земляные валы, рыли колодцы. По донским станицам рассылались грамоты с призывом идти на защиту Азова. Казаки решили обороняться до последнего, умереть всем, но крепости не отдавать: «А хотят де все в Азове сидеть крепко, хоть и всем до одного человека помереть, а Азова не поступываться»⁵. Мурату IV не удалось осуществить поход на Азов: в 1640 г. он умер. Новый султан, Ибрагим I, задумав довершить начатое дело, собрал в 1641 г. огромную армию. Оттоманская Порта во что бы то ни стало хотела вернуть Азов — былой форпост её владычества в Причерноморье и Приазовье. Овладев Азовом, турки снова стали бы господами положения на всём се-

¹ «Донские дела», кн. 1-я, стр. 635.

² Акты, собранные генерал-майором Лившиным, Т. I, стр. 15, Новочеркасск. 1891.

³ «Донские дела», кн. 1-я, стр. 861.

⁴ Там же, кн. 2-я, стр. 22—23.

⁵ Там же, стр. 219.

верном побережье Чёрного моря. Эта крепость, прочно соединяя огромные колониальные владения турок с Крымской Ордой, обеспечивала их безопасность.

7 июня 1641 г. турки приплыли к Азову на множестве кораблей. С этого дня и принято считать начало «Азовского сиденья». 24 июня подошёл и крымский хан с огромными полчищами: он привёл не менее 50 тыс. татар. В определении общего количества осаждавших Азов войск источники расходятся: сами казаки считали, что осадная армия турок состояла из 240 тыс. человек¹; московские переводчики Лыков и Буколов, находившиеся тогда в Константинополе, называли цифру — 150 тысяч. Вице-адмирал Крюйс сообщал, что турки имели 20 тыс. янычар, 20 тыс. спагов, 50 тыс. крымских татар, 10 тыс. черкесов, большое число молдаван и валахов. Официальные турецкие источники уверяли, что в походе участвовало всего лишь несколько тысяч янычар и 38 галер². Стремясь оправдать свои военные неудачи, турки, безусловно, всячески преуменьшали свои силы. В сказании об «Азовском сиденьи» численность осаждавших войск определена в 300 тыс. человек, и цифра эта не фантастична. Достаточно сослаться на свидетельство участника осады, турецкого историка Эвлия-эфендия, указавшего, что одних только турок было 47 тысяч³. Изучение и сопоставление материалов показывают, что турки стянули для осады Азова не менее 200 тыс. человек, их флот состоял из 80 каторг, 90 больших и мелких судов с войском и 20 кораблей с боевыми припасами и оборудованием. Во главе турецко-татарской армии был поставлен силестрийский паша Гуссейн-Дели, флотом командовал паша Пиали-Ага, военачальник с большим военным опытом.

С турками прибыло много наёмных европейских специалистов. «Да были же с пашами для всяких подкопных и приступных промыслов немецкие люди городовицы, мудрые вымыслинники многих государств, которые умеют всякие приступные делать и вымышлять дела, и подкопные поземельные пести мудрити и ядра огненные зажигабельные»⁴.

Нет точных сведений и о численности казачьего гарнизона в Азове. По Крюйсу, там было всего 1400 мужчин и 800 женщин. С. М. Соловьёв говорит, что во время «Азовского сиденья» казаков было 5367 и 800 женщин⁵. Это наиболее вероятно: сами казаки также называли цифру около 5 тысяч⁶.

Во главе осаждённых казаков стояли

¹ «Донские дела», кн. 1-я, стр. 367.

² Сеньковский (барон Брамбеус). Соч. Т. VI, стр. 17—19. СПб. 1859.

³ «Записки Одесского общества истории древности». Т. VIII, стр. 162. Одесса. 1872.

⁴ «Русский архив», кн. 2-я, изд. П. Бартевым. М. 1898. «Сказанье об Азовском сиденьи».

⁵ Соловьёв С. История России с древнейших времён. Т. IX, стр. 268. 1874.

⁶ «Донские дела», кн. 2-я, стр. 219.

войсковой атаман Осип Петров и его помощник Наум Васильев. Петров обнаружил блестящие военные способности и мастерски руководил обороной крепости.

7 июня 1641 г. началась кровопролитная осада. Азовский гарнизон был горсткой храбрецов по сравнению с огромными полчищами, штурмовавшими крепость. 3 месяца и 20 дней держались отважные защитники Азова, они вписали одну из славных страниц в историю военного прошлого нашей родины.

Турецкое командование в первый день осады прислало толмачей для переговоров с защитниками крепости о сдаче Азова: «Казачество Донское вольное, соседи наши ближние, лукавые пустынные жители и разбойницы непощадные, кому приносите такие обиды великие? Сердца ваши христианские жестокие, очистите вотчину царя Турского, Азов город, в сию ночь, не мешкая, доколе всех вас не побьём. А если вы служить похотите нашему царю Турскому, принесите вину свою... И пожалует вас, донских казаков, честью великою и обогатит великим и несчётным богатством»⁷.

Турки обещали казакам не только выпустить их из крепости невредимыми, но и позволить им увезти с собой всё имущество. Одновременно их соблазняли заманчивыми перспективами в случае перехода на службу к султану. Казаки, по словам повести, дали такой ответ: «Давно мы вас ждали к себе в гости и егда дождались, лишь вы потеряли дни многие, напрасно едучи к Азову городу. Где полно Обрагим ваш царь Турской ум свой дел, или у него, царя Турского не стало за морем злата и серебра, что он приехал под нас, казаков, для кровавых наших зипунов. И то вам самим туркам ведомо, что по сие время никто даром зипунов с нас не снимывал. Хотя он Турский царь нас взятъём возьмёт в Азове такими своими великими силами и людьми наёмными и промыслом немецким, то не большая ему почесть и хвала. Не изведёт он тем нашего старинного казачьего прозвища, и не запустеет от того Дон головами нашими. А прозвание наше вечное казачество донское вольное, бесстрашное; станем мы с ним царём Турским биться, что с худыми свиньями, то всеми вами и наёмными вашими людьми окушим мы себе в живота место. Давно у нас в полях наших летают орлы и играют чёрные и всякие птицы кровоядные, подле реки Дону. И дожидаются на съеденье и на пищу плоти ваша. Потерять зам под Азовом городом турецких своих голов многие тысячи, а не видать его вам из рук наших казачьих и до века, что ушей своих»⁸.

Казаки поклялись оборонять Азов до последней капли крови и дали друг другу слово, попавшись в плен, не сообщать о состоянии города никаких сведений.

По свидетельству Эвлия-эфендия, турки следующим образом расположили свои войска вокруг Азова: выше водяной баш-

⁷ Там же.

⁸ «Русский архив», кн. 2-я за 1898 год.

ни — азиатские войска с 8 большими пушками и с 10 полками янычар; 6 полков Караманли поместились у южных ворот; в западном предместье Таняк расположился Канаан-паша с 10 полками янычар, с одним полком оружейников и полком артиллеристов.

Первым делом турки пустили в ход артиллерию и стенобитные орудия. У них было 129 проломных пушек, стрелявших ядрами от одного до полутора пуда весом, 874 пушки и тюфяка¹. Приблизив к крепостным стенам все стенобитные орудия и открыв сильный артиллерийский огонь, турецкие войска сомкнутыми рядами с громкими криками «аллах, аллах!» пошли на штурм Азова. Неприятель рассчитывал одним ударом покончить с непокорными казаками, но первый день штурма окончился для него полной неудачей: убито было 6 голов янычарских, 2 немецких полковника, много других военачальников и более 6 тысяч солдат. После первого штурма силы осаждённых увеличились: той же ночью в Азов по Дону прибыло подкрепление в составе тысячи казаков.

Потерпев неудачу, турки два дня не решались возобновить штурм. Они приняли меры предосторожности, чтобы не допустить просачивания казачьих подкреплений в осаждённую крепость, усилили стражу у берегов Дона. Турецкий главнокомандующий направил к казакам двух толмачей с просьбой о перемирии для похорон убитых, предлагая им за это золото. Казаки согласились на это без всякого вознаграждения, гордо ответив: «Не продаём труп мёртвого никому же. Не дорого нам серебро и золото, дорога слава вечная».

Командование турецких войск решило соорудить земляной вал, чтобы легче было приблизиться к городским стенам и ворваться в крепость. Несмотря на превосходство сил противника, ободрённые первой победой, казаки умело обороняли крепость.

Атаман Осип Петров разделил все силы на ряд отрядов и дал каждому определённую боевую задачу: одному отряду он поручил рытьё подкопов под сооружения в неприятельском стане; другой был предназначен для боевых и внезапных вылазок из крепости и т. д. Казаки умело сочетали оборону с наступательным боем, держали инициативу в своих руках. Осаждённые, внезапно превращаясь в нападающих, тем самым вносили дезорганизацию в ряды противника. Большое место отводилось разведывательной службе: во время специальных вылазок казаки захватывали «языков»; получая от них важные сведения, немедленно пользовались облошностью врага.

Турецкое командование было обескуражено ходом осады. Взятие Азова стало буквально вопросом жизни и смерти для командного состава турецкой осадной армии. Азов надо было взять любой ценой ещё и потому, что исходом этой кампании определялся престиж Турецкой империи, её

военная репутация. Турецкое командование организовало последовательно четыре больших приступа. Во главе осаждающих колонн шли отборные регулярные войска. Длительным и непрерывным штурмом враг предполагал измотать казаков, принудить их к сдаче. Яростно бросались турки на стены Азова, но всякий раз встречали решительный отпор. Огнём, копьями и саблями казаки сбрасывали врагов со стен. Осада затягивалась. Так прошёл июнь, затем июль. Близилась осень с дождями и непогодой. Армия турок редела. Запасов у противника оставалось мало. Турецко-татарское войско теряло боевой дух. Командование всячески старалось поднять боевое настроение войск. Главнокомандующий сам постоянно ходил по траншеям, «ободряя мусульманских воинов и заботясь обо всём с благоразумием»².

9 августа 1641 г. в Константинополь было доставлено малоутешительное доведение Гуссейна-Дели паша о ходе осады Азова. Паша требовал немедленных подкреплений. «Воевать нечем, — писал он, — а прочь идти бесчестно; подобного срама османское оружие не видало: мы воевали целые царства и торжествовали победы, а теперь несём стыд от горсти незначущих воинов»³.

В Азов отправили 16 каторг с солдатами и боеприпасами. Гуссейн возобновил активные военные действия. За каждого убитого казака стали выдавать вознаграждение. Кто представлял голову убитого казака, тому «давалась записка на 100 пиастров, а те, которые брали пленных, могли считать их за собою»⁴.

Казаки в свою очередь постарались усилить свой гарнизон людьми, наладить сношения с внешним казачьим миром. Упомянутый уже историк Эвлия-эфендия, участник осады, говорит, что казакам удавалось получать от своих братьев ощутительную помощь: «Несмотря на большую бдительность, многие неверные казаки умели пробраться в крепость, бросаясь голыми в Дон и плывя под водой на спине с камышом в рту: оружие и амуниция их складывались в кожаные мешки, которые они плывя тащили за собой и таким способом давая пособие крепости. Для предупреждения сего мусульмане заперли Дон частоколом, через который не было проходу даже и рыбам, и тем набирали много вещей неверных, которые, потеряв всякую надежду на помощь, продолжали подземную войну, убивая большое число осаждающих»⁵. Турки призвали на помощь иностранных инженеров и решили соорудить огромный циркуляционный земляной вал, который, соединившись с крепостными стенами, дал бы тем самым

² «Записки Одесского общества истории и древности». Т. VIII, стр. 164.

³ «Историческое описание Земли Войска Донского». Т. I, стр. 284. Новочеркасск. 1867. Издание Войскового статистического комитета.

⁴ «Записки Одесского общества истории и древности». Т. VIII, стр. 165.

⁵ Там же, стр. 164.

¹ «Записки Одесского общества истории и древности». Т. VIII. «Русский архив», кн. 2-я за 1898 год.

турецкому войску возможность броситься лавой на город и овладеть им. Многие тысячи солдат противника были брошены на земляные работы, а чтобы казаки не мешали сооружению вала, турки 16 суток непрерывно вели артиллерийскую стрельбу, меняя прислугу у орудий.

Отсиживаясь в «норах земляных», казаки несмотря на бешеный артиллерийский огонь продолжали вести подкопы под инженерные сооружения турок. Днём и ночью неустанно велись 28 подкопов к сооружаемой иностранцами горе. Когда подкопы были готовы, казаки, заложив большие пороховые запасы, произвели одновременный и страшный по силе взрыв. Все сооружения турок, потребовавшие огромных усилий, взлетели на воздух вместе с находившимися там людьми.

Турки несли в ходе осады колоссальные потери. Не было времени хоронить трупы, и они, разлагаясь, отравляли воздух, распространяли заразу. Питание было отвратительное. Среди осадных войск росло недовольство, выливавшееся иногда даже в бунты. Главнокомандующий Гуссейн-Дели предложил своему правительству отложить осаду Азова до весны следующего, 1642 года. Ответ султана Ибрагима I был очень лаконичен: «Паша, возьми Азов или отдай свою голову»¹. Тогда турки предложили всему Донскому войску в Азове покинуть город, получив на каждого казака по тысяче талеров². Атаманы и казаки оставались неподкупными и стойкими воинами. Ни дожди и холодные ветры, ни раны и болезни, ни большой недостаток продовольствия и всех припасов не сломали их доблести; истекая кровью и потеряв большую часть артиллерии, казаки продолжали сражаться. Большую помощь в обороне крепости оказывали женщины. В самый разгар боя они появлялись на залитых кровью валах, перевязывали раненых, кормили голодных, подносили бойцам оружие и боевые припасы. Под вражеским обстрелом женщины копали рвы, таскали на валы землю, во время штурма казачки лили горячую смолу и кипяток на головы штурмующих. Несмотря на крайнее утомление казаки сохранили бодрость духа настолько, что делали по ночам вылазки, заманивали неприятеля притворным отступлением, наводили его на подкоп, а после взрыва кидались на противника с безумной отвагой.

За время трёхмесячной осады казаки отбили 24 мощных и длительных приступа. Осаждённые почти были лишены сна и сколько-нибудь сносного отдыха. Повесть об «Азовском сиденьи» очень образно описывает страшную усталость казаков: «Поморили нас бессонием; наши ноги под нами подогнулися и руки наши оборонные уже служить замертвели. А уста наши и не глаголют от беспристанной стрельбы пушечные и пищальные. Глаза наши, по них поганым стреляючи, порохом выжгло. Язык

наш в устах наших на них, поганых бусурман, закричати не сможет. Такое стало бессилие и неможение, что не можем в руках своих держати никакого оружия».

Городские стены и укрепления Азова местами были разрушены до основания. Казаки держались мужественно, но физические силы начали их покидать. Тогда атаман Осип Петров предложил уцелевшим защитникам крепости сделать последнюю и решительную вылазку и в наступательном бою победить или сложить свои головы с честью на поле брани. Казаки приняли предложение атамана. В ночь на 26 сентября 1641 г. предстоял последний штурм турецко-татарского лагеря. Готовясь к бою, казаки, по словам повести, прощались друг с другом: «Простите нас леса тёмные и дубравы зелёные, простите нас поля чистые и заводи тихие. Простите нас море синее и тихий Дон Иванович. Уже нам по тебе, атаману нашему, с грозным войском не ездити и дикого зверя в чистом поле не стреливати и в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливати». В то время как казаки готовились к последней вылазке, офицеры турецко-татарской армии собрались на военный совет. Его участники пришли к выводу, что взятие крепости невозможно. Назревал бунт янычар. С наступлением зимы Азовское море замёрзнет и сообщение с Турцией прервётся. В этих условиях гибель всей армии неизбежна. Военный совет решил осаду Азова снять. Ночью 26 сентября 1641 г. турки позорно бежали к морю для погрузки на корабли и каторги.

Чуть забрезжило хмурое октябрьское утро, а уже казаки, перепрыгивая через рвы и сползая по насыпям, незаметно окружали неприятельский стан. Вот вползли они на последнюю насыпь, разом, по знаку атамана, выпрямившись, взмахнули саблями и остолбенели: вражеский лагерь был пуст. Забыв об усталости, казаки бросились преследовать врагов и настигли их на побережье Азовского моря. Турки поспешно грузились на суда. Обезумев от страха, они стали «метаться на корабли и бусы», тонули, давили друг друга. Казаки, пользуясь суматохой, рубили их саблями и кололи пиками. Потеряв около половины своей армии под Азовом, татары в беспорядке потянулись в Крым. Крымский хан Багадир-Гирей, смертельно раненый под Азовом, скончался по дороге в свою резиденцию³.

Горстка казаков, в количестве 8—9 тысяч (с пополнениями), выдержала почти четырёхмесячную осаду почти двухсоттысячного турецко-татарского войска и принудила его отступить. Около ста тысяч человек потерял неприятель под Азовом. Турецкое правительство, пытаясь весьма неуклюже объяснить свою военную неудачу, утверждало, что истинной целью было якобы не взятие Азова, а опустошение русских земель. Крепость-де они взяли бы, заявляли турки, в течение месяца, но этой задачи они себе не ставили.

¹ Байер Зигфрид. Описание всех случаев, касающихся Азова, стр. 93. СПб. 1872.

² «Донские дела», кн. 2-я, стр. 368—369.

³ «Донские дела», кн. 2-я, стр. 288. Отписка от 7 февраля 1642 года.

Казаки торжествовали победу, но она досталась им дорогой ценой. Из 8—9 тысяч казаков, сидевших в Азове, погибло две трети. Осталось в живых только около трёх тысяч человек, причём большинство искалеченных. Но как ни велики были эти потери, они не могут идти в сравнение с колоссальными потерями неприятеля. Известие о бегстве турецкого войска из-под Азова повергло султана в ярость. Свою неистовую злобу он сорвал на офицерах отступившей армии. Главнокомандующий Гуссейн-Дели по пути к Очакову скоропостижно скончался и тем избежал свирепой расправы. А всех остальных султан предал военному суду, большинство из них было казнено.

Так постыдно закончили турки четырёхмесячную осаду Азова. За казаками с той поры окончательно и прочно утвердилось название «Великое Войско Донское».

В октябре 1641 г. Донское войско пришло в Москву атамана Наума Васильева и есаула Фёдора Порушина и 24 казака с извещением, что они «от Турских и от Крымских и от многих людей город Азов отсидели». Предложив Азов в вотчину московскому государю, казаки с нетерпением ждали ответа и помощи, без которой им Азов более держать было невозможно.

Как поступить с Азовом, — вопрос был серьёзный для Русского государства. В январе 1642 г. в Москве был созван Земский собор для решения вопроса: «Должно ли удержать за Россиею взятый донскими казаками город Азов, или отдать оный туркам обратно?» В Москве полагали, что для удержания Азова потребуется десятиты-

сячное войско и 221 тысяча рублей деньгами¹.

27 апреля 1642 г. донских атаманов Наума Васильева и Аббакума Сафонова с казаками призвали в «Золотую палату», где было «им про Азовское дело сказано». Казакам предложили покинуть Азов. Им ничего не оставалось делать, как согласиться с решением правительства. А между тем Русское государство, отрезанное тогда от всех морей, было кровно заинтересовано в морских рубежах. Если бы московское правительство поддержало казаков и вместе с ними твёрдою ногою стало в Азове, путь к морю был бы отвоеван. Но правящие круги России предпочли уклониться от решения этой трудной государственной задачи и отказались от Азова. Правда, международная и внутренняя обстановка Русского государства в то время была очень сложной, но всё же это не может полностью оправдать близорукую политику правительства Михаила Фёдоровича в вопросе об Азове.

Оставляя Азов, казаки всё, что не могли увезти с собою, разрушили и уничтожили. Уцелевшие стены были взорваны. Турки, пишет Эвлия-эфендия, «не застали в Азове не только людей, но даже ни одного животного; там не осталось ни собаки, ни кошки, ни мыши. Уцелела одна только Генуэзская башня»². В грамоте от 27 июля 1642 г. на имя войскового атамана Осипа Петрова царь благодарил казаков за послушание и быстрое оставление Азова³.

¹ Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М. 1916.

² «Записки Одесского общества истории и древности». Т. VIII, стр. 169.

³ «Донские дела», кн. 2-я, стр. 457.

ФРИДРИХ II ПОСЛЕ КУНЕРСДОРФА

Проф. МГУ С. Сказкин

Известно, что больше всего Фридрих II боялся русской армии. После Гроссегерсдорфской битвы 1757 г. он ещё мог тешить себя мыслью, что русские разбили не его, а его фельдмаршала старика Левальда. Цорндорф убедил его, что это не так. В этом бою несмотря на слабое руководство командиров русские солдаты стояли, как стена, и хотя Фридрих II приписывал победу себе, ему пришлось это доказывать, и ему всё-таки не все верили. В глубине души не верил этому и он сам. Весь его дальнейший опыт лишь укрепил его опасения: Россия действительно была его самым опасным врагом, поэтому с ней не следовало ссориться.

Надо думать, что этот политический урок Фридрих II извлёк главным образом

из опыта Семилетней войны, когда его судьба висела на волоске и когда его спасла чистая случайность — «студо Бранденбургского дома», как он сам выразился после битвы при Кунерсдорфе. С этой точки зрения многочисленные и многословные письма Фридриха по поводу кунерсдорфского поражения представляют исключительный интерес. Они рисуют психологический портрет Фридриха и дают представление об отчаянии, которое овладело им после этого поражения. Фридриху свойственны были самоуверенность, граничившая с наглостью, бахвальство, доходившее до безудержного хвастовства, и в то же время потеря самообладания и полный упадок духа в моменты неудач. Пожалуй, лучшее представление о его слабости, о страхе

Казаки торжествовали победу, но она досталась им дорогой ценой. Из 8—9 тысяч казаков, сидевших в Азове, погибло две трети. Осталось в живых только около трёх тысяч человек, причём большинство искалеченных. Но как ни велики были эти потери, они не могут идти в сравнение с колоссальными потерями неприятеля. Известие о бегстве турецкого войска из-под Азова повергло султана в ярость. Свою неистовую злобу он сорвал на офицерах отступившей армии. Главнокомандующий Гуссейн-Дели по пути к Очакову скоропостижно скончался и тем избежал свирепой расправы. А всех остальных султан предал военному суду, большинство из них было казнено.

Так постыдно закончили турки четырёхмесячную осаду Азова. За казаками с той поры окончательно и прочно утвердилось название «Великое Войско Донское».

В октябре 1641 г. Донское войско пришло в Москву атамана Наума Васильева и есаула Фёдора Порушина и 24 казака с извещением, что они «от Турских и от Крымских и от многих людей город Азов отсидели». Предложив Азов в вотчину московскому государю, казаки с нетерпением ждали ответа и помощи, без которой им Азов более держать было невозможно.

Как поступить с Азовом, — вопрос был серьёзный для Русского государства. В январе 1642 г. в Москве был созван Земский собор для решения вопроса: «Должно ли удержать за Россиею взятый донскими казаками город Азов, или отдать оный туркам обратно?» В Москве полагали, что для удержания Азова потребуется десятиты-

сячное войско и 221 тысяча рублей деньгами¹.

27 апреля 1642 г. донских атаманов Наума Васильева и Аббакума Сафонова с казаками призвали в «Золотую палату», где было «им про Азовское дело сказано». Казакам предложили покинуть Азов. Им ничего не оставалось делать, как согласиться с решением правительства. А между тем Русское государство, отрезанное тогда от всех морей, было кровно заинтересовано в морских рубежах. Если бы московское правительство поддержало казаков и вместе с ними твёрдою ногою стало в Азове, путь к морю был бы отвоеван. Но правящие круги России предпочли уклониться от решения этой трудной государственной задачи и отказались от Азова. Правда, международная и внутренняя обстановка Русского государства в то время была очень сложной, но всё же это не может полностью оправдать близорукую политику правительства Михаила Фёдоровича в вопросе об Азове.

Оставляя Азов, казаки всё, что не могли увезти с собою, разрушили и уничтожили. Уцелевшие стены были взорваны. Турки, пишет Эвлия-эфендия, «не застали в Азове не только людей, но даже ни одного животного; там не осталось ни собаки, ни кошки, ни мыши. Уцелела одна только Генуэзская башня»². В грамоте от 27 июля 1642 г. на имя войскового атамана Осипа Петрова царь благодарил казаков за послушание и быстрое оставление Азова³.

¹ Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М. 1916.

² «Записки Одесского общества истории и древности», т. VIII, стр. 169.

³ «Донские дела», кн. 2-я, стр. 457.

ФРИДРИХ II ПОСЛЕ КУНЕРСДОРФА

Проф. МГУ С. Сказкин

Известно, что больше всего Фридрих II боялся русской армии. После Гроссегерсдорфской битвы 1757 г. он ещё мог тешить себя мыслью, что русские разбили не его, а его фельдмаршала старика Левальда. Цорндорф убедил его, что это не так. В этом бою несмотря на слабое руководство командиров русские солдаты стояли, как стена, и хотя Фридрих II приписывал победу себе, ему пришлось это доказывать, и ему всё-таки не все верили. В глубине души не верил этому и он сам. Весь его дальнейший опыт лишь укрепил его опасения: Россия действительно была его самым опасным врагом, поэтому с ней не следовало ссориться.

Надо думать, что этот политический урок Фридрих II извлёк главным образом

из опыта Семилетней войны, когда его судьба висела на волоске и когда его спасла чистая случайность — «студо Бранденбургского дома», как он сам выразился после битвы при Кунерсдорфе. С этой точки зрения многочисленные и многословные письма Фридриха по поводу кунерсдорфского поражения представляют исключительный интерес. Они рисуют психологический портрет Фридриха и дают представление об отчаянии, которое овладело им после этого поражения. Фридриху свойственны были самоуверенность, пранчицившая с наглостью, бахвальство, доходившее до безудержного хвастовства, и в то же время потеря самообладания и полный упадок духа в моменты неудач. Пожалуй, лучшее представление о его слабости, о страхе

за будущее и за свою собственную судьбу дают письма после Кунерсдорфа¹.

Известно, что в первые часы сражения Фридрих II готов был торжествовать победой. Он уже отправил в Берлин эстафету о победе в ответ на сообщение герцога Брауншвейгского о разгроме французов при Миндене. Через несколько часов после этой эстафеты в Берлин пришло другое сообщение, с известием о полном поражении королевской прусской армии. Смена впечатлений от этих известий отражена в письме голландского посланника в Берлине Верельста от 13 августа 1759 г.: «Сегодня утром, в 5 часов, получено здесь (в Берлине.— С. С.) эстафетное известие о том, что его величество, третьего дня переправившись через Одер, атаковал русскую армию, разбил её левое крыло и заставил уже податься правее. Радость, вызванная этим известием, была непродолжительна: в два часа пополудни егерь привёз известие, совершенно меняющее представление о положении вещей. Король сам пишет Финкенштейну, что он проиграл сражение и надеется, что двор имеет достаточно времени для спасения, он же сам уезжает в восемь часов вечера в Магдебург. Вы можете себе представить, в каком все подавленном состоянии и как трудно в эти первые минуты выяснить какие-либо подробности. Лошадь его величества убита, другая ранена, его августейшая особа подвергалась постоянной опасности. Берлин потерял, это несомненно, хотя корпус Гадика (австрийский генерал.— С. С.) состоит только из пяти тысяч; русские скоро будут здесь...»².

При Кунерсдорфе произошло то же, что и при Цорндорфе: в самый ответственный момент русские стояли, как стена. Несмотря на повторные атаки прусской пехоты и натиск прославленной конницы Зейдлица русские не двинулись с возвышенности Шлицберга, оказавшейся центром сражения и ключом к русской победе. Фланговые атаки австрийской кавалерии Лаудона на обессиленные бесплодными атаками прусские полки довершили поражение Фридриха II. Немцы сначала отступили; а затем в беспорядке бежали.

В своём письме Верельст довольно хорошо передал содержание письма Фридриха II. В полном отчаянии Фридрих II писал в первые минуты поражения, которое стало для него очевидным, своему министру Финкенштейну, поставив сверху письма цифру 12 и позабыв в замешатель-

стве прибавить — «августа 1759 г.»: «Я начал атаку сегодня утром, в 11 часов. Мы оттеснили их (русских.— С. С.) до еврейского кладбища, что около Франкфурта. Все мои войска совершали чудеса, но на этом кладбище исчез для нас мир чудес. Наши люди пришли в замешательство, я собирал их трижды, в конце концов я начал опасаться, что сам попаду в плен, и я принуждён был уступить поле сражения. Моё платье изрешетили пули, подо мною были убиты две лошади, я несчастен уже тем, что я ещё живу. Наши потери весьма значительны: из армии в 48 тыс. человек я не располагаю даже 3 тысячами. В момент, когда я пишу, всё бежит, и я уже потерял власть над моими солдатами. В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности... Жестокий удар судьбы, я его не переживу; последствия этого события будут ещё хуже, чем оно само. У меня нет больше ресурсов, и, говоря правду, я считаю, что всё погибло; я не переживу гибели моей родины. Прощайте навсегда»³.

Фридрих как будто предчувствовал несчастье. За два дня до битвы, 10 августа, он писал Финкенштейну: «Осуждённый в чистилище едва ли чувствует себя так плохо, как я. Наша бедная планета.., слишком плохо устроена, мы нищие, у нас нет ничего, кроме чести. Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы спасти её. Прощайте»⁴.

Несмотря на это, в первые часы сражения Фридрих хвастливо уверял, что победа уже на его стороне. Позднее он раскаялся в том, что отправил курьера с преждевременным известием о победе. «Ссылаюсь на письмо,— писал он 13 августа Финкенштейну,— которое я собственноручно написал вам вчера, и так как мне не удалось разбить русских, как я воображал, мне теперь не остаётся ничего другого, как предупредить вас приготовиться к тому, чтобы уехать в Магдебург, как единственное место, где можно быть спокойным. Через два, три дня неприятель может быть в Берлине. Вы отправите туда (в Магдебург.— С. С.) всё, что вы считаете нужным, и дадите понять состоятельным людям, чтобы они уезжали на время кризиса в Гамбург, взяв с собою ценные вещи и капиталы»⁵.

Фридриха преследовала мысль, что не сегодня — завтра русские будут в Берлине. Он был потрясён так, что бразды правления выпадали у него из рук; он нервничал и отдавал противоречивые приказы. Во второй половине дня 13 августа или утром 14 августа он передал командование остатками своей армии генералу Финку и верховное командование — своему брату Генриху. 15-го или самое позднее 16 августа

¹ Они издавались в подлиннике (большую частью на французском языке) не один раз. Наилучшие издания: систематическое — в «Oeuvres de Frédéric le Grand», изд. под ред. Preuss'a (Berlin, 1846 — 1857), хронологическое — под ред. Albert'a Naude: Friedrich der Grosse. Politische Correspondenz в конце XIX в. (многотомное). Цитируем здесь чаще других том XVIII изд. 1891 года.

² «Разгром русскими войсками Пруссии 1756.—1762, стр. 53. (Документы.) Госполитиздат. 1943.

³ Politische Correspondenz. Bd. XVIII, № 11335.

⁴ Ibidem. № 11334.

⁵ Ibidem. № 11336.

он снова взял командование в свои руки¹. 14 августа он подтвердил свои распоряжения, сделанные накануне, а 15 августа просил своего лучшего полководца, принца Фердинанда Брауншвейгского, командовавшего войсками на Западе против французов, прислать ему подкрепление для прикрытия Бранденбурга со стороны Галле и Лейпцига, «без чего я не могу гарантировать того, что лавочка не будет опрокинута»². Сам он не мог выделить людей для этой же цели из своей армии, насчитывавшей 24 тыс. человек: они ему были необходимы для борьбы против русских и австрийцев. 15 августа ближайший помощник короля Кёпер сообщил Финкенштейну, что король приказал генералу Вуншу идти с несколькими батальонами и кавалерией для прикрытия Берлина. Для той же цели генерал Клейст уже двигался из Померании. А русские всё ещё стояли на прежнем месте. Дезертиры доносили Фридриху, что в сражении 12 августа при Кунерсдорфе русские понесли огромные потери. «Русские, — утешал себя Кёпер, — получили даже будто бы совет разграбить собственные обозы, в такой мере мало они верили в победу»³. Слабое утешение!

В тот же день Кёпер написал Финкенштейну длинное письмо, которое даёт представление о том, что делалось в ставке короля с 12 по 15 августа: «Графу Финкенштейну. Рейтвейн. 15 августа 1759 г. Секретно. Граф, льщу себя надеждой, что Вы получили моё письмо, которое я имел честь отправить Вам сегодня утром. Не смею отказать себе в утешении полностью открыть Вам обо всём, что здесь происходило, тем более, что Ваше превосходительство являетесь министром короля, с которым я должен говорить откровенно по поводу всего того, что порождено нынешним положением вещей. Король дал битву русским 12 сего месяца; её было необходимо дать, и это обстоятельство заставило его не обращать внимания на то, что выгодность неприятельских позиций говорила против сражения. Почти всё время, пока длилось сражение, были основания думать, что оно будет решено в пользу короля, как вдруг упорство неприятеля и укрепления, которые нужно было у него вырвать, ослабили натиск войск короля, который во всё время сражения с 11½ часов утра и почти до 6 часов вечера вёл себя, как истинный герой. Всё же оказалось нужным оставить поле сражения, причём отступление не вызвало значительных потерь, кроме большого количества пушек. С тех пор Его величество находится в прострации (abattement), которая является причиной бесконечных страданий для тех, кто имеет честь иметь с ним дело. Его величество передал, по крайней мере в данный момент, командование генерал-лейтенанту Финку, который сам легко ранен. Я не ду-

маю, чтобы дело обстояло столь критически, как можно было бы себе представить или как представляют себе австрийцы и русские день 12 августа. Однако здесь царит отчаяние, и оно служит основанием для действия. Вот почему я отдал бы все сокровища земли за то, чтобы Вы были здесь, дабы помочь своими советами найти выход из этой войны, явно слишком разорительной»⁴.

Кёпер правильно определил состояние Фридриха: им овладело отчаяние. Только 16 августа король начал приходить в себя. Он одобрил приказ коменданта Берлина вывезти оттуда артиллерию и отдал распоряжение об отливке новых орудий. «И хотя наши дела находятся в большой опасности, — писал он в этот день, — и в отчаянном положении, кажется, что и на этот раз буря нас минует»⁵. 16 августа Фридрих так описывал подробности сражения при Кунерсдорфе: «Ужасная катастрофа 12 августа поставила нас в первые минуты в столь тяжкое положение, что не было возможности входить в детали. Победа была в наших руках, когда вдруг моя несчастная пехота отказала в твердости сопротивления. Достойный смеха страх быть отправленными в Сибирь заставил их (солдат. — С. С.) обратить тыл, и больше уже не было сил их остановить. Я не могу быть точным в деталях наших потерь. Моё великое несчастье в том, что большинство офицеров ранено. Однако я собрал 7 тыс. человек. Зейдлиц, принц Вюртембергский, Гюльзен, Итценплиц, генерал-майор Кноблах ранены так же, как и большая часть офицеров главного штаба. Я потерял 160 орудий. Вот каково положение в общих чертах. В данный момент я в Лейбусе. Я подтяну сюда Клейста, что с другой стороны откроет путь для шведов. У русских, должно быть, большие потери. Они принимают всяческие предосторожности, чтобы скрыть их от нас. Если они перейдут Одер и захотят действительно идти на Берлин, мы будем драться с ними, скорее с тою целью, чтобы быть убитыми под стенами нашей родины, чем в надежде их победить. Подумайте сами: в моём распоряжении лишь потерявшие мужество войска и почти нет офицеров. Я приказал доставить из Берлина 50 орудий, но этого недостаточно... Я не в состоянии предвидеть, чем всё это кончится, но надо быть готовым ко всему... Такова истинная в её неприкрытом виде. Я решил погибнуть, защищая Вас»⁶.

Как видим, и это письмо далеко не бодрое. Фридрихом снова овладело мрачное отчаяние, как и в первые минуты поражения. Это видно из последующих его писем, особенно к близким. 16 августа он писал своему брату принцу Генриху Прусскому по поводу Кунерсдорфа: «Потеря врага велики. Сражение было бы выиграно, если бы пехота не отступила. После того как принц Вюртембергский и Зейдлиц были ранены,

¹ Politische Correspondenz. Bd. XVIII. № 1137 und S. 482. Anmerk. 5.

² Ibidem. № 11341. «Sans quoi je ne saurais Lui garantir que toute la boutique ne se trouve renversée».

³ Ibidem. № 11342.

⁴ Ibidem. № 11343.

⁵ Ibidem. № 11344.

⁶ Ibidem. № 11345.

кавалерия исчезла с поля сражения. Наши артиллерийские лошади были перебиты, вследствие чего мы потеряли много орудий. Я приказал привезти артиллерию из Берлина; я делаю, в конце концов, нечто невероятное, чтобы поддержать сотрясаемое на своих основаниях государство. Убитых у нас не более 2500, но больше 10 тыс. человек раненых, из которых 6 тыс., вероятно, скоро черкуются в строй... В тот момент, когда я впервые сообщил Вам о нашем несчастье, казалось, всё погибло; опасность велика ещё и сейчас, но до тех пор, пока глаза мои смотрят, я поддержу государство. Таков мой долг. Футляр, который был в моём кармане, предохранял мою ногу от пули, разбившей футляр. Наше платье всё в ключьях; почти у всех одежда и шляпы прострелены по два и по три раза... Представьте же себе мои страдания, и Вы легко поймёте, что это больше, чем то, что переживает осуждённый на смерть. Счастливы мёртвые! Им же несть ни печали, ни воздыхания»¹.

Короля попрежнему больше всего беспокоила возможность появления русских и австрийцев в Берлине. «Наше положение ужасно, но враг даёт нам передышку,— писал он 16 августа Финкенштейну.— Быть может, его ошибки спасут меня. Но я боюсь, что это только передышка. Нужно, чтобы Рохов (комендант Берлина.— С. С.) оставался в Берлине и Маассов — в Шпандау. Я делаю последнее усилие, чтобы собрать всё, что можно. Рассчитывать на меня всё равно, что опираться на тростичку. Боюсь, что поздно даже начинать переговоры о мире. Нашу судьбу, как всегда, сейчас решит случай. Что же касается меня, пусть меня убьют, лишь бы защитить вас; но это и всё, чем я могу вам служить. Голова не идёт у меня кругом, но я, не будучи пророком, могу предвидеть события, а они нам отнюдь не улыбаются. Прощайте. Делайте своё дело и помните, что все люди подвержены капризам судьбы»².

Фридрих действительно делал всё, что было в его силах, чтобы укрепить защиту Берлина. Он требовал подкреплений Берлину (№№ 11348, 11349), отдал распоряжение преградить или по крайней мере затруднить путь неприятелю (№ 11350), истерически вопил о том, чтобы ему слали боеприпасы (№ 11351) к Рохову, в Берлине. 18 августа в его распоряжении было уже 30 тыс. человек (№№ 11352, 11353 — письма к принцу Генриху). Известие о том, что австрийский генерал Гадик приближается к Мюльрозе и стремится соединиться с русскими, а Лаудон перешёл через Одер в направлении к Берлину, снова наполнило душу Фридриха отчаянием. «Вчера они,— писал он Финкенштейну 19 августа,— прошли уже через Нейбрюкке, и я расположился в Фюрстенвальде, преградив им путь. Не знаю, пойдут ли они сюда сегодня или завтра, но хотя русские получили подкрепление войсками Гадики, я буду сражаться, ибо это — за оте-

чество. Смотрите на это решение, как на последний вздох нашего мужества и наших сил. У меня не хватает смелости, чтобы обещать что-либо; это было бы чрезмерной наглостью, но я клянусь Вам: рисковать более, чем это я делаю, нельзя»³.

Читающий эти и предыдущие строки справедливо скажет: «Громкие фразы!» Фраза — стиль Фридриха. Это игрок, который любит позу. Даже при самых трудных обстоятельствах он не отказывается от удовольствия возвести себя на пьедестал героя... Всё больше беспокоили короля его солдаты-наемники. Лучшие солдаты погибли или разбежались, а остались у него самые плохие. Да и эти лучшие — были ли они надёжны? Фридриху порой казалось, что несчастье произошло из-за того, что его войска не оказались достаточно стойкими. «Нас постигло несчастье,— писал он 19 августа своему брату Фердинанду,— потому, что наша пехота не захотела потерпеть ещё четверть часа. Неприятель соединился с Гадиком, и вся армия собирается двинуться на Берлин. Я стал им на дороге, боюсь, что не завтра — послезавтра нам придётся драться. Офицеры и я, мы решили умереть или победить. Дай бог, чтобы того же хотел каждый солдат! Берегите здоровье и не забывайте брата, который будет любить Вас до последнего вздоха. Прощайте». За этими торжественными фразами следует любопытная приписка: «Мои наилучшие пожелания герцогу Вюртембергскому, Зейдлицу, Веделю и всем честным людям, которые хорошо сражались, и проклятье всем трусам, которые там, с вами, не будучи ранены»⁴. Принц Фердинанд, которому было адресовано это письмо, находился в то время в Штеттине. Совершенно ясно, что проклятия Фридриха относились не только к солдатам, очутившимся в Штеттине!

Страхи Фридриха оказались неосновательными: русская армия не переходила Одер, и Гадик не двигался к Берлину (см. письмо Фридриха к Финкенштейну от 20 августа, № 11356). У Фридриха появляется надежда, что неприятель даст ему время привести в порядок остатки армии и оправиться от первого впечатления, т. е. от страха перед русскими. Но отчаяние не покидало короля. Более спокойный Финкенштейн советовал королю организовать защиту и вести только оборонительные операции. «Нет! — восклицал король. — Это невозможно! Берлин открыт со всех сторон, единственный выход — это сражение». И, становясь снова на героические ходули, король продолжал: «И я буду сражаться, потому что это самый почётный выход. Погибать, так погибать, умру с оружием в руках. Вот с чем вы должны считаться. Пусть моя пехота очень плоха, пусть Дави (австрийский главнокомандующий.— С. С.) посылает помощь тем, кто стоит против меня,— надо рисковать: другого разумного выхода нет. Быть может, случай будет за

² Ibidem. № 11347.

³ Ibidem. № 11354.

⁴ Ibidem. № 11355.

¹ Politische Correspondenz. Bd. XVIII. № 11346.

нас, и одно мгновение фортуны может исправить всё, что было. Я надеюсь освободить вас от страха перед имперскими войсками в самый непродолжительный срок (против них был послан генерал Вунш.— С. С.). Что же касается нас, то ждите либо великого счастья либо ужасной катастрофы. Ибо сейчас не время для тёпленьких средств. При отчаянных болях необходимы отчаянные лекарства. Вы скажете, что я ужасный врач, но мой больной заставляет меня вызволять его из беды сильными средствами, ибо других нет... Скоро я буду иметь 33 тыс. человек в лагере. Этого было бы достаточно, если бы мои лучшие офицеры были со мною и если бы не годя и пожелали выполнить свой долг. (Это солдаты-то! — С. С.) Чтобы быть до конца откровенным, скажу вам, что я боюсь моих солдат больше, чем неприятеля» (разрядка моя.— С. С.).

Король писал это своему министру Финкенштейну 20 августа 1759 г.¹ Страх, смешанный с презрением к наёмникам, типичный для палочной дисциплины, царившей в войсках Фридриха, не покидал его. Он не раз посылал проклятия «серой скотинке», не желавшей разделять «героические» порывы и «высокие» понятия о чести этого царственного авантюриста и кондотьера. Вышеприведённое письмо он заканчивал так: «Наконец, в том ужасающем положении, в каком я нахожусь, я, исполняя свой долг верности государству, принял решение для себя: я буду его защищать до последней капли крови, и если мои каналы бросят меня, я этого не переживу»².

В 20-х числах августа Фридриха стали беспокоить слухи о том, что Даун с основной армией идёт на соединение с Салтыковым, Лаудоном и Гадиком, и тогда ему, Фридриху, конец (№№ 11360, 11366). Он просил помощи у Фердинанда Брауншвейгского: «Если Вы не окажете мне немедленно помощи, осуществив диверсию со стороны Мерзебурга и Лейпцига, Вы можете ждать, что с нами приключится великое несчастье» (№ 11367). «Вот,— писал он своему брату Фердинанду,— самое ужасное положение из всех, в какие я попадал в моей жизни. Вот момент, когда нужно либо победить, либо умереть»³.

Но русские так и не двинулись из-под Франкфурта. Австрийцы, кажется, сделали всё, что было в их силах, чтобы план захвата Берлина, предложенный Салтыковым, не удался. Фридриху и на этот раз помогли бездарность и медлительность австрийских генералов. «У австрийцев неискоренимая привычка битыми быть»,—говаривал о них впоследствии Суворов. Вместо того чтобы воспользоваться исключительно благоприятной с гуацей и тотчас же после Кунерсдорфа идти на Берлин и там продиктовать прус-

скому королю условия мира, Даун считал нужным сначала занять Дрезден и лишь потом принять участие в походе на Берлин. Об этом Салтыков узнал от генерала Гадика, подошедшего к Франкфурту 14 августа, т. е. через два дня после Кунерсдорфа. А 15 августа к русскому главнокомандующему явился начальник штаба Дауна и настаивал, чтобы русские войска оказали содействие операциям австрийцев в Верхней Силезии. 24 августа, в соответствии с новыми инструкциями, генерал Гадик пошёл к Дрездену; Салтыков снова остался один. Он решительно протестовал против похода в Силезию, он не хотел, чтобы русские войска после всех побед играли недостойную их славы роль вспомогательной для австрийцев армии, но одновременно он же считал возможным поход на Берлин только силами русской армии после двух кровопролитных сражений (Пальциг и Кунерсдорф).

22 августа в Губене состоялось совещание Салтыкова и Дауна. На этом совещании был принят план Дауна. Салтыков был крайне раздражён принятым решением, другие русские генералы разделяли мнение своего главнокомандующего. Но делать было нечего. Русская армия бездействовала. Когда 26 августа Салтыкову стало известно, что Фридрих отправил на выручку Дрездена корпус Финка и Вунша, он снова предложил Дауну идти на Берлин, рассчитывая на то, что ослабленную этой диверсией армию Фридриха легко будет разбить. Даун опять отказался от этого предложения и настаивал на том, что сначала следует занять Дрезден. 2 сентября Дрезден пал, но и после этого Даун колебался, не раз менял свои решения и в конце концов повернул вспять. Вбешённый трусостью австрийцев, Салтыков заявил присланному Дауном генералу, что русская армия «довольно сдержала неприятеля и немало претерпела. Теперь шло бы нам покой дать, а вам работать, потому что вы почти всё лето пропустили бесплодно»⁴. Вскоре русская армия ушла на зимние квартиры в Восточную Пруссию.

За всем этим Фридрих наблюдал с недоумением, не смея верить своему счастью. «Если Даун,— писал он,— не соединится с нами (русскими.— С. С.), голод и недостаток фуража выгонят их отсюда. Я ничего не понимаю во всём этом» (письмо к Финкенштейну от 25 августа, № 11371). Все разумные доводы говорили за то, что Даун может прийти! Слухи о его движении были противоречивыми, и точной информации у Фридриха не было. Если же Даун явится, тогда развязка неминуема. «Это будет последней сценой пьесы, когда появляются все актёры сразу. Дай бог, чтобы катастрофа случилась с нашими врагами и судьба была бы за нас! Уверю Вас,— писал он Финкенштейну,— что при нынешнем положении вещей благоразумие, военное

¹ Politische Correspondenz. Bd. XVIII. № 11357.

² Ibidem.

³ Ibidem. № 11368.

⁴ Соловьёв. История России. Т. XXIV, гл. IV, стр. 1102. Изд. «Общественная польза». СПб.

искусство и то немногое, что даёт человеческая мудрость, недостаточны и что случай имеет большее значение в событиях, чем наше предвидение, потому что нужно угадывать, а это — искусство очень неверное» (№ 11371).

Наконец, совершилось то, чего меньше всего ожидал Фридрих: австрийцы отказались от плана Салтыкова, и русские двинулись в противоположную от Берлина сторону. Удивлению Фридриха не было предела. 30 августа он писал в Берлин Финкенштейну: «Русские и австрийцы повернули в сторону Лаузица. Можете представить себе, сколь велико моё удивление. В то время как я думал, что они пойдут к Берлину, они направились в противоположную сторону» (№ 11391). «Возвещаю Вам,— писал он 1 сентября уже в совсем лижующем тоне своему брату Генриху,— о туде Бранденбургского дома: неприятель, перейдя Одер, вместо того, чтобы, решившись ещё на одно сражение, закончить войну, направился от Мюльрозе к Либере» (№ 11396).

Хотя в начале сентября 1759 г. непосредственная опасность для него миновала, Фридриху было ясно, что положение его с каждым мгновением становится всё более шатким.

Подводя итоги минувшему году, он писал своему брату Генриху 1 января 1760 г.: «Меня больше всего лишает мужества сознание того, что средства мои на исходе

и что у меня нет больше ресурсов»¹. Фридрих был прав. Вступление в 1760 г. русских войск в Берлин, успехи русского оружия сорвали с Фридриха II ореол «непобедимости». Силы Фридриха были истощены, а в перспективе была потеря английских субсидий, выплачивавшихся аккуратно в размере 670 тыс. ф. ст. ежегодно и позволявших королю восстанавливать потери в людях.

6 октября 1761 г. ушёл в отставку Уильям Питт. Новый министр, Бьют, намекал прусскому королю, что Англия не намерена воевать бесконечно в угоду прусскому величеству. Наступали тяжёлые времена для Фридриха. 9 января 1762 г. он писал своему брату Фердинанду: «Если вопреки нашим надеждам никто не придёт к нам на помощь,— прямо говорю вам, что я не вижу никакой возможности оторочить или предотвратить нашу гибель»².

Через несколько дней после отправки вышеупомянутого письма Фридрих узнал о смерти императрицы Елизаветы и о вступлении на престол Петра III, своего восторженного поклонника. Эта смена лиц на царском троне в России открыла перед Фридрихом II выход из того тупика, в который его загнала русская армия.

¹ «Oeuvres de Frédéric le Grand». T. XXVII, № 75.

² Politische Correspondenz. Bd. XXI. № 13390.

О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Проф. Н. Воронин

Академик Б. Д. Греков своевременно поднял вопрос о принципах реконструкции наших городов и об участии в решении возникающих вопросов историков, археологов и историков искусства. Действительно, сейчас города, пострадавшие от временной фашистской оккупации, как бы рождаются заново, определяется их будущий архитектурный облик, меняется планировка и пр. Среди восстанавливаемых городов есть две категории: города, возникшие сравнительно недавно; промышленные центры, созданные русским капитализмом, в которых отсутствовала забота об архитектурной целостности городской планировки и ансамбля, где господствовало беспринципное предпринимательское строительство. Ко второй категории относятся древнерусские города с многовековым прошлым, памятниками искусства и остатками древних оборонительных сооружений, историческими урочищами и пр. Если в первом случае зодчий более или менее свободен в выборе своих решений, определяющих сетку улиц, характер застройки и т. п., то во втором он обязан подчинить своё решение ряду обстоятельств, о которых речь пойдёт ниже.

Правительство поручило руководство

этим ответственнейшим и грандиозным делом лучшим и опытейшим мастерам архитектуры. Это должно послужить залогом успешного решения поставленных задач и гарантией от возможных ошибок. Но в то же время в истории русских городов были примеры, когда крутой мастер, решая большую строительную задачу, увлекался своими творческими замыслами и не только нарушал исторический облик города, но и калечил или губил его памятники. Наряду с блестящей и заслуживающей изучения работой М. Ф. Казакова по перепланировке Твери, который создал из этого города как бы тонкое и гармоничное эхо Петербурга, мы знаем проект Большого кремлёвского дворца другого гениального зодчего — В. И. Баженова. Могучий талант, вдохновлённый мыслью о возрождении архитектурного величия Кремля, оказался в противоречии со святыней русского народа — самим Московским Кремлём. Если бы проект Баженова был осуществлён, мы видели бы теперь над Москвой-рекой не единственную в своём роде величавую панораму стен и башен с соборами и древними здажиями, а гигантский довольно однообразный фасад с колоннадами, за которыми скрыты древние храмы и над которым,

искусство и то немногое, что даёт человеческая мудрость, недостаточны и что случай имеет большее значение в событиях, чем наше предвидение, потому что нужно угадывать, а это — искусство очень неверное» (№ 11371).

Наконец, совершилось то, чего меньше всего ожидал Фридрих: австрийцы отказались от плана Салтыкова, и русские двинулись в противоположную от Берлина сторону. Удивлению Фридриха не было предела. 30 августа он писал в Берлин Финкенштейну: «Русские и австрийцы повернули в сторону Лаузица. Можете представить себе, сколь велико моё удивление. В то время как я думал, что они пойдут к Берлину, они направились в противоположную сторону» (№ 11391). «Возвещаю Вам,— писал он 1 сентября уже в совсем лижующем тоне своему брату Генриху,— о туде Бранденбургского дома: неприятель, перейдя Одер, вместо того, чтобы, решившись ещё на одно сражение, закончить войну, направился от Мюльрозе к Либере» (№ 11396).

Хотя в начале сентября 1759 г. непосредственная опасность для него миновала, Фридриху было ясно, что положение его с каждым мгновением становится всё более шатким.

Подводя итоги минувшему году, он писал своему брату Генриху 1 января 1760 г.: «Меня больше всего лишает мужества сознание того, что средства мои на исходе

и что у меня нет больше ресурсов»¹. Фридрих был прав. Вступление в 1760 г. русских войск в Берлин, успехи русского оружия сорвали с Фридриха II ореол «непобедимости». Силы Фридриха были истощены, а в перспективе была потеря английских субсидий, выплачивавшихся аккуратно в размере 670 тыс. ф. ст. ежегодно и позволявших королю восстанавливать потери в людях.

6 октября 1761 г. ушёл в отставку Уильям Питт. Новый министр, Бьют, намекал прусскому королю, что Англия не намерена воевать бесконечно в угоду прусскому величеству. Наступали тяжёлые времена для Фридриха. 9 января 1762 г. он писал своему брату Фердинанду: «Если вопреки нашим надеждам никто не придёт к нам на помощь,— прямо говорю вам, что я не вижу никакой возможности оторочить или предотвратить нашу гибель»².

Через несколько дней после отправки вышеупомянутого письма Фридрих узнал о смерти императрицы Елизаветы и о вступлении на престол Петра III, своего восторженного поклонника. Эта смена лиц на царском троне в России открыла перед Фридрихом II выход из того тупика, в который его загнала русская армия.

¹ «Oeuvres de Frédéric le Grand». T. XXVII, № 75.

² Politische Correspondenz. Bd. XXI. № 13390.

О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Проф. Н. Воронин

Академик Б. Д. Греков своевременно поднял вопрос о принципах реконструкции наших городов и об участии в решении возникающих вопросов историков, археологов и историков искусства. Действительно, сейчас города, пострадавшие от временной фашистской оккупации, как бы рождаются заново, определяется их будущий архитектурный облик, меняется планировка и пр. Среди восстанавливаемых городов есть две категории: города, возникшие сравнительно недавно; промышленные центры, созданные русским капитализмом, в которых отсутствовала забота об архитектурной целостности городской планировки и ансамбля, где господствовало беспринципное предпринимательское строительство. Ко второй категории относятся древнерусские города с многовековым прошлым, памятниками искусства и остатками древних оборонительных сооружений, историческими урочищами и пр. Если в первом случае зодчий более или менее свободен в выборе своих решений, определяющих сетку улиц, характер застройки и т. п., то во втором он обязан подчинить своё решение ряду обстоятельств, о которых речь пойдёт ниже.

Правительство поручило руководство

этим ответственнейшим и грандиозным делом лучшим и опытейшим мастерам архитектуры. Это должно послужить залогом успешного решения поставленных задач и гарантией от возможных ошибок. Но в то же время в истории русских городов были примеры, когда крутой мастер, решая большую строительную задачу, увлекался своими творческими замыслами и не только нарушал исторический облик города, но и калечил или губил его памятники. Наряду с блестящей и заслуживающей изучения работой М. Ф. Казакова по перепланировке Твери, который создал из этого города как бы тонкое и гармоничное эхо Петербурга, мы знаем проект Большого кремлёвского дворца другого гениального зодчего — В. И. Баженова. Могучий талант, вдохновлённый мыслью о возрождении архитектурного величия Кремля, оказался в противоречии со святыней русского народа — самим Московским Кремлём. Если бы проект Баженова был осуществлён, мы видели бы теперь над Москвой-рекой не единственную в своём роде величавую панораму стен и башен с соборами и древними здажиями, а гигантский довольно однообразный фасад с колоннадами, за которыми скрыты древние храмы и над которым,

подобно печной трубе, поднималась бы лишь глава Ивана Великого. Грандиозный проект, будучи воплощён в жизнь, фактически уничтожил бы Московский Кремль, а имя великого зодчего вызвало бы горькое порицание русских людей.

Современная нам реконструкция Москвы, к сожалению, знает примеры совершенно ненужных сломок памятников русской истории и искусства. Таковы, например, слом церкви Успения на Покровке — содания гениального русского мастера Петра Потапова; снос одной из старейших построек Москвы — церкви Гребневской Богоматери на углу улицы Кирова; уничтожение знаменитой Сухаревой башни — прекрасного архитектурного памятника, в котором помещалась «навигационная школа» Петра I, колыбель славы русского флота, и уничтожение других памятников. Такие грубые ошибки более недопустимы, а их наличие в прошлом нашем градостроительстве должно привлечь внимание общества, исторической науки и органов охраны памятников к восстановлению наших городов. Это тем более необходимо, что фашистские орды нанесли зияющие раны золотому фонду памятников русской национальной культуры, и поэтому то, что осталось, особенно драгоценно.

Само собой разумеется, необходимо сохранить все историко-художественные памятники старой русской архитектуры, уцелевшие от разрушений немецких погромщиков. В работе по восстановлению старых городов мы наблюдаем чуткое отношение строителей к своим ответственным объектам. Назовём работы академика архитектуры Л. В. Руднева по реконструкции Воронежа. Достаточно взглянуть на эскизный проект Петровского сквера, в котором любовно сохранены и старые здания и общий характерный колорит города, чтобы понять, с какой вдумчивостью и чуткостью решает большой художник свою задачу. Академик архитектуры Н. Я. Колли в своей работе над восстановлением города Калинин (Тверь) руководствуется прекрасным образцом планировки Казакова. Он сохраняет его идеи и стремится усвоить благородный стиль старого мастера в новых частях города. Академик архитектуры Г. Н. Гольц руководит восстановлением Смоленска. Он также бережно решает судьбы застройки древней части города, заботится о ремонте и восстановлении стен голубовского кремля, архитектурно выделяет древние памятники и переносит развитие нового города в сторону от старой территории. Это, вообще говоря, самый разумный приём, обеспечивающий целостность наиболее интересных в научном отношении и художественно ценных участков города.

Так в своё время была решена судьба Ленинграда, новый центр которого был вынесен на Московское шоссе. Тем самым предотвращены были неизбежная сломка и искажение классического ансамбля старого Петербурга. Древние части Новгорода (в черте внешнего земляного вала) или Пскова (в черте его стен) настолько малы, что планировать дальнейший рост этих го-

родов целесообразнее вне их древней территории. Стремление же во что бы то ни стало реконструировать именно древние части городов, несмотря на самые лучшие намерения, приведёт к их искажению и порче. Это соображение тем более понятно, если вспомним, что, например, Новгород становится теперь областным центром, который потребует и больших зданий административно-хозяйственного назначения и более крупных жилых домов и пр.

Свои пожелания хочется обосновать ссылкой на малоизвестный опыт древнерусских градостроителей. Драгоценным качеством их архитектурного мастерства было художественное чувство природы и ландшафта, с особенностями которых органически и всякий раз своеобразно связывался городской ансамбль. Мастер, как всякий русский человек, любил красоту родной земли, и его творческий замысел никогда не нарушал этой естественной красоты чем-либо не гармонирующим с ней. Он никогда не искажал восприятия рельефа чрезмерными масштабами зданий; городские стены, башни и храмы никогда не подавляли естественный рельеф, но подчёркивали и прекрасно выявляли его: ансамбль Новгорода нарочито широк и «равнинен». Во Владимире на Клязьме мастера строили силуэт города на живописной игре холмов и оврагов высокого речного берега; при всей широте Москвы её кремлёвский холм доминировал над городом вплоть до конца XVII века. Напротив, бездарный колосс К. Тона — храм Христа Спасителя — не следовал благородной традиции русского искусства — его масса подавила и кремлёвский холм и кремлёвский ансамбль, ничего не прибавив к красоте города, ибо «величина не есть величие». Мастерское умение русских градостроителей достигалось тем, что они не были кабинетными проектировщиками, а вынашивали свой замысел на месте. Перед глазами зодчего был не план города с сухими горизонталями рельефа, но его живой рельеф с его характерным растительным покровом, виденные мастером в условиях различного времени дня и года. Всё это отражалось, в последнем счёте, в неповторимости и индивидуальности ансамбля города, который создавался мастером.

Мы не хотим сказать, что зодчий должен вернуться к «допроектной» и «дочертёжной» системе работы мастеров древней Руси, но мы всё же хотим, чтобы он не был кабинетным «сочинителем», а жил непосредственными впечатлениями того живого древнего города, который он должен воссоздать. Отсюда основное требование к реконструкции древних городов: масштабные показатели новой застройки ни по своим массам, ни в особенности по высоте не должны превышать существовавшей застройки, но скорее, наоборот, сократить её там, где она вырвалась за пределы гармоничного масштабного соотношения с древними памятниками и рельефом городской территории. Например в Новгороде надо строить так, чтобы святая София и Евфимьевская Часовня попрежнему доминировали над городом, первая — как максимальный объём, а вторая — как

наиболее высокая вертикаль; чтобы попрежнему город был легко обозрим как во всей своей могучей широте так и в отдельных «интерьерных» частях своего ансамбля.

Отсюда следует, что в черте древних городов недопустимо строительство современных многоэтажных зданий, малоэтажное же строительство не удовлетворит ни современных, ни будущих потребностей, особенно учитывая застроенность старых городских районов. Развитие в них капитального строительства повлечёт за собой более сложное коммунальное благоустройство, а в конечном счёте выравнивание рельефа, засыпку оврагов и лощин и пр., с чем органически связан облик старого города.

Нуждаются ли наши древние города, органически сложившиеся в неповторимые и своеобразные комплексы, в изменении планировки, согласно стандартным требованиям современного градостроительства? Скажем, нужно ли в Новгороде обязательно создавать центральную площадь, распрямить и архитектурно выделить «центральную магистраль» и т. п.? Думаем, что нет, так как Новгород уже имеет свой исторический и композиционный центр, а его улицы ещё несут следы древней радиальной планировки. Уместно напомнить екатерининские проекты перепланировки старых городов: на этих проектах неизменно выделены и сохранены старые кремли и валы, однако «разбивка» регулярных улиц идёт вразрез со старым обликом города. Поэтому на практике строители часто с большим тактом отступали от «высочайше утверждённых» проектов в интересах сохранения важнейших аспектов древнего ансамбля. Так, например, во Владимире на Клязьме гостинный двор и здания присутственных мест, намеченные к постройке перед Успенским собором и закрывавшие вид на последний, не были осуществлены, а сухая «геометрия» кварталов была смягчена согласованием их с рельефом и сложившимися жилыми участками.

Возникает также вопрос об общем характере застройки города. Обычно архитекторы ищут какого-то «единого» стиля, в духе которого должны решаться важнейшие объекты. В старых городах выбор бывает труден: века оставили в них образцы зданий различных эпох. В их числе обычны памятники русского классицизма, сохранившиеся почти везде в виде домов административных учреждений, общественных мест, дворянских и купеческих особняков. К этому стилю часто и склоняется выбор архитектора. Везде ли это закономерно? Является ли характерным этот дух холодноватых классических форм для русской культуры вообще и каждого данного города в частности? Следует ли узаконивать эти формы в новом строительстве, как бы повторяя казённый штамп конца XVIII—начала XIX в., столь ярко выделявший в каждом городе Российской империи его чиновничье-дворянское или купеческое средоточие? Думаем, что не следует, и высказываемся за большую широту новых замыслов и глубину в пони-

мании духа русской архитектуры. Академик архитектуры А. В. Щусев в своём проекте реконструкции Истры черпает мотивы главнейших зданий города из русского зодчества XVII в., создавая ряд очень интересных по свежести мысли и цельности стиля построек. Этот опыт следует приветствовать, и рекомендовать молодым зодчим поучиться у старого мастера его большому искусству. Принятые А. В. Щусевым принципы гармонируют с духом знаменитого Ново-Иерусалимского монастыря — памятника, создавшего мировую славу маленькой Истре. Но данные формы безусловно неуместны, например, в Твери. В Новгороде или Пскове, богатых подлинными древними памятниками, нам кажется, была бы совсем неуместна какая-либо «новгородско-псковская» стилизация. Равно как и классицизм, очень органичный для Твери-Калинина, в Новгороде напомнил бы, пожалуй, лишь об Аракчееве. В таких исключительных случаях, нам думается, перед зодчим стоит другая задача — сделать новую застройку очень скромной, чтобы она образовала как бы фон, на котором ярче выступят творения мастеров древности. В самом деле, если вспомнить впечатления о старом Новгороде, то в них ни единой чертой не отразятся его жилая застройка, его скромные домики и простые общественные здания. И в этом есть своё положительное качество: город был лишён надуманного, претенциозного лица, его черты формировала жизнь, склонявшая голову перед величавыми образами прошлого. Это наши строители могли бы учесть и сделать для себя соответствующие выводы.

Вопрос о путях сохранения и реконструкции разрушенных немцами памятников зодчества является наиболее сложным и спорным. Конечно, в тех случаях, когда речь идёт лишь о более или менее капитальном ремонте уцелевшего памятника, особых сомнений не возникает. Но вопрос о консервации, например, Нередицкой церкви в Новгороде или церкви Пятиницы в Чернигове и других зданий, от которых уцелели лишь обломки стен, неизмеримо сложнее. Предлагают, например, «доставать» подобные памятники с соблюдением всех «подлинных» подробностей и особенностей, включая древние останки в кладку нового «макета». Это вызывает законное сомнение: выиграет ли, например, Новгород от подобных, может быть очень точных, но всё же чисто «театральных» сооружений, среди которых потеряются подлинные шедевры старых мастеров? Не лучше ли сохранить эти руины, принять меры по консервации и защите их от осадков, создав в специальном помещении около них музей фрагментов и материалов о внешнем облике памятника до его разрушения? Это предохранит город от поддельных «памятников» и сохранит для будущего подлинные документы о разрушениях фашистских орд. В тех случаях, когда от здания остались лишь нижние части стен, их следует очистить, укрепить и огородить, превратив в своего рода заповедник, и создать ма-

лявский домик-музей, в котором собрать образцы фрагментов росписи, кладки, чертежи и фотографии.

При реконструкции древнерусских городов следует учитывать и их археологическое значение. Такие города, как Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск и др., тают в своих недрах драгоценнейшие источники истории русского народа—остатки жилищ и хозяйственных построек, многообразный мир материальной культуры прошлого. Археологи часто сетовали, что они не могут исследовать те или иные застроенные участки древних городов. При планировке необходимо учесть научные запросы не только сегодняшнего дня, но и будущего. Необходимо определить и сохранить незастроенными территории археологических заповедников, используя их под озеленённые скверы с кустарниковой посадкой, и всячески оберегать целостность их культурных напластований. Такими участ-

ками в Новгороде должно стать, например, Ярославово дворище, свободные площади внутри детинца, Славенский холм и другие урочища. Строительство в древнерусских городах должно вестись под постоянным надзором археологов. Как показал опыт работы археологов на многих строительствах, наблюдение за земляными работами не только приносит интереснейшие находки, но и уточняет наши представления о древней стратиграфии города в различных его участках. И в этом вопросе строительство не должно идти вразрез с наукой, разрабатывающей и оберегающей памятники прошлого великого народа. Руководители строительства сами обязаны стать участниками этой научной работы, держать в курсе своих планов и намерений соответствующие археологические институты и музеи, помогать организации надзора и в отдельных случаях согласовывать темпы строительных работ с его задачами.

О ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНЕ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ *

I

Буржуазная историография даже в пору своего наивысшего подъёма не смогла создать для исторической науки прочной методологической основы. Историки первой половины XIX в. поставили проблему исторической закономерности, но не разрешили её. Только основоположники научного социализма Маркс и Энгельс, разработав и обосновав теорию исторического материализма, открыли «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹.

Западноевропейские и американские буржуазные историки последних десятилетий достигли весьма значительного совершенства в технике исторического исследования, весьма значительно расширили, в связи с успехами археологии, хронологические рамки истории. Но они почти совершенно отказались от попыток установления общих законов исторического развития. В тех случаях, когда такие попытки в последние десятилетия делались, они ярко свидетельствовали о бессилии буржуазной исторической мысли, неспособной подняться над самым вульгарным эклектизмом.

Западная историческая «наука» в большинстве своих представителей всё более откровенно отмежевывалась от своего собственного прошлого, с усердием подчёркивая

* Этот план представляет собой изложение доклада вице-президента АН СССР, академика В. П. Волгина, прочитанного им в Президиуме АН СССР в связи с обсуждением перспективных планов работы в области исторических наук. Президиум вынес решение — передать предложения докладчика на обсуждение широких кругов историков.

Редакция обращается ко всем историкам, историческим учреждениям и кафедрам с просьбой высказаться по существу поставленных вопросов.

¹ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 13.

невозможность раскрытия объективных закономерностей исторического процесса или неприложимость к нему самого понятия объективного закона. Теоретическое обоснование для такой позиции было дано историкам трудами представителей реакционной неокантианской философии — Риккерта, Виндельбанда и других. Естественно, что историки, заражённые такой философией, в лучшем случае были способны дать в своих работах некоторую систематизацию накопленных ими сырых фактов или описание отдельного ряда исторических явлений. Обобщение фактов и вскрытие внутренних связей явлений занимали в исторических работах всё менее заметное место.

Совершенно порвали с подлинной наукой те историки, которые связали свою судьбу с наиболее реакционной силой последних десятилетий — с фашизмом. Фальсификация в угоду интересам господствующих эксплуататорских классов общества — явление, не чуждое исторической науке и в предыдущие периоды, — достигла совершенно невиданных размеров и распространения в фашистской и профашистской литературе последнего времени. «Работы» фашиствующих историков находятся вне пределов науки даже в том условном смысле этого слова, в каком мы можем его применять к буржуазной исторической литературе начала XX века. В этой реакционной среде получила большой авторитет «теория» Шпенглера, отрицающая научность исторического знания. «Историк, — говорил Шпенглер, — тем значительнее, чем меньше он принадлежит науке в собственном смысле слова. Над картиной истории господствует не причинность, которая ей совершенно чужда, а «судьба». Нужно отметить, что в демократических странах фашистская псевдонаука имеет слабый отклик (только в профашистских кругах). Большинство историков этих стран относится к фашистским «теориям» отрицательно, хотя и не всегда выражает это отношение в той резкой форме, какой они заслуживают.

Лишь относительно небольшая часть за-

падных историков в демократических странах стоит на материалистических позициях. Это по преимуществу учёные, занимающиеся экономической историей или находящиеся под большим или меньшим влиянием марксизма. Правда, в этой группе распространены главным образом вульгарные концепции так называемого «экономического материализма». Тем не менее эта группа благодаря её материалистическим позициям даёт наиболее ценные обобщающие работы. В связи с ростом интереса к работам советских историков и к их методологии, в связи с борьбой против фашистской псевдонауки эта группа будет расти и приближаться в своей методологии к подлинному историческому материализму. Известные признаки такого процесса уже могут быть отмечены.

История развития советской исторической науки — это история быстрого распространения марксистско-ленинского материалистического понимания истории, его побед над историческим идеализмом и его пережитками, над всякого рода извращениями марксизма-ленинизма. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции в русской исторической науке сложилась уже своя материалистическая традиция. На первое место в этом наследстве дореволюционного времени надо поставить, конечно, работы Ленина и Сталина. «Развитие капитализма в России», книгу, где дана характеристика феодального, крепостнического, барщинного хозяйства, можно считать образцом применения материалистического метода к изучению хозяйственной истории России. «Что такое «друзья народа» — произведение, содержащее в себе, помимо ряда частных, но весьма значительных оценок исторических явлений, также блестяще развитое учение об общественно-экономических формациях, как известно, не смогло получить в своё время широкого распространения, но тем не менее оказало, несомненно, значительное влияние на позднейшую марксистскую историческую мысль. Не меньшее влияние имела на наших историков работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» — работа, обобщающая громадный исторический материал и освещающая новым светом основные вопросы истории XIX—XX веков. Работа Сталина «Марксизм и национальный вопрос» своим освещением вопроса о возникновении наций и создании государственных образований дала историкам установки, имеющие громадное значение не только для понимания соответственных явлений в истории России, — без этой работы не могут обойтись ни историки Запада, ни историки Востока, ибо её аргументация и её выводы общезначимы.

Большую роль в распространении материалистического понимания истории сыграли в своё время также многочисленные работы Плеханова.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции почти на всех участках исторического фронта были ещё весьма влиятельны идеалистические

или вульгарно-материалистические взгляды на историю. В идеологической области шла борьба, отражавшая борьбу классов, происходившую в стране. В исторической литературе этого времени можно найти и работы, исторически обосновывавшие неизбежность реставрации капитализма, и работы, подбиравшие материал для буржуазно-националистических группировок, и работы, пропагандировавшие троцкистские и правооппортунистические установки. Наиболее длительным и чрезвычайно вредным для развития нашей исторической науки было влияние антимарксистских взглядов «школы» Покровского, проводившей свои ненаучные положения под флагом ортодоксальнейшего марксизма. Подменяя объективное историческое познание и изучение конкретного развития истории абстрактными социологическими схемами, «школа» Покровского тормозила марксистско-ленинскую разработку гражданской истории и наносила прямой вред делу воспитания молодых поколений.

На некоторых участках исторического фронта традиции «покровщины» давали чувствовать себя до самого последнего времени. Свойственные «школе» Покровского схематизм, непонимание диалектики исторического процесса, сказывавшиеся у Покровского и его учеников в огульном осуждении всего прошлого русского государства и всех его деятелей, в последнее время проявляются в обратной форме — в попытках столь же огульного, антинаучного восхваления дореволюционного прошлого России.

Конечно, и в этот период появлялись отдельные исследования высокого качества. Было издано значительное количество исторических документов, публикация которых ставила перед историками новые проблемы, толкала их к разработке этих проблем. Но для полного раскрытия всех новых возможностей, которые давало в руки советских историков обладание подлинно научным методом исторического материализма, было необходимо решительно выкорчевать все указанные выше вредные и вредительские извращения. Борьба с ними отмечена рядом указаний товарища Сталина, рядом постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома. Перечислим важнейшие из них: письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931), постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома о преподавании гражданской истории (1934), замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории СССР и по новой истории (1934). Громадное значение для дальнейшего развития работы в области истории имел выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Неоценимое методологическое значение имела и имеет для историков всех специальностей, написанная товарищем Сталиным работа «О диалектическом и историческом материализме».

Невозможно и нецелесообразно давать здесь перечень всех работ, выполненных в области истории за последние 20—30 лет.

Отметим главные направления работы и основные её достижения.

Советская историческая наука поставила ряд новых и смогла по-новому подойти к разработке многих старых проблем. Так, по-новому была поставлена проблема социально-экономического развития общества и социально-экономических формаций, проблема смены одной формации другой. По-новому была поставлена задача изучения истории отдельных народов Советского Союза, о которых буржуазная историография лишь упоминала как о народах «без истории», а также задача изучения истории колониальных и зависимых народов. Можно сказать, что за последние годы ни одна узловая проблема истории СССР не была оставлена без внимания советскими историками, хотя, конечно, далеко не все проблемы достаточно ими разработаны. Историки СССР активно занимались проблемами генезиса отдельных народов Союза, проблемами основных этапов развития феодализма, проблемой формирования рынка и образования русского национального государства, проблемой финансового капитала и военно-феодалного империализма в России. Советские историки разрабатывали также историю массовых народных движений, в особенности крестьянских движений, историю рабочего класса и рабочего движения, историю большевистской партии, историю революций 1905 и 1917 гг., историю гражданской войны. Пока совершенно недостаточно работали наши историки над проблемами истории русской культуры и истории советского периода. Эта работа начата, но она потребует от историков ещё много усилий.

В первую очередь необходимо указать на результаты разработки проблем, связанных с историей Киевской Руси, которыми больше всего занимался акад. Б. Д. Греков. Главная научная заслуга акад. Грекова состоит в выяснении вопроса о социально-экономическом строе Киевской Руси и о международном значении Киевского государства. Б. Д. Греков сделал немало для понимания характера переходного периода от общинно-родового строя к феодальному, так называемого дофеодалного периода в истории восточного славянства. На основании тщательного изучения источников Б. Д. Греков пришёл к выводу, что восточные славяне непосредственно перешли к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Следует отметить в этой связи научное издание замечательного памятника Киевской Руси — «Русской Правды» — под редакцией Б. Д. Грекова. «Русской Правде» было посвящено также исследование М. Н. Тихомирова.

Историей феодализма, крепостного права и крестьянства в более поздние периоды наши историки также занимались. Помимо акад. Б. Д. Грекова, работающего уже давно по истории крестьянства, С. В. Юшков подготовил работу «К вопросу о развитии крепостного права в Московском государст-

ве». В указанной работе, а также в его работе «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» имеются спорные положения. Многие вопросы здесь не вполне выяснены. Но, во всяком случае, изучение феодализма и крепостничества поставлено на прочную базу исследования конкретного материала в свете марксистско-ленинской характеристики феодализма и важнейших этапов его развития. По вопросам того же круга писали также проф. С. В. Веселовский и проф. А. И. Яковлев. Над этими темами необходимо ещё много и усиленно работать.

Сравнительно мало исследовали наши историки период феодальной раздробленности (удельный период). Значительно больший и всё возрастающий интерес вызвала среди советских историков проблема образования русского национального государства в связи с образованием всероссийского рынка. С. В. Бахрушин посвятил этой проблеме ряд исследований. По истории образования русского национального государства отметим книгу Р. Ю. Виппера об Иване Грозном. Эта книга, как и небольшая работа С. В. Бахрушина, по-новому ставит вопрос о положительной роли Ивана Грозного в создании централизованного государства, отмечает прогрессивное значение его деятельности. Петру I были посвящены капитальные работы академика М. М. Богословского и ленинградского историка Н. А. Воскресенского, подготовившего издание документов по истории государственных преобразований Петра. Нельзя не упомянуть в этой связи книгу проф. Б. И. Сыромятникова «Регулярное» государство Петра I». Содержащиеся в ней явно ошибочные характеристики социальной сущности самодержавия Петра и его политики свидетельствуют о необходимости продолжать работы над этой эпохой, хотя о ней и написано уже много книг и статей. История XVIII в. после Петра I в меньшей степени привлекала внимание историков, хотя и здесь можно отметить ценные работы акад. Ю. В. Готье и др.

Началу XIX в. и Отечественной войне 1812 г. посвящены работы акад. Е. В. Тарле, А. В. Предтеченского и др. Большое число исследований было посвящено движению декабристов. Здесь отметим работы М. В. Нечкиной и Н. М. Дружинина. По истории крестьян и крестьянского движения в XIX в. работали Н. М. Дружинин, Е. А. Мороховец, И. И. Игнатович и многие другие. Проблемы истории рабочего класса и рабочего движения разрабатывали акад. Ем. Ярославский, А. М. Панкратова, Ш. М. Левин и др. Следует отметить, что разработка истории XVIII и XIX вв. — при значительном количестве работ — всё же отстаёт от разработки более ранних периодов нашей истории.

Большая работа была проделана по истории революционного движения в царской России, по истории ВКП(б), по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Образцом марксистского исследования в этой группе является «Краткий

курс истории ВКП(б)». Работа охватывает громадный круг проблем и даёт их общее, принципиальное решение. Перед историками стоит задача разработки отдельных вопросов истории нашей страны в конце XIX и начале XX в., исходя из установок, данных в «Кратком курсе». Очень значительным трудом является составленная коллективом историков под руководством И. И. Минца и прошедшая весьма авторитетную Главную редакцию «История гражданской войны». До настоящего времени редакция «История гражданской войны» опубликовала два тома основной работы (до ноября 1917 г.), ряд сборников («Документы Великой пролетарской революции», «Документы о героической обороне Царяцына в 1918 г.») и других материалов.

Истории революционного движения и истории ВКП(б) была посвящена плодотворная работа акад. Ем. Ярославского. Всё же следует отметить, как нетерпимый дальше факт, отставание в разработке истории советского периода. Вопросы истории социалистического строительства, индустриализации и коллективизации СССР, культурной революции и др. разрабатываются крайне недостаточно, и мы не можем ещё назвать ни одного фундаментального исследования в этой области.

В 1942 г. группа историков приступила к сбору материалов по истории Великой отечественной войны и к их разработке. В комиссии под председательством проф. Г. Ф. Александрова, организованной для составления хроники Великой отечественной войны, проделана большая работа. Собран и учтён громадный материал по истории отдельных моментов войны, по истории партизанского движения, народного ополчения, гвардейских частей, биографиям Героев Советского Союза и т. п. Само собой разумеется, что это — только начало работы, которая будет привлекать к себе многие поколения историков как в нашей стране, так и за её рубежом.

Заслугой советской историографии является изучение истории отдельных народов СССР — изучение, с каждым годом принимающее всё более широкие размеры. Истории Украины уделялось относительно много внимания и до революции. Но крупнейшая работа обобщающего характера «История Украины — Руси» акад. М. С. Грушевского была написана с националистической точки зрения и была доведена только до начала национально-освободительной борьбы украинского народа против шляхетской Польши. После преодоления национал-демократических традиций школы Грушевского украинские исследователи развернули большую и плодотворную работу. Помимо многочисленных частных исследований украинские историки, объединённые вокруг Украинской академии наук, приступили к опубликованию серии «Очерков по истории Украины». В 1943 г. Академия наук УССР выпустила I том общего курса по истории Украины под ред. Н. Н. Петровского. Аналогичная работа была начата и в Белорусской академии

наук, где для разрешения задачи был организован коллектив историков под руководством В. И. Пичеты. Эта работа, уже отпечатанная, погибла во время варварского обстрела Минска фашистами и почти не получила распространения.

Большого расцвета достигла советская историческая наука в республиках Закавказья — Грузии, Армении и Азербайджане. Работы академиков Н. Я. Марра, Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, Манандяна имеют первостепенное научное значение. В исследовании истории народов Кавказа деятельное участие принимали также и русские историки (И. П. Петрушевский и др.). Уже в годы войны были достигнуты известные успехи в изучении истории народов Средней Азии. При содействии Института истории АН СССР казахскими историками совместно с сотрудниками института была составлена «История Казахской ССР». Заключается работа по истории Узбекистана, начата работа по истории Туркмении. Начало изучению истории народов Сибири, которых буржуазные историки считали народами без истории, положено в трудах С. В. Бахрушина, С. А. Токарева и др. Издано за последние годы немало сборников источников по истории отдельных народов. Критические замечания, которые вызвали некоторые из работ этого рода, в частности «История Казахской ССР», свидетельствуют о том, что недостаточно разработана с марксистско-ленинской точки зрения как история самих народов, так и история взаимоотношений между изучаемыми народами и русским народом. Здесь, несомненно, ещё не изжиты окончательно опасности националистической идеализации собственной истории, с одной стороны, реабилитации колониальной политики царизма — с другой. В изучении истории народов нашего Союза перед нашими историками громадное, на отдельных участках ещё совсем не тронутое поле исследования.

Несмотря на то что в наших архивах имеется исключительно большое количество неисследованных материалов по истории международных отношений России, СССР, несмотря на то что часть этих материалов была опубликована за годы, протекавшие после Октябрьской революции, советские историки уделяли совершенно недостаточное внимание этому важному разделу нашей истории. Лишь в самые последние годы перед войной интерес к этим вопросам значительно усилился. Появился (под редакцией акад. В. П. Потёмкина) I том «Истории дипломатии», в котором уделено значительное место истории русской дипломатии, уже во время войны подготовлен II том того же издания. Интенсивную работу в этой области ведёт акад. Е. В. Тарле, выпустивший книгу о Крымской войне и подготовляющий исследование о внешней политике екатерининского времени. Хотя группа историков, занимающихся этими сюжетами, и растёт, всё же это относительно отстающий участок исторического фронта. Далеко ещё не изжиты здесь буржуазные концепции по этим вопросам: имеются попытки опу-

стить классовую сущность войн русского царизма, попытки представить территориальные захваты русского царизма как стремление к естественным границам, якобы ради усиления обороноспособности русского народа и др. Всё это должно усилить внимание советских историков к этому ряду проблем истории СССР.

Значительно возрос в последние годы интерес к военной истории и истории военного искусства. Военные специалисты уделяли, конечно, большое внимание истории отдельных операций, их стратегической стороне; появилось несколько трудов более общего характера, также принадлежащих перу военных: работы по первой мировой войне Зайончковского и Барсукова, работа о Суворове полк. Боголюбова, о Севастопольской обороне Лаговского, о русско-японской войне Левицкого. Эти работы, ценные с точки зрения анализа военных операций, обычно рассматривают их изолированно от явлений и фактов гражданской истории. Гражданские историки занимались вопросами истории войн и военного искусства очень мало. Великая отечественная война поставила вопросы военной истории с небывалой остротой. Характерно, что соответственные секции, военно-исторические, организованы в двух наших институтах — Институте истории и Институте истории материальной культуры. Секции уже развернули работу. Перед историками в этой области стоит важнейшая задача — раскрыть самостоятельные пути развития русского военного искусства, разоблачить версии западноевропейских буржуазных историков (Дельбрюк и др.) о якобы несамостоятельности и отсталости русской военной мысли и показать тот вклад, который внесла русская военная школа в мировую военную науку.

В изучении некоторых разделов всемирной истории у советских историков есть значительные достижения. Но наряду с этим необходимо отметить, что в связи с недоступностью для советских историков неопубликованных документов, хранящихся в зарубежных архивах, а также в связи с недостатком кадров соответствующих специалистов ряд проблем, которые действительно необходимо пересмотреть с марксистско-ленинской точки зрения, остаётся неразработанным или разработанным неудовлетворительно.

В области истории Древнего Востока наибольший интерес представляют работы советских историков, посвящённые вопросу об общественно-экономической формации стран Древнего Востока. В противоположность мнению западноевропейских историков, считающих, что в этих странах уже в очень глубокой древности установились феодальные отношения, в советской литературе после весьма оживлённой дискуссии получила господство теория рабовладельческого характера древневосточных обществ. Главным пропагандистом и защитником этой теории выступил акад. В. В. Струве. Среди наших учёных имеются разногласия по вопросу о специфике древневосточного рабст-

ва и его отличиях от рабства античного. Многие положения теории требуют ещё для своего окончательного утверждения дополнительной разработки конкретного материала и тщательного критического анализа доводов буржуазных историков. Но принципиальная постановка вопроса и применение к его решению метода исторического материализма составляет большую заслугу советских учёных.

Большое научное значение имеют работы советских учёных по древнейшей истории стран Закавказья, входящих в настоящее время в состав Советского Союза. Изучению халдских надписей ещё до революции положили начало акад. Н. Я. Марр и акад. И. А. Орбели. Ряд ценнейших исследований по халдским надписям дал акад. И. И. Мещанинов. За советский период число открытых и опубликованных халдских памятников значительно возросло. В последние годы чрезвычайно энергично работал в области изучения халдского языка и халдских древностей Б. Б. Пиотровский. Итоги его большой исследовательской работы подведены в опубликованной Армянской академией наук книге «История и культура Урарту». По своей научной значимости советские труды по Урарту занимают в мировой науке первое место. Ещё более древние культурные пласты поднимают исследования грузинских учёных. Все эти работы, расширяющие наши знания по истории Древнего Востока и по древнейшей истории нашей страны, необходимо всемерно поддерживать и углублять.

Успешно развивалась в советский период египтология, начало которой было положено в России в трудах Лемма, Голенищева и Тураева. Руководящую роль в этой отрасли науки играл в последние годы В. В. Струве, многочисленные труды которого касаются самых разнообразных проблем египтологии. Работа В. В. Струве и его учеников по египтологии составляет ценную страницу в истории мировой науки. Особо надо отметить монографию Перепёлкина о египетских памятниках амаарнской эпохи. Немало сделано советскими учёными и по истории других стран Древнего Востока. Необходимо здесь упомянуть о работах Н. М. Никольского, Франк-Каменецкого и А. Рановича по истории еврейского народа и еврейской религии. Перед самым началом войны наши историки Древнего Востока закончили большой коллективный труд сводного характера, как бы подводящий итоги их работе по изучению истории обществ Древнего Востока с марксистско-ленинской точки зрения.

В области изучения античных обществ советские историки, опираясь на указания Маркса и Энгельса, разрабатывали по преимуществу вопросы экономической и социальной жизни древней Греции и Рима. В западноевропейской исторической литературе революционные движения рабов не привлекали достаточного внимания. Ряд работ наших историков был посвящён именно

этой тематике. Изучались также и другие социальные движения в античных государствах (работы акад. С. Жебелёва, С. Ковалёва, Н. Машкина, А. Мишулина и др.). Большую работу по социально-экономической истории Греции написал акад. Тюменев («Очерки социально-экономической истории древней Греции», I—III). Эта работа, как и книга того же автора «Существовал ли капитализм в древней Греции», представляет попытку марксистского освещения вопроса. При правильной общей установке книги акад. Тюменева содержат ряд частных спорных положений. Разработку социально-экономической истории античных обществ с марксистской точки зрения необходимо продолжать и углублять.

По истории общественной мысли в Греции, помимо общей, весьма интересной, но избыточной парадоксальными и спорными положениями работы С. Я. Лурье «История античной общественной мысли», следует указать его же работу об Антифоне, работу акад. Волгина о древнегреческих утопиях и о Платоне («Социализм в древней Греции»).

Историей Рима, историей падения Римской империи, историей смены рабовладельческой формации феодализмом наши учёные интересовались меньше, чем историей Греции. Здесь следует отметить курс покойного В. С. Сергеева — первую попытку марксистского изложения истории Рима с древнейших времён до падения Римской империи. Над вопросами истории возникновения христианства работали акад. Р. Ю. Вилпер и А. Ранович. Работы акад. Вилпера избыточны свежими, интересными, хотя во многом и спорными положениями. Здесь ещё имеется множество вопросов, требующих дополнительного исследования с марксистской точки зрения. Разработка этих проблем — при громадной исторической роли христианства в последующие века — на самом деле необходима.

Особое и чрезвычайно важное место в трудах советских историков античности занимает изучение Причерноморья и Кавказа в античную эпоху. Здесь история античности смыкается с историей нашей страны, ряд исторических памятников находится на нашей территории. Неценимые услуги оказал нашей науке в этой области акад. Жебелёв. Блестящим образцом подлинно научной и в то же время оригинальной интерпретации уже известного текста является исследование С. А. Жебелёва «Последний персидский скифское восстание на Боспоре». В этом исследовании С. А. Жебелёв убедительно доказал, что в изучаемом тексте речь идёт не о дворцовом перевороте, а о восстании рабов против рабовладельцев. Это открытие пролило новый свет на социальную историю греческих городов Причерноморья. В изучении античного Закавказья очень велики заслуги акад. Манандяна. Исследования наших историков выявили чрезвычайно важный факт активного влияния местного этнического элемента на развитие античных поселений на нашей территории. Советские историки сказали в рассматри-

ваемой области науки новое слово. Необходимо продолжать так успешно начатую ими работу.

В историю изучения средних веков русские учёные вписали не одну славную страницу. Наиболее ценный вклад внесён ими в социально-экономическую историю средневековья, в особенности в историю аграрных отношений. Советские медиэвисты продолжали работу над этим рядом проблем, применяя к их исследованию метод исторического материализма. Продолжая линию работ, связанных с именами Виноградова, Петрушевского, Савина, Е. А. Косминский дал весьма ценную работу об английской деревне XIII в.; А. Д. Удальцов опубликовал исследования по аграрной истории каролингской Фландрии, Н. П. Грацианский — по истории бургундской деревни X—XI столетий. Проблема аграрных отношений — основная проблема истории средних веков. Естественно, что она в настоящее время привлекает к себе напряжённое внимание историков-марксистов.

Среди проблем, бывших предметом исследовательской работы советских историков, надо отметить проблему этногенеза тех народностей, которые в начале истории европейского средневековья вливают молодую кровь в общества разлагающегося рабовладельческого мира. Работы советских учёных показали, что роль германцев в этом процессе отнюдь не была решающей, что славянство также сыграло в создании средневековой Европы весьма значительную роль. Проблемы этногенеза германцев пришлось пересмотреть заново, чтобы очистить историю раннего средневековья от извращений, привнесённых немецкими националистическими историками. Эти вопросы разрабатывает член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов, возглавляющий специальную Комиссию этногенеза, которая объединяет значительное число молодых учёных. Занимались советские учёные и другими вопросами «предистории» феодальных обществ: общественным строем древних германцев, возникновением и развитием христианства, так называемым переселением народов.

Из вопросов политической истории средневековья интерес советских историков привлекал вопрос о социальной характеристике абсолютизма. Этот вопрос был предметом специальной дискуссии в Институте истории. Дискуссия показала, что при наличии единства в общих установках среди наших историков имеются немаловажные расхождения в частности (например в вопросах о роли буржуазии, о значении крестьянских движений для формирования абсолютизма и т. д.). Эти вопросы требуют дальнейшей разработки. Известным вниманием советских историков пользовалась также история английской буржуазной революции. Здесь прежде всего надо отметить большую работу С. И. Архангельского «Аграрное законодательство великой английской революции». В последние годы в связи с 300-летием ре-

волюции интерес к ней ещё более усилился. Однако в этой области результаты работ советских историков всё же значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Ещё меньше работ может быть отмечено по истории средневековой культуры. Вопросы истории культуры составляли главный предмет занятий О. А. Добиаш-Рожественской. Добиаш-Рожественская и её ученики провели большую работу по описанию, анализу и использованию для целей культурной истории уникальных средневековых рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке. Исследования Добиаш-Рожественской доставили ей широкую, общеевропейскую известность. Но за пределами круга проблем, занимавших Добиаш-Рожественскую, история культуры средневековья у нас почти не разрабатывалась. Лишь в самые последние годы оживился интерес к истории социальной, политической и религиозной мысли средних веков, что отразилось, между прочим, на тематике диссертационных работ наших молодых медиевистов («Григорий Турский», «Филипп де Коммин», «Себастиан Франк», «Жан Боден» и т. п.).

История Византии представляет исключительную важность для понимания ранней истории народов СССР. Без изучения Византии нельзя полностью понять ни истории средневековых обществ Западной Европы, ни истории средневекового Переднего Востока. В первые годы после Октябрьской революции в области византиноведения продолжал работать крупнейший русский византист — акад. Ф. И. Успенский. Акад. Успенский оставил после себя исследования, посвящённые чрезвычайно важному вопросу — о формах византийского феодализма. Его внимание привлекали также проблемы взаимоотношений Византии со славянами, с одной стороны, с монголами — с другой. По своей эрудиции, по своему широкому кругу акад. Успенский был учёным мирового значения. В период господства «школы» Покровского занятия историей Византии считались почти предосудительными, поскольку с византийскими традициями были связаны русское самодержавие и православная церковь. Возрождение византиноведения после этого перерыва в его развитии было делом нелёгким, тем не менее это возрождение пошло быстрыми темпами, и сейчас можно уже говорить о группе молодых советских византиноведов-марксистов. Заслуживает внимания работа Е. Э. Липшиц «Византийское крестьянство и славянская колонизация».

Внимание советских славистов было сосредоточено главным образом на изучении проблем этногенеза славянства, социально-экономического строя славянских народов раннего средневековья, отношений славян с Византией, образования славянских государств.

Советские слависты отрицают теорию славянской прародины, славянского пранарода и расселения славян с Дуная или с Карпат.

Советские учёные пришли к выводу, что славяне являются исконными обитателями тех территорий, на которых мы застаём их в историческое время. Отрицание прародины и пранарода приводит наших учёных к постановке проблемы этногенеза славян как результата слияния местных этнических элементов. Вопросу этногенеза славян посвятил ряд статей и докладов акад. Н. С. Державин. Разрешение этого вопроса — чрезвычайно сложная задача, так как сведения греческих и римских писателей о племенах, населявших Дунайский и Днепровский бассейны, чрезвычайно запутаны и противоречивы. Большое значение имеют работы советских учёных для решения вопроса о социально-экономическом строе славянских племён. Ещё в XVIII в. Шлецером была создана «теория» об экономической отсталости славян и позднем возникновении у них земледелия. В XX в. немецкий учёный Пейскер доказывал, что земледелие появилось у славян под влиянием германцев. Советские историки разрушили эти легенды. Вопрос был всесторонне исследован акад. Грековым, который, основываясь на богатейшем археологическом материале, а также на анализе древнейших юридических памятников, пришёл к выводу, что уже в VI в. земледелие было распространено у восточных славян и что в X—XI вв. подсечно-земледелие сменилось у них плужным. Б. А. Рыбаков в работе «Анты и Киевская Русь», основанной на тщательном изучении античных городищ, констатировал существование у антов в очень раннюю эпоху плужного земледелия. Таким образом, задолго до образования Киевского государства в бассейне Днепра, Десны и Роси была распространена относительно высокая земледельческая культура. Советские историки поставили по-новому проблему взаимоотношений славян с Византией. А. В. Мишулин и Б. Т. Горянов в своих статьях на эту тему выдвинули проблему роли славян в образовании Восточно-Римской империи. Указанные исследователи доказывают, что «политическое тело, известное под именем Византии, возникло из исторического синтеза ирварского мира славян и Римской империи на Востоке», что славяне, нападая на Византию, «омолодили» её, что славянская община создавала предпосылки для перехода Византии к феодальной системе. Эти положения требуют дальнейшей разработки и прозёрки на конкретном материале.

Немецкие историки не раз пытались доказать, что русское, польское и чешское государства возникли в результате германского влияния, что сами славяне якобы не обладали способностью к «государственному творчеству». В применении к русскому государству эта тенденция нашла яркое выражение в так называемой норманистической теории, которая получила весьма широкое распространение в русской буржуазной исторической науке. Советские историки подвергли норманистическую теорию новому пересмотру и убедительно показали, что

Киевское государство возникло вследствие образования классового общества, а не в результате давления внешних сил. Та же мысль об образовании славянских государств в результате внутреннего развития славянских обществ проводится в сборнике, посвящённом этому вопросу и составленном из работ Б. Д. Грекова, Н. С. Державина, покойного Ю. В. Готье, В. И. Пичеты, З. Р. Неудлы.

В изучение истории средневекового Востока советские учёные внесли очень большой вклад. Работы акад. В. В. Бартольда и акад. Б. Владимирцева обеспечили советской науке первенствующее место в историографии восточного феодализма. К сожалению, после кончины В. В. Бартольда и Б. Владимирцева эта область истории переживала некоторый упадок. В предвоенные годы акад. В. В. Струве удалось объединить группу научных работников для составления большого, обобщающего труда по истории средневекового Востока до XI в. (как тома «Всемирной истории»). Мобилизация востоковедов вокруг этого начинания показала, что по состоянию кадров у нас имеются большие возможности для разработки узловых проблем истории восточных обществ этого периода. Работу, начатую в связи с подготовкой «Всемирной истории», необходимо продолжить и углубить.

В области новой истории наибольшее внимание привлекали у нас проблемы, связанные с историей величайшей из буржуазных революций — французской революции XVIII в. и с её подготовкой. Общие итоги работы советских историков в этом направлении подведены в двух больших коллективных трудах. Один из них, посвящённый истории революции 1789—1794 гг., вышел в свет под редакцией акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле, второй, посвящённый предреволюционным годам, 1750—1789, подготовлен к печати. В книгах дано освещение с марксистско-ленинских позиций промышленной революции и аграрного переворота в Англии, американской революции, формирования буржуазной идеологии французского просвещения XVIII в., по-новому трактована проблема создания революционной ситуации, дана обстоятельная характеристика международной обстановки, в которой происходила революция, изложен ход классовой борьбы в годы революции; своеобразную черту обоим томам составляют главы, посвящённые науке, искусству и литературе предреволюционного и революционного времени.

Создание этих больших, обобщающих трудов было бы невозможно, если бы работе не предшествовало весьма большое число частных исследований по истории Англии и Франции XVIII века. Из таких исследований упомянем лишь наиболее значительные. Экономической историей Англии уже много лет занимается В. М. Лавровский. Результатом этой работы является вышедшая в 1940 г. книга «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII и

начала XIX века». Исследование В. М. Лавровского основано на большом материале и многое уточняет в нашем понимании судеб английской деревни и английского крестьянства в один из самых тяжёлых моментов его истории. Работа подтверждает и иллюстрирует богатым конкретным материалом относящиеся к изучаемому вопросу положения Маркса. Истории социальных и политических идей посвящена книга акад. В. П. Волгина «Социальные и политические идеи во Франции накануне революции (1748—1789)».

Из работ, посвящённых времени термидорианской реакции и Директории, надо прежде всего упомянуть работы акад. Е. В. Тарле. Его исследование «Жерминаль и Прерияль» освещает социально-экономическую обстановку после 9 термидора, историю Конвента в этот период и на этом фоне историю последних революционных движений парижских предместьев. Той же эпохе была посвящена работа П. П. Щёголева «После термидора» и его же книга о Бабёфе. Вторая книга акад. Е. В. Тарле — «Наполеон» — написана как книга научно-популярная, но её написанию предшествовала многолетняя работа над первоисточниками в связи с другими исследованиями автора по этой же эпохе.

Социалистическая революция в нашей стране значительно усилила интерес наших учёных к истории социализма и рабочего движения. По истории социалистических идей ряд работ написан В. П. Волгиным. Среди них есть работы, посвящённые писателям и деятелям XVII и XVIII вв. — Верасу, Мелье, Морелли, Бабёфу, — есть работы об утопистах XIX в. — Сен-Симоне, сенсимонистах, Фурье, Д. Ф. Брее. Тому же автору принадлежит курс по истории социалистических идей, доведённый до 40-х годов XIX века. О лионских восстаниях 1831 и 1834 гг. интересную работу, основанную на большом материале источников, дал Ф. В. Потёмкин. Немало книг вышло по истории Парижской коммуны. Многие из них носят характер популярный. Обстоятельную и исследовательскую работу представляет книга П. М. Керженцева «История Парижской коммуны». Ряд исследовательских работ по отдельным вопросам истории Коммуны (быт и культура, народное просвещение, германская интервенция и Коммуна, Коммуна и крестьянство) дал А. И. Молок. Наибольший интерес представляет книга А. И. Молока о германской интервенции против Парижской коммуны. По истории рабочего движения в Англии необходимо отметить работу акад. Ф. А. Ротштейна. Раннему этапу германского рабочего движения — восстаниям силезских ткачей — посвящена работа С. Б. Кана. Следует отметить, что в последние годы интерес к темам этого раздела истории несколько снизился. Между тем и история социализма и история рабочего движения содержат ещё немало необследованных страниц.

Наши историки очень мало занимались социально-экономической историей XIX в.,

В частности проблемой промышленной революции и утверждения капитализма в странах континентальной Европы; почти не занимались проблемами национально-освободительного движения. Только уже за время войны оживилась работа по истории славянских стран в новое время; однако здесь мы имеем пока больше работ популяризаторских, чем исследовательских. Наконец, недостаточно разрабатывались советскими историками нового времени вопросы истории международных отношений и военной истории. С. Д. Сказкин написал книгу «Конец австро-русско-германского союза» (ч. I-я). В. М. Хвостов защищал диссертацию на тему «Внешняя политика Бисмарка в 70—80-х гг.». Н. П. Полетика выпустил несколько книг (содержащих немало грубых ошибок) о возникновении первой мировой войны. Перед самым вторжением гитлеровцев на советскую территорию был закончен большой коллективный труд (пока ещё не увидевший света), посвящённый истории первой мировой войны, под редакцией В. М. Хвостова. Много и продуктивно работал по истории международных отношений Ф. О. Нотович. Крайняя напряжённость международной обстановки времени подготовки второй мировой войны содействовала известному повороту интереса к вопросам международной истории, что сказалось, например, на выборе тем для диссертации. Тем не менее, принимаемая во внимание научную и политическую значимость этой тематики, успехи нашей исторической науки в данной области надо признать незначительными.

Относительно большое внимание уделяли вопросам международной политики наши специалисты по новейшей истории. Здесь можно отметить работы А. С. Ерусалимского («Германия и СССР»), ряд книг Л. Н. Иванова (о морском соперничестве империалистических держав, о подготовке второй мировой войны и т. д.), Э. Липлая (о борьбе империалистов в Дунайском бассейне), П. Лисовского (об абиссинской войне), Лемина (о внешней политике Англии), Г. Рейхберга (о японской интервенции) и ряд других. Работали советские историки и по новейшей истории отдельных стран. Как наиболее значительную, укажем по новейшей истории Японии книгу Е. М. Жукова. Работа посвящена вопросу о японской военщине, о её возникновении и роли в системе японского империализма. Должны быть также отмечены работы А. Ф. Миллера по истории Турции.

II

При составлении перспективного плана работ в области истории на ближайшие годы необходимо учитывать ту общую историческую обстановку, в которой эта работа будет протекать. Разгром фашизма поведёт: 1) к колоссальному усилению всемирноисторической роли СССР как решающей силы в борьбе с фашизмом, 2) к ясному осознанию морально-политического и

военного превосходства стран демократических над странами фашистскими. Во всём мире резко возрастает интерес к СССР, к истории русского народа и других народов Советского Союза, к истории развития демократических идей и учреждений, к международным отношениям, в частности к истории отношений между странами, участвующими в антифашистской коалиции, к истории войны и военного дела. К голосу советской науки в зарубежных странах будут прислушиваться больше чем когда бы то ни было. С другой стороны, в зарубежной исторической науке — как реакция на рост влияния СССР — могут вновь оживиться антимарксистские тенденции и группировки. Известно, что в предвоенные годы многие проблемы потому только и выдвигались в западноевропейской и американской исторической науке, что их разрешение, по мнению соответствующих кругов, должно было нанести удар марксистскому пониманию истории. Не надо также преуменьшать значения фашистских и профашистских фальсификаторских тенденций в исторической науке. Эти тенденции могут кое-где сохраниться и после разгрома фашизма, если против них не будет вестись настойчивой борьбы, в которой советской науке также должна принадлежать ведущая роль. Таким образом, перед нашей исторической наукой стоят громадные задачи исключительной ответственности. Между тем в ряде отраслей исследования советская историческая наука при всём своём методологическом превосходстве значительно отстаёт по количеству работ, по публикации материалов и т. д. Ряд проблем в нашей науке совершенно недостаточно разработан или вообще не разработан с точки зрения марксизма-ленинизма.

Таковы те общие соображения, которыми руководствовались Институт истории и Отделение истории и философии при составлении намеченного ими перспективного плана работ по истории.

Проблемы истории СССР. Разработка истории народов, входящих в состав Союза ССР, составляет, как это само собой разумеется, основную задачу советских научных учреждений. Среди разнообразных проблем истории СССР мы считаем необходимым выделить как первоочередные следующие разделы:

I. Группа проблем по истории культуры народов СССР. К разработке истории культуры народов СССР мы только сейчас приступаем. Совершенно ясно значение исследований по истории культуры и для понимания общего процесса исторического развития нашей страны и для понимания великого культурного строительства в наших союзных республиках, многообразного по своим национальным формам и единого по своему социалистическому содержанию. К этой обширной группе относятся и общие, комплексные работы по истории культуры отдельных

народов СССР, и прежде всего русского народа, и специальные работы по истории архитектуры, живописи, музыки, по истории общественной мысли, истории науки и т. д.

Назовём в качестве примера ряд тем: а) «Культура восточного славянства и скифы»; б) «Русско-византийские культурные связи»; в) «Культура Киевского государства и её место в культуре средневековой Европы и Азии»; г) «Успехи русской культуры в XVIII в.»; д) «Влияние русской культуры XIX в. на мировую культуру»; е) «Культура отдельных народов СССР и её отношение к русской культуре» и т. д.

В отдельную группу, ввиду её особого значения, должна быть выделена

II. История русской общественной мысли. Здесь имеется множество требующего разработки материала — от истоков русской общественной мысли до торжества марксизма-ленинизма. В центре внимания должна находиться русская общественная мысль XIX—XX веков. Но необходимо подвергнуть разработке также и более ранние периоды её истории, которых наша марксистская историография почти не касалась.

III. История русской науки и её влияние на развитие мировой науки. Здесь должны быть поставлены работы как по истории отдельных наук, так и по истории организаций, содействовавших развитию науки, например: история Академии наук, история научных обществ, история высших учебных заведений и т. д.

IV. История городов СССР. Города, их происхождение, их место в развитии экономики нашей страны — всё это изучено у нас очень мало. Между тем от решения этих вопросов зависит очень многое в нашем понимании особенностей истории нашей страны. В первую очередь выдвигается изучение истории крупнейших наших городских центров: Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Минска, Тбилиси, Самарканда и т. д.

V. История промышленности в России. Несмотря на значительное число работ по экономической истории России здесь имеются ещё не достаточно разработанные темы. Необходимо поставить исследования и по вопросам общего характера и по истории отдельных отраслей промышленности, как например промышленный переворот в России, история угольной промышленности Донбасса, история уральской металлургии и т. п.

VI. История общественных классов в СССР. Значение этого круга проблем не требует комментариев. Все знают, какое место занимают общественные классы и их борьба в учении марксизма-ленинизма об историческом процессе. Как это ни странно, наши историки СССР за последние 27 лет сделали для разработки истории классов чрезвычайно мало. В частности мы не имеем обстоятельных марксистских работ ни по истории рабочего класса, ни по истории кре-

стьянства. Именно эти работы и должны быть поставлены в план как наиболее необходимые: «История русского рабочего класса»; «История русского крестьянства».

Соответственные задачи должны быть поставлены также по отношению к другим народам, входящим в состав СССР.

VII. История русского государства. В этой области мы имеем много исследований. Но они далеко не исчерпывают всех проблем этого обширного раздела нашей истории и в своём большинстве совершенно не удовлетворяют нас методологически. Необходимо пересмотреть материалы, относящиеся к возникновению и к основным этапам развития русского государства с марксистско-ленинской точки зрения. В истории русского государства действительно требуют своей разработки следующие темы: «Первое политическое объединение восточных славян в VI—VII вв.»; «Восточные известия о дорюриковском периоде русского государства»; «Характер русского государства в период феодальной раздробленности»; «Образование многонационального русского государства и особенности его организации»; «Социальный характер петровского самодержавия»; «Самодержавие после реформы 1860-х гг.»; «Третьеиюньская монархия».

VIII. История международных отношений России. Здесь перед историками СССР лежит громадный, почти нетронутый материал, действительно требующий разработки для выяснения основных моментов роста нашей страны и её международного значения. В настоящее время среди этой группы проблем, естественно, выдвигаются на первый план проблемы истории отношений России с союзниками СССР по борьбе против фашистских государств — с Англией и Соединёнными Штатами Америки.

IX. История русского военного искусства, русской армии и русского флота. Этим кругом проблем наши советские историки почти не занимались. Великая отечественная война заставила нас пересмотреть и отбросить накопившиеся в отношении военной истории предубеждения, заставила правильнее оценить значение соответствующих проблем. Интерес к ним, несомненно, сохранится и по окончании военных действий. Сейчас представляется бесспорным, что без устранения имеющихся в этой области «белых пятен» останутся неясными весьма важные страницы нашей истории. Среди многих тем данного раздела выдвигаются на ближайшее время следующие: «Роль России в развитии военной науки»; «Военная реформа Петра I»; «Военная реформа Д. А. Милютина»; «Флот в истории обороны Севастополя», и т. п.

X. История отдельных народов Советского Союза. Имеются в виду в первую очередь те народы, история которых с недавнего времени совсем не разрабатывалась или мало разрабатывалась. Например: «История узбекского народа»; «История туркмен»; «История коми» и т. д.

В особую группу необходимо выделить проблемы истории советского периода и истории Великой отечественной войны. В этой группе намечаются:

XI. История гражданской войны (продолжение работы).

XII. История советского государства—проблема, смыкающаяся с исследованиями по проблеме V (история русского государства) и их завершающая.

XIII. История индустриализации СССР.

XIV. История коллективизации сельского хозяйства—проблема, примыкающая к проблеме IV (история общественных классов).

История Великой отечественной войны представляет необозримый и захватывающий по своему интересу материал для историка. Исследователь с одинаковым вниманием отнесётся и к чисто стратегической истории войны, и к истории организации Красной Армии и Красного Флота, и к истории перевода промышленных предприятий на восток и их дальнейшего развития, и к истории колхозной деревни во время войны, и к участию в военных усилиях интеллигенции, и к организующей роли большевистской партии. Современники Великой отечественной войны, мы прежде всего должны приложить все усилия к тому, чтобы весь материал, необходимый для исследовательской работы, был собран своевременно, был надёжно сохранён, ибо мы знаем по опыту истории гражданской войны, как быстро утрачивается ценный исторический материал (например плакаты, листовки, воспоминания участников), если к его собиранию и охране не приняты меры. Но, собирая материал, мы должны будем в ближайшие же годы приступить к его научной обработке. Из множества проблем истории Отечественной войны на первое место выдвигаются следующие:

XV. История узловых моментов войны: «История обороны Москвы»; «История обороны Ленинграда»; «История обороны Севастополя»; «Сталинградская битва»; «Битва за Днепр»; «Битва за Белоруссию»; «Вторжение в Германию» и т. д.

XVI. История партизанского движения (отдельные темы по районам).

XVII. История народного ополчения.

XVIII. История отдельных воинских частей.

XIX. История военной промышленности. К этой проблеме относятся, с одной стороны, исследования по отдельным отраслям и предприятиям, с другой стороны,—по важнейшим районам, например: «История завода NN», или «История авиамоторной промышленности», или «Уральская промышленность и война».

XX. История отдельных республик, краёв и областей в годы Отечественной войны.

XXI. История колхозной деревни в Отечественной войне.

Проблемы всемирной истории. В изучении всемирной истории наши научные учреждения имеют перед собой четыре основные задачи: 1) освещение узловых моментов исторического процесса с точки зрения исторического материализма—и тем самым построение подлинно научной истории человечества; 2) опровержение ненаучных, идеалистических концепций в области истории; разоблачение фальсификаций фашистских «историков»; 3) исследование тех моментов в истории зарубежных стран, понимание которых содействует освещению исторического развития нашей страны; 4) разработка истории стран, близких нашей стране по своему географическому положению или по своим историческим судьбам, в частности и в особенности истории славянских народов. В соответствии с этим Отделение истории и философии выдвигает в качестве основных на ближайшие годы следующие проблемы всемирной истории:

В области древней истории.

I. Международные связи в древности—прежде всего связи между странами Востока, а затем и связи между странами Востока и Запада. За последние десятилетия накопился обширный материал, демонстрирующий факт интенсивных экономических и культурных связей между довольно отдалёнными районами Востока. В частности это относится и к связи между Индией, Грецией и юго-восточными районами (в Европе и Азии) советской территории. Между тем общие представления о международных связях в древности и о возможностях древних обществ в этом отношении существенно отстают от многочисленных фактических данных по этому вопросу.

II. Рабство и феодализм в истории стран Востока. В этом вопросе существует резкий разрыв между преобладающими взглядами советских и иностранных историков. Тогда как последние отодвигают начало феодальных отношений в глубокую древность, советские историки настаивают на позднем генезисе феодализма. Помимо методологических расхождений, в этой ситуации повинен и недостаток серьёзных исследований по социально-экономической истории древности.

III. Проблема социально-экономической структуры и развития стран эллинистического Востока. Разработка археологических, папирологических и нумизматических материалов и внесение новых понятий социально-экономического анализа в их исследование поставили на очередь задачу выяснения социально-экономической структуры и развития стран эллинистического Востока. К этой эпохе восходит очень многое в истории Восточной Азии в эпоху перед началом и в первые 5—6 веков после начала нашей эры. Между тем крупные новинки в иностранной литературе привели к постановке и освещению многих вопросов истории эллинистического Востока в заведомо превратном виде («плановое хозяйство» в фтоломеевском Египте и т. п.). Это

требует от советских востоковедов усиленного внимания к социально-экономической истории стран эллинистического Востока. Тем более что некоторые из этих стран занимали отчасти южные и юговосточные территории современного Советского Союза.

IV. Рабовладельческая и феодальная формации, их взаимоотношение в конкретной истории античных обществ. Вопрос о процессе разложения рабовладельческой формации, о формировании в её рамках элементов формации феодальной, о характере и конкретных формах социальной революции, расчленившей путь для развития феодальных отношений, — вопрос громадного научного значения, до сих пор недостаточно освещённый с марксистско-ленинской точки зрения.

К этой проблеме относятся в числе прочих темы: «Разложение рабовладельческого хозяйства в Италии и в Африке»; «Восточноримские провинции при империи» (их отношение с центром и с народами, населявшими территории, ныне входящие в состав СССР).

V. Идеологический кризис античного мира. Идеологические течения, сопровождавшие процесс разложения античных рабовладельческих обществ, давно уже привлекали к себе внимание историков. Совершенно необъятна литература, посвящённая возникновению христианства. Тем не менее здесь и сейчас ещё остаётся немало вопросов, требующих исследования или пересмотра. Советская историческая наука должна в этой области продолжать работу, проделанную в своё время передовой буржуазной наукой, и пересмотреть оставленное ею наследство с точки зрения исторического материализма.

Темы: «Век Просвещения в Римской империи»; «Социальные черты раннего христианства и основные его этапы»; «Христианство и разложение античной культуры».

VI. Греческое Причерноморье. Всестороннее изучение античной и скифской культур и их взаимоотношения имеет большое значение не только для понимания истории античного мира, но и для уяснения ранней истории нашей страны.

В области истории средних веков:

I. История средневекового крестьянства. Имеется в виду ряд исследований по истории крестьянства, как основной массы трудящегося населения средневековья, в отдельных странах Европы на различных этапах развития феодального общества. Разрабатывая эту проблему, советские историки продолжают лучшие традиции русской средневековедческой традиции, связанные с именами Виноградова, Петрушевского, Савина.

II. Религиозные и социально-политические идеологии средневековья. Эта проблема являлась долгое время достоянием историков-идеалистов, создавших в этой области множество легенд и реакционных извращений.

Необходимо заново пересмотреть относящийся к этой проблеме материал с диалектико-материалистической точки зрения.

III. Особенности развития средневековой Германии. Разработка этой проблемы необходима для выяснения предпосылок экономического и политического развития Германии в последующее время, приведшего к образованию самого разбойничьего империалистического государства в мире. С другой стороны, она необходима в целях разоблачения фашистской идеализации средневековой Германской империи.

IV. История византийского феодализма. Эта проблема включает темы: «Генезис византийского феодализма и славянство»; «Византийское и феодальное поместье»; «Феодализм и гибель Византийской империи».

Изучение византийского феодализма в его своеобразии, его отличиях от западноевропейского, чрезвычайно содействует уяснению характерных черт и процесса развития феодализма как формации.

V. Международная роль Византии. Сюда относятся такие темы: «Византия и Русь»; «Византия и славяне»; «Византия и Западная Европа»; «Византия и Восток».

Место, которое занимает Византия в международных отношениях средневековой Европы и Востока, совершенно исключительно. Византия представляет как бы узловой пункт, где скрещиваются интересы Киевской и Московской Руси, стран Западной Европы, стран Ближнего Востока, стран Средиземноморья. Эта проблема имеет большое значение для истории Руси и её международных связей.

В области истории Востока в средние века. Из большого количества проблем по средневековой истории стран Востока наибольший интерес представляют на ближайший период по своему характеру и по возможности разработки следующие:

VI. Русский народ и народы средневекового Востока. В мировой востоковедной литературе проблематика вопроса «Русский народ и Восток» не подвергалась действительно научному исследованию, служа, однако, поводом и объектом для многих тенденциозных и враждебных публицистических выступлений. В русской дореволюционной и советской литературе эта проблематика получала до сих пор весьма недостаточное освещение, хотя кое-что для её постановки и изучения делалось. Эти попытки, доставившие в ряде отношений ценные результаты, нуждаются теперь в исправлении, дополнении и углублении.

Как частные темы здесь могут быть поставлены: «Культурные отношения отдельных восточных народов и русского народа»; «Политические отношения стран Востока с Россией» и т. д.

VII. Возникновение феодализма в странах средневекового Востока. Вопрос о зарождении феодализма на Востоке был неоднократно пред-

методом исследования как западноевропейских, так и советских учёных. Особенно большое значение этот вопрос приобретает в связи с тем обстоятельством, что в советской литературе установилось мнение (см. выше) о рабовладельческом характере обществ Древнего Востока.

В области новой истории:

I. Аграрные отношения накануне и во время буржуазных революций. Несмотря на то что в исторической науке имеется немало исследований, посвящённых этой проблеме, её всё же нельзя считать достаточно разработанной с точки зрения тех требований, которые предъявляются нашей марксистско-ленинской наукой. В качестве примера отдельных тем в этой области можно указать: «Феодальная реакция накануне буржуазной революции»; «Аграрные отношения и революционная ситуация».

II. Промышленная революция в Западной Европе и Соединённых Штатах Америки. Современная буржуазная историческая наука в течение последних десятилетий прилагала немало усилий к тому, чтобы противопоставить марксо-энгельсовской концепции промышленной революции концепцию эволюционного развития капиталистических форм промышленности. Апологетический смысл этих усилий для нас ясен. Но в этих работах мобилизован громадный фактический материал. Наша задача — противопоставить апологетическому толкованию промышленного переворота его подлинно научное, диалектико-материалистическое толкование. А для этого необходимо проделать в свою очередь большую работу по собиранию, анализу и интерпретации соответствующих исторических источников.

III. История общественных классов в новое время. Отдельными проблемами для исследовательских работ в этой области должны быть намечены как разработанные недостаточно история рабочего класса, история крестьянства, история мелкой буржуазии. Следует подчеркнуть малую изученность истории мелкой буржуазии с марксистско-ленинской точки зрения. Между тем роль мелкой буржуазии в классовой борьбе XVIII—XIX вв. не может быть признана не заслуживающей внимания историка. К этой же группе относятся темы по истории рабочего движения.

IV. История общественной мысли XVIII—XIX веков. Здесь выделяются как наиболее актуальные проблемы истории передовой общественной мысли — демократической и социалистической. Однако чрезвычайно существенно также изучить различные проявления реакционной мысли, являющиеся antecedентами фашизма. Это необходимо и в целях исчерпывающего выяснения генезиса и сущности фашизма и в целях борьбы с профашистскими тенденциями в западной исторической науке.

В группе работ по истории общественной мысли особое место должна занять

тема «Фридрих Энгельс (в связи с 50-летием со дня его смерти)».

V. Генезис и развитие империализма, его особенности в отдельных странах. Исследование этой проблемы предполагает работу по истории империализма в отдельных странах. В качестве основной темы здесь, естественно, выдвигается: «Генезис и развитие разбойничьего германского империализма».

VI. Национально-освободительное движение в странах Западной Европы. Материал необходимо внимательно пересмотреть под новым углом зрения. В качестве примера желательных тем укажем: «Славянское движение 1848—1849 годов» и «Национально-освободительные движения в Италии».

В этих вопросах буржуазная историография вообще и немецкая в особенности создали и закрепили в общественном сознании немало предрассудков.

VII. История международных отношений XIX—XX веков. Значение этого раздела для понимания международных отношений современности ясно для каждого. Между тем мы отнюдь не можем похвастаться большим количеством работ на соответственные темы и довольствуемся обычно теми данными, которые мы находим в трудах переводных (Дебидура, Гуча, Муна и т. п.).

VIII. Английская революция XVII века. Постановка этой проблемы связана с ростом интереса к истории союзной с СССР Великобритании и 300-летием «пуританской» революции.

IX. Революция 1848—1849 годов. Столетие революции 1848 г., охватившей ряд стран Европы и отразившейся даже в странах отсталых, должно быть отмечено работой, посвящённой этой знаменательной дате европейской истории.

В области новейшей истории. В новейшей истории центральную группу проблем составляют, несомненно, вторая мировая война и её подготовка. На эти проблемы и должна быть направлена в ближайшее время работа наших историков. Для полного уяснения того исторического процесса, который привёл ко второй мировой войне, необходимо тщательное и всестороннее изучение социальной и политической истории основных стран Европы и Америки в эпоху империализма и, в частности, за время между первой и второй войнами. Там определяются проблемы: I. «Англия между двумя войнами»; II. «Соединённые Штаты Америки в эпоху империализма»; III. «Франция между двумя войнами»; IV. «Английские доминионы и вторая мировая война». V. «Германский разбойничий империализм после первой мировой войны».

Второй ряд проблем относится к истории международных отношений в тот же период и к первым вспышкам надвигающейся мировой войны. Здесь среди прочих следует поставить проблемы: VI. «История Лиги наций»; VII. «Борьба испанского наро-

да против фашизма»; VIII. «Абиссинская авантюра фашистской Италии».

Громадную по своему объёму и значению проблему представляет история самой войны. Здесь могут лишь примерно быть названы некоторые темы:

«Крах итальянского фашизма»; «Вторая мировая война и национальный вопрос»; «Идея демократии во второй мировой войне» и т. д.

В области истории славянских народов. Связанный с Великой отечественной войной подъём интереса к жизни и истории славянских народов требует выделения проблем славяноведения в особую группу. Русское славяноведение в прошлом имело немало заслуг, русские слависты разрешили много важных проблем во всех областях славяноведения. Однако наше старое славяноведение имело также ряд недостатков методологического и политического характера. Советское славяноведение несмотря на наличие отдельных выдающихся исследователей и исследований, несомненно, отстаёт от предъявляемых ему жизнью требований. Настоятельно необходимо объединение всех сил славистов, привлечение ряда молодых работников, восстановление и укрепление связей с зарубежными славяноведами. Задача советских славистов,— используя всё наследие старого славяноведения, поднять историю славянских народов на новую высоту, осветив её светом марксистско-ленинской исторической теории.

Среди проблем, выдвигаемых здесь, помимо проблемы «Этногенез славянских народов», отметим:

I. «Проблема происхождения и развития государства и права у славянских народов». Несмотря на то что над этой проблемой немало работали, в этой области до сих пор ещё весьма широко распространены совершенно ненаучные построения. Необходимо пересмотреть и критически провести широкие исследовательские работы.

II. «История борьбы славянских народов за свою свободу». В этой области накоплен большой материал, требующий критического пересмотра в свете событий Великой отечественной войны. Здесь немало популярных работ, но нам нужно сейчас переходить к углублённым исследованиям.

III. «Культурная общность славянских народов». Исследование этой проблемы на основе изучения вещевых памятников, языка, фольклора и т. д. составляет актуальную задачу нашего, как и зарубежного славяноведения.

IV. «Русско-славянские отношения». Эта проблема требует сил историков различных специальностей. Должно исследовать политические, экономические и культурные связи России с западными и южными славянами на различных ступенях исторического развития — с особым вниманием к новому времени (XIX в.).

В области новой и новейшей истории народов Востока.

Основными в этой области группами проблем являются следующие:

I. «Отношения между странами Запада и странами Востока в XIX—XX веках». II. «Колониальная политика держав по отношению к странам Востока». III. «Национальное движение в странах Востока». IV. «История аграрных отношений в странах Востока». V. «История общественной мысли в странах Востока».

Из первой группы проблем советские историки должны считать для себя первоочередной проблему:

I. «Россия и её восточные соседи».

Вторая группа состоит из следующих основных проблем: II. «Формы и методы колониального гнёта»; III. «Борьба держав за колонии»; IV. «Политика в отношении колоний во время второй мировой войны».

V. Разработка проблем аграрной истории совершенно необходима для правильного исторического освещения структуры общества в восточных странах, в частности для понимания значения и роли пережитков феодализма в экономике, государственной жизни и идеологии.

Чрезвычайно важно также приступить к работе по изучению идеологии восточных стран: Японии, Китая и Индии. Исследование истории социально-политических и философских идей—необходимое условие правильного понимания лозунгов и программ борющихся в них группировок.

К ряду проблем новейшей истории стран Востока примыкает и круг

VI. Тихоокеанских проблем, разработка которых составляет задачу Особо, Тихоокеанского института.

Основное место в тихоокеанской проблематике занимают и будут занимать в течение ближайших лет:

1) общеполитические проблемы войны на Тихом океане;

2) вопросы колониальной политики тихоокеанских стран и

3) изучение проектов послевоенных изменений политического и экономического статуса на Тихом океане.

В перспективном плане в рассматриваемой области должны быть намечены следующие темы:

1. «История тихоокеанской войны».

Имеются в виду монографии по вопросам дипломатической и военной истории тихоокеанской войны, а также работы, характеризующие положение в отдельных тихоокеанских странах во время второй мировой войны. В первую очередь намечены монографии: «Японо-американские отношения накануне тихоокеанской войны», «Индия и война на Тихом океане», «Колониальная система и война на Тихом океане».

2. «Послевоенный политический статут на Тихом океане».

Имеются в виду монографии, посвящённые анализу многочисленных проектов и

планов послевоенной организации на Тихом океане, а также конкретные исследования, характеризующие послевоенные изменения и положения отдельных тихоокеанских стран: Японии с её колониями, Китая (включая Манчжурию и Внутреннюю Монголию), Французского Индо-Китая, Таи, Бирмы, Британской Малайи, Филиппин, Голландской Индии, Океании, Австралии, Новой Зеландии, Аляски и западных штатов США, Канады, Мексики и других латиноамериканских стран Тихоокеанского побережья и отдельно — Индии (которая хотя и не является тихоокеанской страной, но политически вовлечена в орбиту «Тихоокеанской проблемы»).

3. «Советский Союз и тихоокеанские страны».

Предположены монографии, раскрывающие великую и почётную роль СССР как силы, активно способствующей установлению справедливости и длительного мира на Тихом океане. Конкретно намечаются работы, показывающие рост идейно-политического влияния Советского Союза на определённые общественные слои в различных тихоокеанских странах, отклики на ленинско-сталинскую национальную политику в зависимых и колониальных странах Тихоокеанского бассейна, гигантский рост международного престижа советского государства в результате героической и победоносной борьбы советского народа против гитлеровской Германии. В первую очередь намечается работа «О влиянии Великой Отечественной войны Советского Союза на освободительную борьбу в Китае».

Ставя перед собой обширные исследовательские задачи, историки не отказываются и от больших, сводных работ, подытоживающих уже проделанные исследования. Такие сводные работы необходимы сами по себе как для широких масс читателей, так и для самих историков как противовес против крайностей узкой специализации; будучи правильно поставлены, они не только не мешают развитию исследовательской работы, но являются условием, благоприятствующим её развитию. Таких сводных работ в наших институтах, занимающихся историческими вопросами, задумано несколько. Это прежде всего многотомная «История СССР с древнейших времён». Это, далее, многотомная «История русской культуры». Это, наконец, «Всемирная история». Все эти издания уже в значительной части подготовлены, их нужно продолжать и закончить. Назрела потребность в написании многотомной «Истории международных отношений и дипломатии», назрела потребность в создании исторической энциклопедии. Совершенно необходимо подготовить ряд томов указанных обобщающих трудов к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Сверх того Отделение считает желательным поставить вопрос об издании к той же годовщине обобщающего труда «Наша страна» по следующему примерно плану: Т. I. Физическая и экономическая

география СССР. Т. II. Антропология и этнография СССР. Т. III—IV. История народов СССР. Т. V. История литературы СССР. Т. VI. История искусства СССР. Т. VII. История науки в СССР.

Не менее важной для развития исторической науки задачей является издание исторических источников. В этом отношении мы за последние годы значительно отстали, количество выпускаемых изданий памятников резко сократилось. Между тем многие издания ранее памятники стали библиографической редкостью. Необходимо приступить к систематическому серийному изданию различного рода памятников истории народов СССР: актов, летописей, мемуаров и т. д. Надо, чтобы источники по истории каждого народа издавались по единому образцу со строгим соблюдением основных принципов научного издания источников. Многие зарубежные страны нас в этом отношении опередили. Почти во всех странах Европы систематически издаются памятники их истории. У нас имеются для выполнения этой задачи научные силы. Приёмы издания разработаны прекрасно. Чтобы поставить изучение истории на строго научные основы, нужно спешно приступить к организации дела систематической публикации документов.

В этой связи особенно большое значение имеет возобновление издания многотомной публикации «Международные отношения в эпоху империализма», а также подготовка и научное издание дипломатических документов, относящихся к 1918—1941 годам.

Наряду с этим нам необходимо серьёзно взяться за историографическую работу. Точное знание истории нашей науки — одно из средств борьбы за правильный путь её развития, против всевозможных ошибок и извращений. К сожалению, и в этой области мы за последние годы сделали очень мало, исследовательская работа по историографии ведётся кустарно и в масштабах, которые никак не могут нас удовлетворить. Отделение высказывается за создание специальной Историографической комиссии.

Наконец, нам необходимо усилить, а в некоторых случаях прямо-таки возродить разработку вспомогательных исторических дисциплин. Без нумизматики, палеографии, исторической географии и т. д. невозможна работа над рядом серьёзнейших исторических проблем. Между тем число учёных, владеющих материалом этих дисциплин, у нас не растёт, а катастрофически сокращается. Мы должны добиться здесь решительного поворота и обеспечить должное развитие тех пока слабых ячеек по вспомогательным историческим дисциплинам, которые образованы при Институте истории и Институте истории материальной культуры.

Вся эта громадная программа, конечно, не может быть осуществлена одним только Институтом истории АН СССР, как бы мы ни увеличивали его штаты. Она предполагает кооперацию усилий многих научных учреждений, в первую очередь научных учреждений Академий союзных республик и филиалов Академии наук СССР, а также кафедр

высших учебных заведений. Так, историю культуры грузинского народа, историю городов Грузии, историю грузинского крестьянства должен разрабатывать Институт истории Грузинской академии наук, соответственные темы по истории украинского народа — Институт истории Украинской академии наук, проблемы по истории Великой отечественной войны — Комиссия по составлению хроники Великой отечественной войны, историю колхозной деревни — Институт экономики АН СССР и т. п.

Для успешного разрешения больших задач, стоящих перед нами на историческом фронте, необходимо в ближайшие годы провести ряд организационных мероприятий:

I. Создать специальную Археографическую комиссию всесоюзного значения, которая регулировала бы работу по подготовке к изданию исторических памятников во всём Союзе.

II. Обеспечить доступ историков к документам, хранящимся в архивах; обеспечить

их пособиями, способствующими скорейшему разысканию документов (изданию архивных инвентарей, описей, путеводителей и т. д.).

III. Всемерно укрепить международные связи историков.

IV. Укрепить связи Института истории с другими институтами и кафедрами, работающими в области истории, а также в области близких и родственных дисциплин (Институт философии, Институт экономики, Институт этнографии и т. д.) для координации усилий, направленных на разрешение общих задач. Создать вокруг Института широкий актив связанных с ним в своей работе историков.

V. Создать (наряду с дальнейшим улучшением «Исторического журнала») ряд изданий по вопросам истории, в которых должны помещаться научно-исследовательские статьи, критические обзоры и библиографическая информация.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДЕРЖАВИН Н. С., Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1944. 86 стр. 3 руб.

Академик Н. С. Державин написал интересную книгу, нарисовав перед нами картину длительных и благотворных сношений между русскими и болгарами. Работа состоит из пяти глав, объединённых общей идеей, и каждая из этих глав имеет свою целевую установку и особый интерес.

В первой главе изучаются показания вещевых памятников древности. Автор совершенно правильно отмечает, что «о каких-либо народах в современном смысле этого слова в эпоху палеолита на интересующем нас участке средне- и восточноевропейской территории говорить преждевременно. Народов в этнографическом смысле слова в это время ещё не существовало, но был комплекс родовых коллективов, объединённых в известной степени общностью, характерной для позднего палеолита культуры и культурного наследия» (стр. 7). Отмечая существование мощной трипольской культуры, следы которой найдены на громадной территории, Н. С. Державин считает, что она явилась общим наследием в культурной жизни преемников трипольцев на той же территории. Таким образом, устанавливается та общая культурно-историческая почва, на которой развёртывается история Болгарии, России и других славянских стран.

Во второй главе автор разбирает данные исторической этнографии, отмечая существование двух групп славянских народов на юге Европы: склавин и антов. Последние справедливо считаются предками восточных славян, занимая лесостепную полосу современной территории СССР. Наблюдения акад. Державина основаны на его более ранних исследованиях и при всей краткости изложения имеют интерес не только для массового читателя, но и для учёного. Так, автор подчёркивает, что создателем славянского государства в Болгарии был не Аспарух, «а местное славянское население» — вывод, очень важный при тенденции профашистских болгарских кругов всячески замалчивать роль славянских племён в создании болгарского государства. Особенно плодотворна мысль автора о принадлежности мизийских славян, на территории которых образовалась Болгария, к числу восточнославянских племён (стр. 15), чем объясняется позднейшая близость болгар и русских и возможность непосредственной передачи

культурных приобретений от одного народа к другому.

Глава третья — о русском и южнославянском фольклоре, — также основанная на особом исследовании акад. Н. С. Державина, даёт много нового, хотя имеет несколько специальный интерес. Разбирая легендарный образ Трояна в русском и болгарском фольклоре, автор отмечает возникновение этого образа на почве общего культурного единства славянских народов в прошлом, что надо искать прежде всего в «тесной племенной общности русского и болгарского народов и в единстве их культурно-исторического наследия» (стр. 40).

В двух последних главах книги Н. С. Державин рассматривает вопрос о языковых и литературных связях болгарского и русского народов. У среднего читателя, мало знакомого с историей языка и письменности, эти страницы вызовут неослабное внимание. Отмечая близость русского и болгарского языков, Н. С. Державин указывает на многочисленные болгаризмы в русском языке. Современный русский, прекрасно понимающий разницу между такими словами, как «гражданин» и «горожанин», считает и то и другое слово одинаково русским, не подозревая о болгарском происхождении слова «град» в отличие от русского, полногласного, «город». «Болгарский язык, — отмечает автор, — значительно обогатил сокровищницу русского языка» (стр. 45). Заимствования русского языка из болгарского относятся к древнему времени. В свою очередь русский язык в XVIII—XIX вв. мощной струёй влиял и обогатил собой болгарский язык. Произошло любопытнейшее явление, когда многие староболгарские слова, вошедшие в русский язык, вернулись к себе на родину, в Болгарию, уже в качестве заимствований болгарского языка из русского («броня», «вельможа» и пр.). Рядом с ними в Болгарию пришли многочисленные русские слова, благодаря которым болгарский язык обогатился множеством понятий, для выражения которых болгарский язык не имел своих слов. Как русские лингвисты отмечают мощное влияние болгарского языка на русский язык, так и болгарский учёный проф. Ценев говорит о русских словах в болгарском языке, словах, которые болгары «употребляют все, от мала до велика».

Примерно тот же процесс взаимодействия культур наблюдаем в области русско-болгарских литературных связей. Русская письменность долгое время черпала из богатой сокровищницы болгарской переводной и оригинальной литературы не только в киевское время, но и в XIV—XV вв., когда мощное югославское влияние веяло на Руси и принесло с собой много новшеств. Но вот начинается обратный процесс. Уже замечательный деятель болгарского возрождения Паисий Хиландарский пользуется русскими источниками и переводами. Позже многие деятели болгарского возрождения учатся в русских учебных заведениях. Передовые идеи русских революционеров-просветителей проникают в среду болгарской революционной эмиграции, представителем которой был, например, Любен Каравелов. Интересна простая справка Н. С. Державина о том, что первый болгарский поэт, автор прекрасных по языку и форме стихотворений, Петке Славейков познакомился с русской литературой по старой хрестоматии Галахова, «которая впервые попала в его руки в 1849 г. и, по характеристике болгарских историков, оказалась для него подлинным откровением в области поэзии» (стр. 73). После этого Славейков с увлечением чи-

тает произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова, Шевченко и др. Н. С. Державин знакомит нашего читателя с современной болгарской литературой и справедливо замечает, что о болгарской культурной жизни начала XX в. можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

В приложении говорится о болгарской легенде «Дядо Иван» — России, которая будет освободительницей Болгарии. Н. С. Державин правильно отмечает, что предатели болгарского народа не раз подвергали братские чувства «Дядо Ивана» жесточайшим испытаниям. Автор указывает, что болгарский народ не может и не должен оставаться безучастным к великому общеславянскому делу борьбы за свою свободу и независимость. Теперь слова автора оправдались, и болгарский народ борется против фашистских захватчиков.

Книга Н. С. Державина — нужная и полезная работа. «Непреодолима сила племенных и культурно-исторических связей болгарского и русского народов!» (стр. 80). Этими знаменательными словами автора закончим и мы свою рецензию.

Проф. МГУ М. Тихомиров

«Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.». Сборник материалов под редакцией доктора исторических наук. И. А. Андреева. Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1944. 224 стр. 20 руб.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. являются одной из славных страниц в мировой истории географических открытий.

Уже в 1787 г. президент коммерц-коллегии граф А. Р. Воронцов отмечал, что «северозападный берег Америки с островами, около одного находящимися, и другими грядями, оттоль до Камчатки, а от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времён одними российскими мореплавателями, в чём и свидетельствуют поденные их записки»¹.

Действительно, XVIII век был веком великих русских открытий в Тихом океане и Северной Америке, а XIX век — достойным его продолжением.

В. Берх в работе «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества» (СПб. 1823) сообщает данные более чем о восьмидесяти русских экспедициях к островам Берингова моря, Тихого океана и побережью Северной Америки. Но и эти дан-

ные не дают полного представления о предпринимчивости русских промышленников. «Окончив хронологическую историю сию, считаю за нужное упомянуть, — указывает Берх, — что, по мнению моему, недостаёт здесь по крайней мере известий о плавании десяти судов».

В первой половине XIX в., по инициативе Российско-Американской компании, было снаряжено 13 кругосветных путешествий. Их значение в истории географических открытий очень велико. Они обогатили картографию, океанографию и прочие смежные области знания. Однако нельзя не отметить, что материалы о русских открытиях в Тихом океане и Северной Америке и в особенности материалы XVIII в. ещё полностью не собраны, недостаточно обработаны и лишь небольшая их часть опубликована. Поэтому можно только приветствовать выпуск издательством Академии наук сборника материалов, посвящённого прошлому Русской Америки.

Этот сборник положит начало изданию большой серии материалов, которые заполнят имеющийся в литературе пробел. Сборник подготовлен к 450-летию открытия Америки Христофором Колумбом и ставит своей

¹ Центральный архив внутренней политики в Ленинграде, фонд Непременного совета, д. № 103.

задачей «документально показать участие русских в последующих открытиях и исследованиях в Тихом океане и Америке, выполненных экспедициями Беринга—Чирикова, Креницына — Левашова, Биллингса — Сарычева и др., а также русскими промышленниками XVIII в.» (стр. 7).

Рецензируемый сборник состоит из трёх разделов. Первый раздел составляют материалы о плаваниях русских промышленников в Тихом океане во второй половине XVIII века. Здесь приведены «Изъяснения казака С. Т. Пономарёва и передовщика С. Г. Глотова об открытых ими островах» и «Описание Андреяновских островов, составленное на основании показаний казаков М. Лазарева и П. Васютинского».

Второй раздел посвящён деятельности компании Голикова—Шелехова. Материалы этого раздела весьма разнообразны. Они касаются устройства компанейских поселений, торговых операций компании и содержат описание островов у берегов Америки, открытых компанией Голикова—Шелехова.

Третий раздел сборника составляют «Записки» приказчика Российско-американской компании Н. И. Коробицына», охватывающие период с 1795 по 1807 год. Этот раздел сборника представляет особый интерес. Коробицын — участник первой русской кругосветной экспедиции на корабле «Нева», которым командовал капитан Ю. Ф. Лисянский. Его записки до сего времени не были известны, и только в 1940 г. их случайно приобрело в антикварном магазине Всесоюзное географическое общество.

Каждый документ, относящийся к первой русской кругосветной экспедиции, представляет большую ценность. Записками же Коробицына как по осведомленности автора, так и по сведениям, им сообщаемым, будут широко пользоваться все исследователи истории русских географических открытий и истории русских поселений в Америке.

Сборнику предпослано предисловие одного из лучших знатоков истории русских географических открытий в Тихом океане—доктора исторических наук А. И. Андреева. Ему же издание обязано тщательностью подготовки к печати этого сложного текста.

Однако обстоятельства военного времени и вызванная этим временная недоступность некоторых архивных фондов не могли не отразиться на этом издании. Особенно сказалась оторванность составителя сборника от фондов ленинградских архивов, содержа-

щих ценнейший материал по истории русских открытий в Тихом океане и в Северной Америке.

Можно было бы дополнить материалы, приводимые во втором разделе, документами 1794 г., хранящимися в фонде Непременного совета (1794 г., д. № 140). Здесь имеется «ордер» иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля Г. И. Шелехову о порядке устройства и управления русскими заселениями на американском материке (11 мая 1794 г.—копия), письмо Г. И. Шелехова А. А. Баранову с дополнениями к «ордеру» (9 августа 1794 г.—копия, подписанная Шелеховым), донесение Г. И. Шелехова И. А. Пилю о полученных им из Америки известиях, о дальнейших его проектах по развитию русской торговли в Тихом океане и о необходимости устройства нового порта взамен Охотского (18 ноября 1794 г.—оригинал) и, наконец, всеподданнейший рапорт Пиля об успехах Шелеховых (20 ноября 1794 г.—оригинал).

Сборник значительно выиграл бы, если бы наряду с «Записками» Коробицына был помещён отчёт другого участника первой кругосветной экспедиции, иеромонаха Гедеона, хранящийся в фонде Синода (1809 г., д. № 273). Отчёт иеромонаха Гедеона, присланный митрополиту Амвросию, посвящён обычаям и нравам туземного населения острова Кадьяка и содержит ценнейший этнографический материал.

Нельзя не упомянуть и о другом документе, который также весьма обогатил бы сборник. В фонде графа Кушелева хранятся «Краткия объяснения, сделанные соответственно записке, присланной от святейшего правительствующего Синода об американском острове Кадьяке северовосточной американской духовной миссии начальствующим кадьяцким архимандритом Иосафом». Судя по времени выезда Иосафа из Кадьяка, этот документ можно датировать не позднее середины 1798 года.

Однако несмотря на известную неполноту сборника нельзя не признать его бесспорной ценности и интереса. Дальнейшие издания по данному вопросу дадут возможность полностью восстановить выдающуюся роль русских промышленников и экспедиций в освоении и изучении островов Тихого океана и побережья Северной Америки.

В заключение отметим прекрасное оформление книги, выполненное по рисункам художника Н. А. Седельникова.

Проф. ЛГУ С. Окунь

Chévigny H. Lord of Alaska. Baranov and the Russian adventure. New York. The Viking Press, 1943. 320 p.

Шевиньи Г. Хозяин Аляски. Баранов и русская авантюра. Нью-Йорк 1943. 320 стр.

Книга канадского писателя Гектора Шевиньи посвящена проникновению России в конце XVIII в. на Тихий океан и в Америку под флагом торговой экспансии. Как известно, царское правительство, опасаясь дипломатических осложнений, не решалось официально объявить Аляску своей территорией. Под его защитой и покровительством развивали свою деятельность на Аляске иркутские купцы, а затем оно образовало монопольную компанию по образцу Ост-Индской.

Глазным дельцом и заправилой на Аляске был Баранов. На фоне его красочной биографии автор описывает существование и развитие русской колонии на Аляске с 1791 по 1819 год.

Александр Андреевич Баранов, мещанин города Каргополя, родился в 1747 году. В возрасте 15 лет он очутился в Москве, познакомился с иностранцами, главным образом с немецкими, голландскими, швейцарскими и английскими торговцами, поступил на службу к купцам. В поисках лучшей жизни в 1780 г. он переехал в Сибирь, где был сначала бродячим торговцем и сборщиком налога с винокурения. Здесь он завязал сношения с богатым купцом Голиковым, построил стекольный завод, оборудовав производство по собственному методу. Хотя дело шло неплохо, условия жизни его не удовлетворяли, и он двинулся дальше на восток, сначала в Анадырь, где занялся торговлей с чукчами. Здесь он встретился с богатым промышленником Григорием Шелеховым и его женой Натальей, только что основавшими факторию на Аляске. Добравшись, далее, до Охотска, Баранов познакомился с уездным начальником из немецких лекарей — Кохом. Кох и Шелехов уговорили Баранова занять на пять лет место доверенного Шелехова в Северной Америке, предоставив ему широкие полномочия. Так начался американский период жизни Баранова, сначала в роли доверенного купца Шелехова, затем уполномоченного Российско-Американской компании и, наконец, представителя царского правительства, — эпохея, составляющая содержание рецензируемой книги.

В книге рассказывается об общественной и частной жизни Баранова, полной опасностей и приключений. В 1790 г. Баранов отплыл из Охотска на судне «Три святителя» и только почти через год добрался до острова Кадьяка, потерпев по дороге крушение у берегов Уналашки. Баранов организовал артели из алеутов, которые на лёгких, двухместных байдарках весной выходили на ловлю морской выдры и другого пушного зверя и возвращались к осени с богатой добычей. На обязанности Баранова лежало прежде всего организовать промысел, обеспечить сохранность мехов до прибытия за ними судна; далее, обеспечить своих людей жильём, питанием, одеждой, поддерживать

порядок, вести торговлю с жителями, не допускать проникновения в свой район иностранных мореплавателей и промышленников. Одним словом, он был и промышленником, и колонизатором, и купцом, и губернатором, и военачальником. Он закладывал новые фактории, оборудовал их и вооружал, вёл сношения с местным населением. В новых местах в землю зарывали медные доски с государственным гербом как символ русского владения.

У Баранова было несколько сот русских «охотников», среди которых имелось большое количество уголовного элемента; были и надёжные люди из алеутов. Помощь Россия оказывала незначительную: раз в год, летом, должен был приходить корабль с продовольствием, одеждой и другими товарами и с распоряжениями от начальства. Этот же пароход должен был увозить пушнину. Но случалось, особенно в первое время, что год, два и даже три колонисты были совершенно отрезаны от внешнего мира. Или на материке начальство забывало о колонии или мешали военно-политические события: обострялись отношения с Англией, шла война с Францией и т. д.; наконец, иногда посланный из Охотска корабль терпел крушение и погибал со всем экипажем и грузом, не дойдя до Аляски.

Жизнь Баранова и русских колонистов в этом диком северном крае представляет собой настоящий мартиролог. Это была непрерывная борьба с природой, с людьми своей буйной команды, с алеутами и воинственными племенами индейцев (тлинкиты или колоши), нападавшими на посты и поселения колонии, борьба с убийствами, уводом в плен и пытками пленных. Баранову приходилось вести также борьбу и с начальством, за своевременное снабжение провиантом, вооружением и пр., и с конкурентом — фирмой Лебедева-Ласточкина; с последней иногда дело доходило до вооружённых столкновений.

Книга Шевиньи изобилует отдельными эпизодами и характеристиками. Из людей, близких к Баранову, автор описывает жену его Анну Григорьевну, дочь вождя племени кенайцев, согласившегося отдать «белому» свою дочь в залог вечной дружбы. Из приближённых и главных помощников Баранова можно назвать Якова Егорьевича Шилтца — английского шкипера, Джемса Шильдса, служившего в компании Шелехова, знатока северного мореплавания, много помогавшего Баранову, в частности в постройке корабля «Феникс». Деятельный и настойчивый Баранов проявил много изобретательности при постройке этого корабля: он использовал местные виды мха, смолы и древесные породы, китовый жир для приготовления красок и т. п.

Впоследствии Баранов перенёс свою резиденцию с острова Кадьяк в Новый Архан-

гельск, близ Ситхи. Он посещал форты (Александр, Михаил, Георгий, Константин), закладывал новые поселения и укрепления, организовал строительство. Неожиданно новый форт Ситха подвергся нападению племени колоши; они выжгли его дотла и зверски уничтожили почти весь гарнизон. В книге даётся картина этого нападения и гибели форта, затем показана деятельность экспедиции по восстановлению форта и наказанию индейцев. В этом предприятии принимали участие подошедшие военные суда русского флота.

Русское правительство прислало с одним из пароходов духовную миссию: архимандрита Валаамского монастыря Иосафа Болотова и несколько монахов для распространения православия среди туземного населения. Автором живо описаны тяжёлые и непривычные для монахов тихой Валаамской обители условия жизни среди разгульного и частью преступного люда колонии. Со многими из миссионеров Баранов не ладил. Но он мало обращал внимания на них и провозил свою линию. Впрочем, в позднейшие годы, когда удалось навести некоторый порядок в колонии, он построил церковь и примирился с духовенством, ведя себя как традиционный местный начальник. Архимандрит Иосаф погиб во время обратного рейса в Россию.

В русскую колонию заходили и иностранные суда. Известный английский мореплаватель капитан Ванкувер посетил Аляску «с исследовательскими целями» и пригласил на свой фрегат «Discoverer» Баранова; но у последнего документы, по словам автора, не соответствовали полномочиям, которые он себе приписывал и которыми пользовался, ввиду чего он воздержался от визита на английский корабль. Англичане, тщетно прождав некоторое время «мистера Баранова» и выразив сожаление, что так и не дождались его, удалились.

Гораздо оживлённее были сношения с американцами. Торговые суда «янки» неоднократно заходили на Аляску, сбывали разные товары в обмен на меха. Не раз американцы выручали русскую колонию, оставленную своими хозяевами на произвол судьбы. Впрочем, американцы продавали вооружение и индейцам, нападавшим на русских. Усиленно старался завязать торговые сношения с русской колонией Астор, один из первых американских богачей того времени. Он брался доставлять ежегодно всё необходимое для колонии и кроме того давал обещание не поставлять оружие индейцам.

Шелеховское торговое предприятие было преобразовано сначала в Северную компанию, а затем, в 1799 г., была организована Российско-Американская компания, причём Баранов был назначен главноуправляющим её. Он занимал уже официальное положение, стал получать чины и ордена, отстроил себе в Новом Архангельске (у Ситхи) «дворец» с библиотекой, устраивал приёмы, имел канцелярию. Русские и иностранные суда стали чаще посещать Аляску. Жизнь последних лет Баранова не походила на

первые годы его пребывания в Аляске, полные жестоких лишений. Годы эти сказались на его здоровье, и он много раз просил об отставке. Несколько намеченных ему преемников погибло (Кох, Борчоволоков). В 1818 г. молодой лейтенант флота Яновский женился на дочери Баранова и неожиданно для последнего был назначен на его место. Баранов, естественно, захотел вернуться в Россию. Приближённые Баранова уговорили его ехать в Россию через Гавайские острова. 1 декабря 1818 г. Баранов на фрегате «Кутузов» отплыл от места своей сорокалетней жизни и кипучей деятельности. В Батавии, на острове Ява, была сделана остановка после трудного 10-недельного перехода. Баранов заболел и пролежал 36 дней. Здесь он и умер 13 апреля 1819 года. Тело его было предано погребению в океане, в проливе между Суматрой и Явой.

При описании деятельности Баранова фигурирует много лиц, сведения о которых представляют интерес для истории, как например делец компании Резанов, морские офицеры Лазарев, Гагемейстер, ближайшие сотрудники Баранова Кусков, Коновалов, Измайлов, Ларионов, американские капитаны Мур и О'Каин и др. Приведено много материалов, характеризующих быт колонистов, а также быт и нравы алеутов и индейцев.

В книге есть цифровые данные об эксплуатации аляскинских промыслов. Эти данные заимствованы из отчёта Баранова, подготовленного им при сдаче дел своему преемнику. К этому времени в колонии насчитывалось всего 24 поселения разных размеров, начиная от простых охотничьих пунктов и до «центра» — Н.-Архангельска. Стоимость строительства, которого определялась в два с половиной миллиона рублей. По переписи (вероятно, 1818 г.), в колонии числилось всего 404 русских, из них только 13 женщин, и 355 «креолов», т. е. лиц смешанного происхождения. 198 русских находились в Н.-Архангельске и 27 — в форте Росси (Калифорния).

Стоимость имущества компании определялась в 7 млн. золотых рублей (XIX в.); за 21 год она увеличилась на 5,5 млн. руб. Компания владела флотом из 18 кораблей. За 21 год было получено грузов из России на 2,8 млн. руб., а продано товаров в Россию через Иркутск на 16,4 млн. руб. и в Каптон — на 3,7 млн. рублей. Чистая прибыль равнялась 7,5 млн. руб., из которых 4,25 млн. были распределены между пайщиками в форме дивиденда. Паи Российско-Американской компании котировались по 592 руб. при паритете в 100. К моменту сдачи дел на складах оказалось товаров на сумму около 2,7 млн. рублей.

Большим недостатком книги является то, что в тексте нет ни одной ссылки на использованные источники, хотя в конце книги приложен перечень их (около 125). Между тем автор привёл ряд цитат из речей Баранова, его писем и отчётов, из переписки членов духовной миссии, Шелехова, Резанова, Яновского, Российско-

Американской компании и многих других. Помещённые в конце книги цифровые данные тоже не документированы.

При продаже Аляски были проданы и архивы (или часть их) Российско-Американской компании. Они, очевидно, находятся в архивах США, и на них автор в перечне делает ряд ссылок. В числе этих документов рукопись сына Баранова—Антипатра—о его матери, переписка Баранова, директора Российско-Американской компании М. М. Булдакова, Крамера, дневник С. Измайлова, сочинение П. Костромитина «Алеутские острова в раннюю эпоху», статья Н. Петрова «Управление Российско-Американской компании», записка З. Чичинова, переписка секретаря компании И. Зелёного, Яновского и многих других. Все эти рукописные источники, как указывает автор, находятся или в Национальном архиве США в Вашингтоне или в собрании Банкрофта в Беркли (Калифорния). Но он не даёт описательных данных, облегчающих их нахождение.

Автор привёл ряд известных русских исторических и документальных материалов (Тихменев, Давидов, Головнин, Хлебников, Марков, Политовский, Резанов, Шелехов, Завалишин и др.), а также архивные материалы. Кроме того он использовал американскую книжную и журнальную литературу, как старую, так и современную, например по истории Аляски (Andrews, Bancroft, Elliott, Крашенинников, London, 1764, Schafer и др.), по морским путешествиям конца XVIII и начала XIX вв. (Берх, Campbell, Cleveland, Cochrane, Cook, Corney, Coxe, Wolf, Коцебу, Крузенштерн, Лаперуз, Лисянский, Marchand, Roquefenille, Sauer, Ванкувер и др.). Есть ценные библиографические публикации по истории Аляски и по архивным материалам. В перечне приведены также статьи из американских журналов 1920—1938 гг. и из трудов различных американских и канадских исторических обществ.

Ф. К.

АЛИ АГА ШИХЛИНСКИЙ. *Мои воспоминания.* Предисловие лауреата Сталинской премии доктора военных наук профессора Е. З. Барсукова. Изд-во Азербайджанского филиала АН СССР. 200 стр. Баку. 1944. 17 руб.

Автор небольшой книжки воспоминаний не был ни дипломатом, ни государственным деятелем, которые чаще всего пишут воспоминания. Али Ага Шихлинский—генерал-лейтенант старой русской армии, талантливый артиллерист, занимавший в русской артиллерии одно из высоких и почётных мест. Свыше 30 лет он прослужил офицером в царской армии, а после Октябрьской социалистической революции отдал свои знания и богатый жизненный опыт укреплению Красной Армии. Незадолго до своей смерти, в возрасте 80 лет, он продиктовал свои воспоминания. Несмотря на то что воспоминания диктовались на закате дней и без помощи дневников, они поражают точностью передачи фактов и живостью характеристик лиц, с которыми автору приходилось иметь дело. Воспоминания Шихлинского будут прочтены с большим интересом офицером Красной Армии, студентом и учёным-историком.

Мы не можем похвастать обилием воспоминаний о старой русской армии в последний период её существования. Большинство имеющихся принадлежит перу генералов-белогвардейцев, сбежавших из России и описывающих в мемуарах и записках свои «боевые подвиги» против молодой Красной Армии. Их воспоминания обычно очень мало дают материала непосредственно об армейских порядках, о системе подготовки солдата и офицера.

Воспоминания Шихлинского принадлежат к небольшому числу имеющихся исторических свидетельств, написанных людьми, которые после Октябрьской социалистической

революции не разорвали связи с родиной и с армией. Поэтому они представляют особенно ценный исторический источник для изучения истории русской армии.

Шихлинский начал службу офицером-артиллеристом в середине 80-х гг. XIX века. Свыше двух десятков лет он находился в непосредственном общении с солдатами на батарее. Ему пришлось принять активное участие в русско-японской войне. Шихлинский — участник обороны Порт-Артура. После русско-японской войны служебная деятельность Шихлинского протекала в офицерской артиллерийской школе. Не получив высшего артиллерийского образования, Шихлинский всё же быстро выдвинулся благодаря богатой одарённости, трудолюбию и постоянному исканию новых путей в развитии артиллерии. Уже перед мировой войной он являлся одним из выдающихся генералов-артиллеристов. Шихлинский оказал заметное влияние на развитие русской артиллерии, особенно на её тактическое применение в боевых условиях.

В мировой войне 1914—1918 гг. Шихлинский играл видную роль в качестве боевого артиллериста, начальника артиллерии фронта, инспектора артиллерии Ставки верховного главнокомандующего, а закончил свою деятельность командующим армией. Характеристика Шихлинского как выдающегося артиллериста полно дана в предисловии генерал-майора профессора Барсукова, известного русского артиллериста и военного учёного, прекрасно знавшего Шихлинского по многим годам совместной службы в старой армии.

Первые две главы воспоминаний рассказывают об учёбе Шихлинского на Кавказе и в артиллерийском училище и о последовавшей затем офицерской службе. В конце XIX в. Шихлинский перевёлся с Кавказа на Дальний Восток. В третьей главе воспоминаний он описывает служебную обстановку на Дальнем Востоке, рассказывает об участии в Китайском походе.

Глава о русско-японской войне (стр. 53—94) представляет большой интерес для историка.

Хотя документов о русско-японской войне осталось много, свидетельства Шихлинского очень важны: они во многом уточняют наше представление о Порт-Артуре, о его вооружении, о различных этапах боёв за крепость и о роли в этих боях русской артиллерии. С теплотой Шихлинский рассказал о встречах с генералом Кондратенко и его гибели. Несколько раз он отмечает героизм русских женщин — сестёр милосердия. Интересна характеристика генерала Фока, одного из главных виновников сдачи крепости. Свидетельства Шихлинского лишь подтверждают оценку этого генерала, работавшего, по существу, на пользу японцев.

На основе личных наблюдений Шихлинский рассказывает, какое гнетущее впечатление оказало на лучшую часть офицеров известие о сдаче крепости: «Когда в госпиталях стало известно, что крепость сдаётся, всеми овладело уныние, а меня охватила такая тоска, что прямо язык отнялся. Я лежал на спине, схватившись за голову обеими руками. В таком оцепенении я пролежал несколько часов» (стр. 84). Будучи ранен, Шихлинский после сдачи крепости вернулся на родину.

Глава пятая рассказывает главным образом о большой работе, проведённой офицерской артиллерийской школой по подготовке русской артиллерии к мировой войне, о порядках, царивших в Главном артиллерийском управлении. Боевая репутация и личные способности Шихлинского оценивались чрезвычайно высоко. Начальник Константиновского артиллерийского училища ходатайствовал о назначении Шихлинского командиром батареи, и тем не менее начальник Главного артиллерийского управления генерал Кузьмин-Караваев отказал в этой просьбе, заявив, что на эту должность «надо найти русского человека», а не «татарина»¹ (стр. 98). Всё же он был оставлен при артиллерийской школе, являвшейся настоящей академией для строевых офицеров.

Имя Шихлинского накануне мировой войны было известно уже в иностранных армиях. За свои выдающиеся успехи он был произведён досрочно в генеральский чин.

Особенно интересна глава о мировой войне. Шихлинскому пришлось встречаться с многими крупнейшими генералами русской армии. Круг его наблюдений был очень

широк. Он руководил в начале войны составлением плана артиллерийской обороны Петрограда. Его ближайшим помощником, (нач. штаба) был проф. Граве, теперь выдающийся артиллерист Красной Армии. Дальнейшая служба Шихлинского протекала с генералами Рузским и Алексеевым на Северозападном фронте, в Ставке Верховного Главнокомандования.

Очень ценны его наблюдения над русскими крепостями в 1915 году. Шихлинским была проделана большая работа по вывозу артиллерийского оборудования крепостей и формированию тяжёлой артиллерии. Исключительное значение имеют страницы о неудаче июньского наступления 1916 г. Западного фронта под командованием Эверта под Барановичами. Операция была сорвана генералами «несмотря на прекрасную артиллерийскую подготовку» (стр. 163).

Метки характеристики Шихлинского генералов старой армии. Его воспоминания низводят генерала Корнилова с пьедестала, на который его возвели деятели контрреволюции. Он приводит слова генерала Валуева о Корнилове: «У этого человека сердце льва, а голова барана» (стр. 169).

Очень ценны страницы воспоминаний, где Шихлинский рассказывает о своих многочисленных встречах с Брусилловым и Фрунзе. Свидетельских показаний о Брусиллове осталось немного. Наблюдения Шихлинского показывают, насколько сильны были демократические тенденции в его мировоззрении. Брусиллов решительно высказался против монархии в России. Получив известие о февральской революции, Брусиллов в разговоре с Шихлинским сказал: «Возврата к монархии не должно быть. Кто будет у нас царём? Михаил, которого царь оставил наследником? Ведь он же глуп, а других князей, достойных престола российского, у нас нет. Может быть, при мирных переговорах конференция европейских держав предложит нам немецкого принца. Воля ваша. Я их не хочу, пусть мною командуют русские рабочие и русские мужики, но не немецкие принцы» (стр. 174).

Очень интересен рассказ Шихлинского о его многократных встречах с солдатом-большевиком Михайловым и о работе последнего в Минском совете. Шихлинский в то время не знал, что это и был большевик Фрунзе. Лишь в 1923 г. генерал бывшей царской армии, встретив командующего вооружёнными силами Украины и Крыма, узнал в нём солдата Михайлова, председателя Минского совета.

Последние страницы рассказывают о работе автора воспоминаний в Красной Армии.

Представителей старого генералитета русской армии в живых осталось немного. Азербайджанский филиал Академии наук СССР сделал важный и ценный почин. Необходимо, чтобы Академия наук СССР продолжила его и помогла многим выдающимся представителям русской армии создать такие же правдивые документы.

Проф. МГУ А. Сидоров

¹ Шихлинский — по национальности азербайджанец.

ЛЕВИАТОВ В. Н. Памятники азербайджанской культуры. (Бакинский дворец ширваншахов.) Академия наук СССР. Азербайджанский филиал. Институт истории. Изд. АзФАН. Баку. 1944. 52 стр. 3 руб.

Брошюра В. Н. Левиатова ставит себе целью ознакомить широкие трудящиеся массы с одним из выдающихся памятников культуры азербайджанского народа.

Дворец ширваншахов, привлекавший внимание многочисленных учёных и путешественников, является редким на Ближнем Востоке примером дошедшего до наших дней в сохранности комплекса связанных между собой, но различных по назначению сооружений. Мастерская постановка на сложном рельефе опоясанного крепостными стенами холма большого архитектурного ансамбля, оригинальность и смелость композиционного замысла, прекрасная прорисовка деталей, изящество высеченной на камне богатой кружевной орнаментации заслуженно ставят памятник в ряд шедевров зодчества средневекового Востока.

Брошюра В. Н. Левиатова состоит из ряда небольших разделов, последовательно знакомящих читателя с отдельными сооружениями дворцового ансамбля (дворец, баня и овдан, диванхана, усыпальница ширваншахов, дворцовая мечеть, мавзолей известного на Ближнем Востоке средневекового астронома Сеида Яхья Бануви). В. Н. Левиатов полнотой сообщает ряд ценных исторических сведений о проводившихся в XIX—XX вв. по дворцовому комплексу реставрационных работах.

Давая подробное и содержательное описание зданий дворцового ансамбля, В. Н. Левиатов делает ряд интересных и ценных наблюдений. Он внимательно прослеживает историю памятника, позволяющую высказать ряд убедительных предположений о разновременности возведения отдельных частей дворца.

Большим достоинством работы В. Н. Левиатова является также умелое привлечение и использование богатого историко-археологического материала — результат кропотливого подбора и исследования литературных и архивных данных. Детально освещены результаты капитальных ремонтно-реставрационных работ по зданию дворца и археологических раскопок на территории ансамбля, широко проводившихся в Азербайджане после установления советской власти. В этом отношении брошюра в известной мере подытоживает определённую стадию изучения памятника.

Приложенный подробный перечень (125 названий) литературы и других материалов — архивных и проектно-реставрационных — по рассмотренному памятнику также определяет научную ценность работы. К сожалению, список не аннотирован. Работы научно-исследовательского порядка не отделены от газетных заметок и статей чисто информационного характера. Этот перечень можно было бы пополнить небезынтересными упоминаниями и заметками (например анонима «Im Kaukasus», 1861; С. Дадашева

и М. Усейнова «Диванхане в Баку»¹), а также статьями научно-исследовательского характера (С. А. Дадашев и М. А. Усейнов «Архитектурные памятники Баку (Бакинский Акрополь)»²). Последние статьи снабжены прекрасными репродукциями с натурры и обмерных чертежей.

К числу отдельных недочётов работы надо отнести невыполнение автором обещания, данного им в введении. Взяв на себя задачу доказать, что дворцовый ансамбль является памятником архитектуры Азербайджана XV в. (а не турецкой, персидской, византийской и т. д., как ранее считали многие авторы), В. Н. Левиатов к этому вопросу на всём протяжении работы так и не возвратился. В брошюре отсутствует сравнительный анализ ансамбля с архитектурными памятниками Ширвана и Апшерона, который на фактическом материале подтвердил бы это положение автора. Таким образом, введение к работе в этой части носит чисто декларативный характер.

Предпосланная рассмотрению памятника небольшая справка по истории Баку не раскрывает облика и значения города в XV веке³. Город показан изолированно, вне истории Ширвана. Автор, к сожалению, даже кратко не поясняет, каким образом дербендской династии ширваншахов удалось в напряжённой обстановке XV в., полной больших военных столкновений, добиться относительной политической независимости и экономического процветания страны, способствовавших широкому развитию строительства.

Искусную политику ширваншаха Ибрагима I (1382—1417), лавировавшего между могущественными и агрессивными соседями Ширвана (золотоордынский Тохтамыш, султан Ахмед Джелалид, Тимур, кочевые гуркменские племена Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу), продолжили его энергичные преемники — Халил Улла I (1417—1462) и Фаррух-Иессар (1462—1500). По свидетельству западноевропейских путешественников (Контарини, Шильтбергер) и восточных географов (Абд-ар-Рашид Бакуви), XV век был для феодального Ширвана периодом политического и экономического процветания. К этому периоду относится установление официальных и дипломатических сношений между Ширваном и Московским государством. Прибывший с русским торговым караваном в 1466 г. вместе с послом Ширвана Гасан-беком тверской купец Афанасий Никитин оставил ценное описание своего

¹ «Архитектура СССР» № 6 за 1936 год.

² «Академия архитектуры» № 5 за 1936 год.

³ Характерно, что Барбаро, Контарини и Анджолелло (XV—XVI вв.) называют в это время Каспий Бакинским морем. См. «Библиотека иностранных путешественников по России». Т. I. СПб. 1836.

путешествия в Ширван и далее, в Иран и Индию. Значительную роль в этот период в стране играли крупные торгово-ремесленные центры, среди которых ведущее место занимали города Шемаха и Баку. В Баку, новой резиденции ширваншахов, в 20—40-х годах XV в. Халил Улла воздвиг дворцовый ансамбль.

Малочисленные иллюстрации книги (три плана, данные, к сожалению, без ориентации, и девять натуральных видов) по составу случайны, качество их низкое. Они не дают представления о высоких архитектурно-художественных достоинствах рассматриваемого ансамбля.

Однако отмеченные недостатки не снижают положительного значения работы, научно и хорошо популяризирующей один из уникальных памятников средневековой культуры азербайджанского народа.

В настоящее время автор производит на территории дворца археологические раскопки (вскрыты стены и фундаменты более древних, относящихся к XII в. сооружений, обнаружена высокого качества бытовая ке-

рамик; прекрасной работы чеканный «чирах» — светильник с объёмными скульптурными изображениями звериных голов и т. д.). Предварительные результаты раскопок позволяют надеяться, что сведения по этому столь важному для истории архитектуры Азербайджана памятнику будут существенно дополнены и автор сможет ответить на ряд поставленных им в брошюре интересных вопросов. Выявление же раскопками упоминаемых А. Бакихановым¹ кельи и медресе Сеид Яхья Бакуви и здания, частью которого, судя по надписи, являются ворота Мурада III², позволит более точно возстановить образ дворцового ансамбля в XV—XVI веках.

Л. Бретаницкий

¹ Бакиханов А. «Гюлистан-Ирам», стр. 172. Баку. 1926.

² Шеблыкин И. Краткий очерк истории дворца ширваншахов в Баку, стр. 43. Баку. 1939.

ЧЕРЕПНИН Л. В. *Русская метрология.* (Учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам. Под ред. доктора исторических наук проф. А. И. Андреева. IV. Историко-архивный институт. Главное архивное управление НКВД СССР.) М. 1944. 94 стр. 12 руб.

Литература по русской метрологии очень бедна. Обобщающей работой в этой области является лишь курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1908—1909 учебном году проф. С. К. Кузнецовым: «Древнерусская метрология» (Малмыж на Вятке. 1913), представляющий в основном сводный компилятивный очерк предшествующих работ по вопросам метрологии. Появление такой работы, предназначенной заполнить пробел в специальной исторической литературе, должно приветствовать, тем более что работа Л. Черепнина обстоятельно выполнена и по богатству привлечённого материала и в методическом отношении.

Привлечённый обширный материал автор внимательно изучил, причём все метрологические данные добросовестно проверил по первоисточникам и только после такого детального изучения использовал этот материал для собственной работы. Собранный и изученный таким образом материал расположен в методически правильном порядке, именно по периодам исторического развития метрологических систем, в связи с общими социально-экономическими и политическими условиями русской жизни.

Книга имеет следующие разделы: метрология и денежный счёт Киевского государства (XI—XIII вв.), периода феодальной раздробленности (XIII—XV вв.), Московского государства (XVI—XVII вв.) и Российской империи (XVIII—XX вв.) и особый отдел польско-литовской метрологии. Исторический подход к изучаемому мате-

риалу выгодно отличает работу Л. Черепнина от вышеуказанного курса лекций по метрологии С. К. Кузнецова, который рассматривает материал статически, располагая его по соответствующим разделам метрологии: меры веса, меры продольные, меры объёма и т. д.

Автор не оставил без внимания и другие, сопредельные с метрологией дисциплины и правильно включил в сферу метрологии денежный счёт, выделив вопросы денежного счёта из нумизматики, задачи которой совсем иные (изучение сплава металла монет и изображений и надписей на них). До сих пор не было строгого разграничения сфер метрологии и нумизматики и денежный счёт часто изучался в специальных нумизматических работах.

Помимо уже известных ранее материалов по метрологии автор привлёк и новые, ещё не использованные в специальной литературе. Таковы, например, метрологические данные об измерении сена, этого важнейшего после зернового хлеба продукта сельскохозяйственной жизни страны в прошлом. Величина площади сенокосов обычно измерялась количеством копён собранного с них сена; величина же копны в метрологической литературе до сих пор считалась неизвестной. И в то время как зерновой хлеб мог быть учтён до мельчайших долей единицы измерения — чети (при измерении остатков его в государственных житницах встречаем такие доли, как 12 раз повторённое полчети), размер копны сена, весовая или объёмная величина этой единицы из-

мерения оставалась неизвестной. Новые документальные материалы показывают, что существовала твёрдая единица измерения сена, так называемая «мерная сенная двоексажённая верёвка». Она применялась при продаже сена в больших количествах и по «уставной», т. е. твёрдой, фиксированной правительством цене. Последняя, как правило, была всегда ниже рыночной, вследствие чего обе стороны — и продавец и покупатель — оказывались заинтересованными в более точном вычислении размеров копны.

Необходимо также отметить как достоич-

ство работы автора осторожность его в своих выводах, особенно там, где первоисточники не дают исчерпывающе полных и точных метрологических данных.

Книга Л. Черепнина является ценным вкладом в метрологическую литературу. Как пособие по русской метрологии, единственно полное при краткости изложения и притом хорошо составленное, оно даёт читателю правильные ответы на все вопросы метрологического порядка, возникающие при изучении исторических первоисточников.

Проф. И. Колесников

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Чествование памяти Вольтера в Академии наук СССР

В ноябре 1944 года Академия наук СССР отметила 250-летие со дня рождения выдающегося мыслителя, великого французского просветителя Франсуа Мари Аруэ, вошедшего в историю под именем Вольтера.

«Апостол разума» — так озаглавил своё письмо к участникам заседания президент Академии наук акад. В. Л. Комаров. «Имя Вольтера — символ разума, и оно бессмертно, как бессмертен человеческий разум... Восемнадцатый век был веком разума, отвлечённого и абсолютного Разума с большой буквы. Человеческая мысль освободилась от цепей закостеневшей догмы. Она объявила заблуждением всю предыдущую историю и призывала на суд Разума все верования и установления людей. Вольтер был самым ярким, блестящим, страстным и язвительным прокурором на этом судилище. Его преемники — Марат и Робеспьер стали исполнителями приговора.

В следующем веке отвлечённый Разум стал наукой. Он уже не судил, не объявлял неразумными или разумными идеи, учреждения и общественные формы вне времени, вне исторического процесса. Наука исследовала, находила причины, раскрывала исторический процесс, в ходе которого разумным оказывалось то, что соответствовало новым условиям, что раскрывало дорогу новому, что было связано с новым. Дарвин показал, как сменяли друг друга органические формы, как они приспособлялись к среде, как усложнялась и дифференцировалась жизнь на земле. Маркс раскрыл закономерности общественного развития, закономерную смену старых, обветшалых общественных форм новыми, обосновав таким образом грядущую победу гармоничного и справедливого коммунистического общества.

В XX веке научный коммунизм под руководством Ленина и Сталина воплотился в строительство великого государства. Таким образом, мы ушли далеко вперёд от рационалистов XVIII века. Но мы помним, что великие принципы разума, свободы и прогресса — это истоки всей современной цивилизации, что от них пошла демократия, наука и социализм. Поэтому мы храним благодарную память об Аруэ Вольтере, апостоле разума и свободы».

«Как ненавидели Вольтера мрачные тени средневековья, силы инквизиции, обскурантизма и феодального произвола! И как ненавидят его современные носители мрака,

смерти и угнетения! — продолжает В. Л. Комаров. — Фашизм объявил поход против светлых и благородных принципов, провозглашённых французской революцией, тех принципов, которые неразрывно связаны с именем Вольтера. И вполне понятно, что для гитлеровцев имя Вольтера — одно из самых ненавистных. Действительно, это имя само по себе должно действовать, как крик петуха на ночные привидения. Гитлеровцы ещё до прихода к власти проповедывали отказ от разума, возврат к мистической вере и слепому повиновению. «Разум и логика чужды душе северянина»... «Нордическая раса отворачивается от рационализма...» — таких заявлений немало в погромно-сацистских проповедях Гитлера, Геббельса, Розенберга и иже с ними. В войне против свобододолюбивых народов гитлеровцы последовательно разрушали культурные и научные ценности, сжигали библиотеки, лаборатории и школы. Но разум, знание, наука борются против гитлеровской чумы. Выросшая из передовых идей Вольтера и его соратников, современная наука вооружает коалицию свобододолюбивых народов мощным оружием. Знамя разума и науки развевается над силами, которые человечество мобилизовало против угрожавшей ему опасности. И среди великих имён — символов прогресса, демократии и науки, — имён, которые стали боевыми стягами антифашистской освободительной войны, новым блеском засверкало имя Вольтера».

Большой доклад об историческом значении Вольтера сделал акад. В. П. Волгин. Докладчик прежде всего отметил разнообразие богатого литературного наследия Вольтера. Вольтера нельзя миновать ни в истории драмы, ни в истории романа, ни в истории философии. Но истинное величие историческому образу Вольтера придаёт не то, что он написал ряд имевших большой успех трагедий, ряд остроумных и живых рассказов, даже не то, что он популяризировал Ньютона и Локка. В памяти прогрессивного человечества его имя будет жить прежде всего и больше всего как имя общественного деятеля, в самом полном смысле этого слова. Литературное творчество в руках Вольтера впервые получило значение крупной общественной силы. Вольтер занимал в Европе своего времени положение «некоронованного короля» новой державы — общественного мнения. Среди его предшественников и современников — писателей

XVI—XVIII вв. — было немало людей исключительного дарования. Многие из них как писатели стоят выше Вольтера. Но никто до него не мог претендовать на тот исключительный авторитет, который завоевал себе Вольтер своей общественной деятельностью.

Французская буржуазия выступала в XVIII в. как представитель всего общества, её лозунгом была борьба за интересы народа в целом. Это придавало исключительный размах и глубину общественной мысли XVIII в., с неповторимой для буржуазной мысли смелостью рвавшей узы традиционных верований и предрассудков и провозглашавшей наступление царства разума, вечной справедливости и неотъемлемых прав человека. Конечно, это царство разума оказалось впоследствии «идеализированным царством буржуазии» (Энгельс). Тем не менее, разрабатывая основы грядущего «царства разума» и расчищая почву для его построения, лучшие представители французской мысли XVIII в. установили ряд принципов, дальнейшее развитие и последовательное проведение которых далеко выходило за пределы классовых интересов буржуазии.

В этом революционном движении мысли Вольтер занимал совершенно исключительное место. Взятая в целом история его жизни и деятельности представляет как бы концентрированное отражение века французского просвещения со всеми его этапами, со всеми его противоречиями. Он, во всяком случае, является центральной фигурой этого большого и важного периода европейской истории. Не без основания некоторые исследователи ставят вольтерьянство рядом с такими значительными историческими комплексами, как Возрождение и Реформация.

История молодых лет Вольтера — не только история успехов, но также история ряда болезненных ударов по самолюбию молодого мещанина, попавшего в дворянскую среду и «возомнившего» себя равней своим любезным «хозяевам».

Так как поэтический талант Вольтера уже в молодые годы носил ярко выраженный сатирический характер, то о его социально-политическом воспитании проявляли «заботу» не только чванливые вельможи, но и правительственная власть. После ряда мелких неприятностей в 1717 г. поэта постигла крупная: он был посажен в Бастилию, где провёл одиннадцать месяцев. В 1726 г., после краткого на этот раз заточения в Бастилии, Вольтер был выслан в Англию. Там было завершено его воспитание как просветителя.

Из Англии Вольтер привёз «Философские письма», которые Лансон назвал «первой бомбой, брошенной в старый режим», и которые объединили в осуждении автора несмотря на их споры и разногласия правительство и парламент, иезуитов и яansenитов.

Если до «Философских писем» литературная деятельность Вольтера носила несколько разбросанный характер, то начиная

с этого произведения она приобретает с каждым годом возрастающую целеустремлённость. Творчество Вольтера подчиняется единой задаче — задаче распространения просвещения, освобождения человеческого разума от тяготеющих над ним предрассудков. Литература становится орудием борьбы за лучшее будущее человечества, ибо для Вольтера это лучшее будущее невозможно без просвещения — торжество справедливости имеет своей необходимой предпосылкой торжество разума и истины. Центральное место в этой просветительной пропаганде Вольтера занимает борьба против суеверий и предрассудков, связанных с религией и усиленно распространяемых церковью.

Борьба Вольтера против религиозных суеверий и предрассудков — борьба, к которой в течение десятилетий было приковано внимание всех передовых людей его времени, — имела совершенно исключительное значение для дела освобождения человеческой мысли от устарелого строя идей, всеми мерами защищавшего свой былой авторитет. Но Вольтер вошёл в историю освободительного идейного движения XVIII в. не только как критик религии и церкви. Он принимал также активное участие в разработке политической идеологии приближавшейся революции, хотя в этой области его влияние никогда не было так велико, как влияние Монтескье и Руссо. Однако его не следует и преуменьшать. Pamфлеты, повести и диалоги Вольтера были немаловажным каналом распространения новых политических идей.

Наиболее распространённой формой социально-политической критики и пропаганды новых социально-политических идей являлась в XVIII в. теория естественного права. Вольтер решительно отвергал связанную с теорией естественного права идеализацию первобытного состояния. Неверно, утверждал он, что дикари живут под властью естественного закона. Наоборот, дикари искажают природу, а культурные люди ей следуют. Прогресс — закон природы.

Вольтер, таким образом, не разделял теории общественного договора. Власть могут давать, по его мнению, либо соглашение либо сила. Исторически общество возникло не из соглашения, а из силы. Но истинное право может основываться только на свободном соглашении.

Следует признать, отмечает докладчик, что учение Вольтера об обществе выгодно отличается своими реалистическими чертами от большинства общественных теорий XVIII века.

Наиболее справедливым общественным порядком Вольтер считал такой, в основе которого лежат свобода и собственность. К этим двум принципам он присоединял иногда третий — равенство.

В своём отношении к свободе, равенству и собственности Вольтер являлся бесспорным вдохновителем авторов Декларации прав 1789 г., деятелей Учредительного собрания, глашатаем идущей к власти буржуазии. Оценка этой части идейного насле-

дия Вольтера не вызывает никаких разногласий. Как это ни странно, до сих пор ещё не вполне ясен другой, казалось бы, весьма простой вопрос: какое место занимают в политической философии Вольтера абсолютизм, конституционная монархия и республика? Не подлежит сомнению, что Вольтер, отрицая идею «божественного происхождения» монархии, считая первых монархов, в том числе первых франкских королей, жестокими вождями варварских народцев, тем не менее весьма высоко оценивал исторические заслуги монархии в деле борьбы с ненавистной ему феодальной анархией.

Вольтер не раз высказывал мысль, что необходимые для общества реформы осуществит государь, проникшийся философскими идеями. В течение некоторого времени таким государем-философом он считал Фридриха II. Он идеализировал внутреннюю политику Екатерины II, видя в ней образец просвещённого реформаторства. Это и многое другое даёт, казалось бы, достаточно оснований признать Вольтера сторонником «просвещённого абсолютизма».

С другой стороны, Вольтер уже в «Философских письмах» выражал величайшее уважение к английской конституции. Он сравнивал Англию с Римом: и тут и там происходили гражданские войны, но результатом их в Риме было рабство, а в Англии — свобода. «Английская нация — единственная нация на земле, которой удалось, оказывая противодействие королям, урегулировать королевскую власть, которая путём ряда усилий установила, наконец, разумное правление, где у государя, всемогущего в добре, связаны руки, чтобы делать его... и где народ участвует во власти без беспорядка».

В «Мыслях об общественной администрации» (1753) Вольтер выражал надежду, что в результате реформ, осуществлённых добрым монархом, английская система распространится в других странах и «общины станут в них частью правительства». Реформы «просвещённого абсолютизма» являются здесь, таким образом, как бы мостом от неограниченной монархии к ограниченной. А если доброго монарха не найдётся и мирный переход к ограниченной монархии не осуществится? «Следует думать, — отвечал Вольтер на этот вопрос в «Философском словаре», — что все государства, которые не основаны на этих принципах, испытают революцию».

Идеализация английской конституции является законным логическим завершением всей системы социально-политических взглядов Вольтера, великолепно с ним гармонирует. Весьма возможно, что в первые годы своей деятельности Вольтер, в полном соответствии с настроениями своей социальной среды в начале XVIII в., считал монархию единственно возможной для Франции формой правления. Если он задумывался о реформах, то эти реформы он считал вполне осуществимыми в рамках абсолютизма, его политическая мысль не шла дальше «добротного короля». Он политически рос вместе с представляемым им классом.

Оформлению новой политической концепции — концепции конституционной монархии — помогло пребывание в Англии. Однако, перейдя на позиции конституционализма, Вольтер опять-таки в полном соответствии со своей средой никак не мог ещё принять мысли о неизбежности революции. Он мечтал о мирной политической эволюции вопреки известному ему опыту Англии. А для этого требовалось освоение новых идей представителями абсолютизма, нужен был «просвещённый абсолютизм». Так «добрый король» сохранял своё место в сознании Вольтера рядом с английской конституцией.

К 1760 годам, к периоду «Философского словаря», у Вольтера, как мы видим, возникают уже некоторые сомнения в мирной политической эволюции европейских стран. Интересно, что к этому же времени в его произведениях всё более определённо начинают звучать республиканские тона. Повидному, в последний раз его монархические настроения временно оживились в связи с реформаторскими попытками Тюрго; падение Тюрго, глубоко потрясшее Вольтера, нанесло им последний удар.

«Вольтер, — заключает докладчик, — передовой борец французской буржуазии XVIII века. В идейном наследии Вольтера немало черт, отражающих неизбежную ограниченность буржуазной идеологии. При всей своей исключительной одарённости Вольтер не был в состоянии выйти за пределы, которые ставила эпоха. Эти черты чужды нашему социалистическому миросозерцанию. Они представляют теперь интерес только для историка. Но французская буржуазия XVIII в. была передовым классом своего времени. Её борьба против феодализма имела громадное значение не только для её будущего, но и для будущего всего человеческого общества. Вольтер сознавал себя борцом не за приближающееся царство буржуазии, а за общечеловеческие интересы, за общечеловеческий прогресс. Отсюда активный, воинствующий гуманизм Вольтера, который при всём различии эпох и классовых позиций делает его фигуру живой и привлекательной и для нашего времени. Характерно, что имя Вольтера не потеряло до сих пор способности вызывать самые ожесточённые споры. Оно дорого тем, кому дорого дело человеческого прогресса; оно ненавистно сторонникам реакции. Именно поэтому мы отмечаем сейчас память великого французского писателя с особым чувством. В наши дни, когда происходит невиданная в истории по своему напряжению борьба сил прогресса и социальной справедливости против сил реакции и социального гнёта, нам особенно дорог Вольтер с его ненавистью к неправде и насилию, к ханжеству и лицемерию, с его верой в торжество разума и человечности».

Тема доклада про ф. М. В. Не чуждой «Вольтер и русское общество» оказалась весьма многосторонней. Она захватывает круг вопросов, связанных с интересом Вольтера к России, которая явилась темой его размышлений и специальных работ. В этом

отношении на первом месте стоит «История России при Петре Великом» Вольтера. Большой интерес представляют его проект частичного освобождения крестьян, а также многочисленные соображения о России и её политике, рассеянные в его сочинениях и переписке (например положительная оценка Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. и т. д.). Второй круг вопросов — живые связи Вольтера с русскими: Шуваловым, Разумовским, Голицыным, Сумароковым и другими. — переписка с Екатериной II и т. д. Эти живые взаимоотношения сыграли значительную роль в истории русской культуры, её связей с Западом и связей Запада с нею. Однако наиболее значителен третий круг вопросов: русское вольтерьянство как течение русской общественной мысли, его этапы и роль в истории нашей родины. Это и явилось центральной темой доклада.

Россия, отмечает проф. Нечкина, познакомилась с Вольтером тогда же, когда и Западная Европа, и сразу проявила к нему живой и разносторонний интерес. Работы Вольтера усиленно переводились и читались в подлиннике. Вольтерьянство широко распространилось в России, с одной стороны, как мода, поверхностно усвоившая ряд внешних, блестящих сторон в творчестве Вольтера, а с другой стороны, как глубоко умственное течение русской жизни, несущее в себе основную функцию данной идеологии — разрушительное воздействие на старый мир феодально-крепостнических отношений и создание новой, революционной идеологии человеческого Разума, торжествующего над суеверием и темнотой. А. С. Пушкин в своей замечательной формуле о Вольтере — «умов и моды вождь» — прекрасно выразил наличие двух вольтерьянских направлений в истории русской общественной жизни.

Французская революция 1789 г., для идейной подготовки которой так много сделал Вольтер, слугнула поверхностное, модное вольтерьянство и положила ему конец. Увидев идеи в действии, русская аристократия легко рассталась со своим кумиром и вынесла бюсты Вольтера на чердак. Но события революции тем резче отмежевали от модного увлечения подлинное, глубокое русское вольтерьянство, направленное на сокрушение феодального мира и расчищение путей для прогрессивного развития нашей страны.

Задача этого сокрушения самостоятельно, органически выросла на почве русской действительности. Зрелое применение к ней идей Вольтера говорило прежде всего о том, что русская мысль находится во всеоружии европейской культуры и стоит на высоком мировом идейном уровне. Поэтому, подчёркивает проф. Нечкина, к истории русской передовой общественной идеологии неприменима так называемая теория «заимствования идей». Идеи, органически нужные самостоятельному общественному движению, не берутся «взаймы», а как бы вто-

рично рождаются действительностью данной страны.

Вольтерьянство Радищева, вольтерьянские идеи Новикова, Фонвизина уже принадлежат течению, имеющему многих последователей. Это течение самостоятельно работает над созданием новой национальной идеологии и над сокрушением старого, феодального мировоззрения. Пользуясь архивными данными, проф. М. В. Нечкина показывает неизученность этого течения. Она отмечает, что не случайно в то время слова «вольтерьянство» и «вольтерьянец» становились обобщёнными понятиями освободительной идеологии в России и её представителях.

Попытка при Павле I подавить освободительные идеи, в том числе идеи Вольтера, терпит крах. Работа над наследием Вольтера вступает в оживлённый период своего развития в начале царствования Александра I, в эпоху некоторого ослабления надзора и репрессий. Выходят новые издания Вольтера, его произведения и идеи проникают в школу.

Рядом интересных выдержек из документов, из показаний декабристов докладчица иллюстрирует положение о том, что развитие «вольного образа мыслей» у декабристов восходит к Вольтеру. Важен самостоятельный характер разработки вольтерьянских идей у ряда декабристов, — проф. Нечкина цитирует полемику с Вольтером в атеистических стихах декабриста Барятинского, — и наличие в этот период разработанных форм русской идеологии: наряду с Вольтером декабристы упоминают Радищева, Пушкина. Нельзя недооценивать того факта, что в то время русская передовая общественная идеология уже начинала перерастать вольтерьянство.

Работа над творчеством Вольтера имела огромное значение в развитии мировоззрения А. С. Пушкина, а также А. С. Грибоедова и других русских писателей. Пушкин подумляризировал в России многие идеи просветительной философии. Проф. Нечкина приводит яркие примеры того значения для развития художественной формы и даже языка, какое имело изучение Вольтера в нашей стране.

Для Герцена и второго поколения дворянских революционеров идеи Вольтера являлись органическим элементом их мировоззрения. Однако на этом этапе уже отчётливо заметны признаки того, что вольтерьянство почти исчерпано и разрабатываются ещё более сложные, порождаемые новой действительностью общественные идеи. Герцен, которому «Катехизис» попал в руки после Вольтера, глубоко усвоил вольтерово наследие и поднялся на более высокую ступень. Русская общественная идеология начинает работу над идеями глубокого социального переустройства действительности, которым уже не может удовлетворить старое вольтерьянство.

Вступив в новый, разночинский этап развития, русское общественное движение, используя Вольтера как одно из замечательных проявлений человеческой мысли в об-

щем арсенала мировых достижений, перерабатывает его и вырабатывает существенно новую, освободительную идеологию с ещё более сложной в соответствии с русской действительностью проблематикой. Так, Чернышевский уже не полемизирует с Вольтером, а рассматривает его исторически.

Таким образом, заключает проф. М. В. Нечкина, Вольтер на протяжении более чем двух столетий являлся своеобразным участником жизни русского общества, «сотрудником» русской передовой общественной мысли.

Идейная работа русского общества над вольтеровским наследием расширила и приумножила мировую славу и значение Вольтера, сохранила его имя вечно живым для русской культуры и в то же время проявила высокую самостоятельность в использовании наследия великого французского философа.

Более детально личность, творчество и деятельность Вольтера были проанализированы в ряде докладов более специального характера на совместных заседаниях Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка Академии наук СССР, состоявшихся 27 и 28 ноября 1944 года.

В докладе о художественном творчестве Вольтера проф. А. А. Смирнов указал, что Вольтер является одним из самых ярких представителей людей того особого, веками вырабатывавшегося во Франции склада ума, который нашёл своё выражение в лучших произведениях французского искусства, в частности в средневековых фарсах и фавлю, в творчестве Рабле, Мольера, Лафонтена, Беранже, новых французских шансонье, А. Франса. Основные черты этого «французского ума», связанного с соответствующим темпераментом и манерой чувствовать, — ясность, точность, господство здравого смысла, брызжущее веселье и остроумие — неотделимы от образа Вольтера.

Всё, написанное Вольтером, отмечает докладчик, настолько проникнуто устремлениями идейного борца-просветителя, что публицистическое начало в его произведениях заслоняет в глазах многих критиков начало художественное. Однако Вольтер — не только великий мыслитель и борец, но и великий писатель, идеи которого всегда облечены в художественные слова, без чего они были бы лишены наибольшей части своей действительной силы. Его современники понимали это, и когда в 1778 г., незадолго до своей смерти, 84-летний Вольтер приехал в Париж, народ приветствовал его криками: «Да здравствует «Генриада»!», «Да здравствует «Магомет»!», «Да здравствует «Девственница»!», называя художественные, а не чисто публицистические произведения Вольтера.

Правда, в творчестве Вольтера мало того, что мы обычно называем поэзией: в нём преобладает мысль, рассудочное начало. Однако у него есть и такие произведения, ко-

торые полны самой подлинной и благородной поэзии. Таковы трагедия «Заира», отличающаяся большой нежностью чувства, дерзкая и прелестная в поэтическом отношении поэма «Орлеанская девственница», многие страницы философских повестей Вольтера («Простаки», «Задиг» и др.). Отсутствием лиризма и преобладанием мысли и вкуса над чувством характеризовался господствующий стиль всей французской литературы XVIII в., стиль позднего классицизма. Но, будучи крупнейшим мастером этого стиля, Вольтер вместе с тем и разлагал его, внося в рамки классического канона новое боевое содержание. Вообще же Вольтер заострял и развивал в классицизме те черты, которые относятся не к его придворно-аристократической оболочке, а к его буржуазным и даже народным корням.

Далее докладчик, приводя богатые примеры, анализирует трагедию, поэму и прозаическую повесть — те области литературы, в которых Вольтер создал шедевры векового значения, донные живые.

С докладом на тему «Вольтер как историк» выступил чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский.

Историзм XIX в., указал докладчик, часто противопоставляют аристократизму «века Просвещения». Это противопоставление неверно. В XVIII в. складываются основы прогрессивной буржуазной исторической науки. Реакционная романтика XIX в. представляет во многих отношениях шаг назад.

«Век Просвещения» получил от предшествующей эпохи собранные эрудитами огромные груды исторических материалов, геологические построения истории, оторванные от истории механистические теории и сомнения в самой возможности исторического знания. «Просветители», особенно Вольтер, провели огромную критическую и конструктивную работу по созданию новой науки.

Вольтер — не историк-профессионал, подчёркивает докладчик; исторические труды — не самая главная часть его просветительной работы. В исторических произведениях он остаётся в значительной мере публицистом и литературным критиком. Но размах его исторических знаний и интересов огромен, и можно назвать мало имён, имевших такое влияние на развитие исторической науки, как Вольтер.

Для Вольтера изображение прошлого есть прежде всего орудие борьбы с ещё живым наследием этого прошлого — с феодальным обществом и особенно с феодальной церковью. Он сознаёт своё призвание по-новому построить всё здание истории, для чего необходимо ниспровергнуть все исторические построения предшествующей эпохи.

С этих позиций Вольтер борется с теологическим пониманием истории, с гуманистической традицией превознесения античного мира, с псевдопатриотической тенденцией превозносить феодальное прошлое Франции, с некритическим нагромождением фактов у эрудитов.

Главная сила Вольтера в исторической критике. Это не формальная критика источ-

ников, как у эрудитов, а критика достоверности событий в их связи. Источники расцениваются им с точки зрения их партийной направленности.

Вольтер ставит истории как науке новые задачи: изучение истории культуры, науки, техники, экономики, финансов, военного дела, состава народонаселения. В связи с этим меняются и внешние приёмы расположения материала. Вольтер сознаёт единство всех сторон исторического развития. Важнейшей заслугой Вольтера является расширение им круга всемирной истории на внеевропейские страны, в том числе на страны Дальнего Востока. Он применяет сравнительно-исторический метод, привлекает этнографический материал.

Величайшей ценностью в истории Вольтер считал завоевания разума, просвещения, свободы и гуманности.

Конструктивная сторона исторических трудов Вольтера слабее, чем критическая. Его методологические идеи очень шатки, что понятно для его эпохи, но остаётся особенностью буржуазной историографии и в дальнейшем. Движущими силами истории ему представляются случайность, воля великих деятелей, «дух времени», «гений народов», присущий людям «инстинкт техники».

В ряде вопросов Вольтер продолжал стоять на наивно механистических позициях XVII в. (объяснение происхождения языка, религий, мифов и т. д.). Вольтер плохо понимал историческую роль народных масс, страданиям которых он глубоко сочувствовал. Народ для него — тёмная и косная масса, опора религии и предрассудков, просвещение которой может идти лишь очень медленно. В истории представляет интерес лишь мыслящая, просвещённая верхушка общества. Антирелигиозная тенденция Вольтера приводит его нередко к крайне одностороннему, а иногда и совсем неправильно-му пониманию важнейших моментов в истории человечества (падение Римской империи, история Византии, Реформация, английская революция и т. д.). Изображение им истории восточных народов основано на явно недостаточном материале и часто сводится к нравоучительным басням.

Все эти недостатки неизбежны на ранней стадии развития буржуазной науки и часто усугубляются личными качествами Вольтера — его полемическим задором, готовностью братья за непосильные задачи.

Но именно его личные качества: страстность, талантливость, смелость, полемическое искусство, бестрепетность в испровержении старых кумиров, несравненное остроумие, едкий критический ум, ненасытная жажда знания и темперамент просветителя — сделали его лучшим выразителем идей этой эпохи и позволили ему оказать решающее влияние на развитие исторической мысли.

Под его непосредственным влиянием на-

ходились лучшие историки XVIII в. во Франции, Англии, Германии и России. Оно сказывается и на ряде историков XIX века. Проф. М. А. Дьячков посвятил свой доклад выяснению роли и значения Вольтера как философа.

Проф. Н. Н. Полянский в докладе «Вольтер — борец за новое право и правосудие» охарактеризовал деятельность Вольтера на поприще борьбы за правосудие и его воззрения в области права.

Работа Вольтера над «Историей России при Петре Великом» была освещена проф. А. И. Андреевым, который на основании переписки Вольтера и других источников (письма И. И. Шувалова, Б. М. Салтыкова и др.) проследил рост интересов Вольтера к данной теме, выяснил отношение русского правительства 30—50-х гг. XVIII в. к неоднократным попыткам Вольтера получить из России нужные ему материалы и т. д. Проф. А. И. Андреев обрисовал основные этапы работы Вольтера в 1757—1761 гг. над подготовкой первого и второго томов «Истории России при Петре Великом» и отметил участие русских учёных — М. В. Ломоносова, Ф. И. Миллера и др. — в создании этого труда. В заключение была дана оценка труда Вольтера современниками — К. Г. Разумовским, Екатериной II и др. — и историками XIX и XX веков.

С докладом на тему «Вольтер и Ньютон» выступил проф. Н. И. Идельсон. Тот факт, что за три года, проведённых Вольтером в Англии, он испытал сильнейшее влияние английского общественно-политического строя, английской философии и драматургии, общезвестен и понятен. Но, пожалуй, несколько более удивительно, говорит докладчик, что Вольтер с таким же острым интересом увлекался и физико-математической наукой Англии, что он с замечательной интуицией и прозорливостью стал на сторону сравнительно новой тогда ньютоновской доктрины и несколько позже сделался её первым глашатаем во Франции. Основные преимущества метода Ньютона по сравнению с другим основным направлением науки того времени — картезианством — Вольтер видит в его экспериментальном характере «Натуральной философии», в отсутствии излишних гипотез, в математической строгости и всеобщности выводов. Многочисленными местами из переписки Вольтера устанавливается крайне резкое отношение его к системам Декарта и Лейбница.

Большой интерес вызвал доклад научного сотрудника Ленинградской публичной библиотеки В. С. Люблинского о вольтеровских фондах в СССР¹.

В. А.

¹ См. «Исторический журнал» № 1—2 за 1945 г., статья В. Люблинского «Библиотека Вольтера».

Сессия в Московском государственном ордена Ленина университете имени М. В. Ломоносова, посвящённая истории западных и южных славян

С 17 по 20 ноября 1944 г. на историческом факультете МГУ состоялась сессия, посвящённая изучению истории славянских народов.

Сессия открылась докладом чехословацкого учёного профессора Пражского университета З. Р. Неядлы «Само и его государство». Подробный анализ историографии вопроса и единственного известного нам современного источника о нём — латинской хроники Фредегара, — изучение богатого материала археологических изысканий позволили проф. Неядлы по-новому подойти к спорной проблеме о характере государства Само.

Докладчик выдвинул проблему славяно-аварских отношений, связи между движением Само и аналогичными движениями среди славянских племён в Восточной Европе, наконец, вопросы административно-политического устройства государства Само. Государство Само проф. Неядлы охарактеризовал как союз племён, что объясняет непрочность этого первого известного нам межплеменного образования у славян и причины его быстрого распада.

Большое внимание привлёк доклад проф. А. В. Арциховского «О средневековом культурном единстве славян». На основе обширного археологического и лингвистического материала докладчик показал культурное единство славянских народов в X—XIII вв., живших на огромном пространстве — от Лабы и Дуная до Волхова, Волги, Оки и Кубани. Проф. Арциховский, объясняя это замечательное явление, указывал, что причины его коренятся в комплексе тесных культурных связей, которые объединяли в X—XIII вв. славянский мир.

Теме древнейших франко-славянских отношений был посвящён доклад проф. Н. П. Грцианского «Карл Великий и славяне». Подробно изучив события того времени и политику Карла Великого по отношению к Дании и Саксонии, автор пришёл к выводу, что основатель империи не предполагал включать славянские земли в её состав и что враждебные столкновения между отдельными славянскими племенами и франками никогда не перерастали рамок обычных пограничных войн. Автор коротко охарактеризовал славяно-германские отношения IX—X вв., указав на изменение внешней политики империи с утверждением на императорском престоле саксонского дома. Первые представители его — Генрих Птицелов и Оттон I — явились инициаторами агрессивного восточного похода германцев.

Чрезвычайно интересной теме — культурным и политическим связям России

со славянским миром — был посвящён доклад проф. М. Н. Тихомирова «Россия и южные славяне (до конца XVIII в.)». Автор подробно остановился на отношениях России с южными славянами в древнейший период, когда они были соседями в низовьях Дуная, и подчеркнул тот факт, что уже в тот период Русь оказывала сильное культурное влияние на южных славян. С XVI—XVII вв., в годину бедствий всех южно-славянских народов, попавших под турецкое иго, влияние России особенно усилилось. Заслугой докладчика явилось освещение политических связей в этот период между Россией и южными славянами.

Учёному, имеющему мировую известность, Ф. И. Успенскому посвятил свой доклад кандидат исторических наук Б. Т. Горянов «Ф. И. Успенский о взаимоотношениях Византии и южных славян». Автор связывает исторические взгляды и интересы Успенского с общественно-политическими настроениями в России конца XIX и начала XX века.

Ярким докладом проф. Неядлы «Чешский историограф Палацкий» открылось заключительное заседание сессии. Палацкий — историк-политик — завершил собой период национального возрождения Чехии, когда молодая национальная буржуазия, переживавшая период «бури и натиска», смело бросила вызов воинствующему пангерманизму. Такова основная линия доклада.

Доцент С. А. Някитин в своём докладе «Возникновение Московского славянского комитета» осветил общественно-политическую жизнь России и Болгарии в XIX веке. Создание славянского комитета в условиях международной ситуации, сложившейся после Крымской войны, лишний раз подчёркивает роль России в освобождении южных славян.

Заключительный доклад на тему «Польское восстание 1830—1831 гг. и европейские державы» прочёл чл.-корр. АН СССР проф. В. И. Пичета. Докладчик воссоздал сложную международную ситуацию, которая сложилась в Европе в связи с польским восстанием. Польский вопрос являлся в то время одним из основных вопросов европейской политики, он в значительной степени определил её дальнейшее развитие.

В заключение выступил декан исторического факультета проф. С. П. Толстов. Он охарактеризовал современные задачи советского славяноведения и отметил достигнутые успехи.

В. Королюк

С. И. МИЦКЕВИЧ

12 сентября 1944 г. в возрасте 75 лет скончался один из старейших членов ВКП(б)—историк Сергей Иванович Мицкевич. Советская историческая наука в лице Мицкевича потеряла прекрасного знатока истории революционного движения, непосредственно участвовавшего в пролетарской борьбе на протяжении полувека.

С. И. Мицкевич родился в 1869 г. в семье бедного офицера, выслужившегося из рядовых севастопольцев, участников героической обороны 1854—1855 года. Родители отдали мальчика в кадетский корпус и прочили его на военную службу. Но С. И. Мицкевич пошёл по иной дороге: под влиянием революционных идей он решил порвать с военной средой и посвятить свою жизнь служению народу. Именно поэтому он пошёл на медицинский факультет Московского университета. Он познакомился с распространявшимися в то время в России идеями марксизма. Вращаясь в кружках передовой интеллигенции в Москве и Нижнем Новгороде, С. И. Мицкевич в начале 90-х годов уже как марксист вступал в ожесточённые споры с народниками и вёл пропаганду среди московских рабочих. В 1893 г. вместе с А. Н. Винокуровым, М. Н. Лядовым и другими С. И. Мицкевич образовал сплочённую революционную группу, которая через год оформилась в виде Московского рабочего союза и была одной из первых марксистских организаций в России.

Летом 1894 г. С. И. Мицкевич познакомился с рукописью В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Эта ленинская работа оказала огромное влияние на С. И. Мицкевича: она укрепила его новые, революционные взгляды и сделала его на всю жизнь убеждённым и непоколебимым ленинцем. С. И. Мицкевич в этот период часто беседовал с Владимиром Ильичём на волнующие темы, говорил о способах укрепления молодой социал-демократической организации.

Своими взглядами и советами Ленин давал определённое направление деятельности московских марксистов.

Впоследствии, в годы ссылки, С. И. Мицкевич поддерживал с Лениным оживлённую переписку. В письмах к А. И. Елизаровой В. И. Ленин давал высокую оценку деятельности С. И. Мицкевича.

В конце 1894 г. С. И. Мицкевич был арестован и после долгого тюремного заключения сослан на 5 лет в глухой Колымский район Восточной Сибири. Время, проведённое в одиночной камере, С. И. Мицкевич использовал для самообразования, в частности для чтения разнообразной исторической литературы. Уже в то время он про-

являл глубокий интерес к истории, который впоследствии развился и окреп. За долгие годы ссылки молодой революционер изучил природу, быт и нравы народов Севера.

И здесь С. И. Мицкевич рассматривал свою медицинскую деятельность как непосредственное служение народу. Он был тогда первым врачом, попавшим в Заполярье. Леча якутов, юкагиров, ламутов, С. И. Мицкевич изучал условия их жизни, выяснял причины их вымирания и помещал на эту тему подробные статьи в сибирской периодической прессе. Память о С. И. Мицкевиче — враче-большевике — надолго сохранилась в Колымском районе.

Возвращение С. И. Мицкевича в Москву в конце 1903 г. совпало с широким подъёмом общественного движения, предвестием грядущей революции 1905 года. Сергей Иванович с увлечением окунулся в водоворот новых, богатых впечатлений и наряду с врачебной деятельностью возобновил подпольную работу в социал-демократических организациях. В Москве он установил связь с рабочими массами и с передовой, революционной интеллигенцией. После 9 января 1905 г. он развернул энергичную деятельность по вовлечению в партию интеллигенции. Вместе с доктором-большевиком В. А. Обухом С. И. Мицкевич образовал при Московском комитете РСДРП(б) литературно-лекторскую группу. Эта группа сыграла большую роль в распространении революционных, марксистских идей. В её состав входили историки Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, литературоведы В. М. Фриче и К. Н. Левин, экономисты И. И. Степанов-Скворцов и М. Г. Лунц и другие. Группа устраивала нелегальные и полунелегальные лекции, доклады, диспуты, выступления в аудиториях столицы. Из-под пера её участников вышло немало переводных и оригинальных брошюр. В начале 1906 г. группа выпустила сборник статей под заглавием «Текущий момент», в котором подвели итоги развернувшегося движения.

С. И. Мицкевич не ограничивался пропагандистской работой: на его квартире в Сокольническом районе находился склад оружия боевой организации, а после подавления декабрьского восстания — партийное бюро по выдаче паспортов, одежды и денег уезжающим дружинникам.

Во время столыпинщины С. И. Мицкевич работал земским, а затем школьно-санитарным врачом в Нижнем Новгороде и Саратове. И в эти трудные годы он оставался убеждённым большевиком. После февральской революции С. И. Мицкевич принял активное участие в деятельности саратовской большевистской организации. Позднее он

был одним из организаторов октябрьского переворота в Саратове. С. И. Мицкевич был вызван Совнаркомом в Москву и вместе с А. Н. Вишукоровым и другими содействовал постановке дела советской медицины. Во время гражданской войны Сергей Иванович работал на фронте.

С 1919 г. С. И. Мицкевич всё больше и больше отдаётся научно-исторической работе. Он посвятил ряд статей истории революционного движения, преподавал в Московском государственном и Свердловском университетах, а с 1922 г. возглавлял новообразованный Музей революции СССР.

Одновременно Сергей Иванович вёл и общественную работу: он был одним из создателей Союза работников просвещения и в течение многих лет стоял во главе секции научных работников, вовлекая в орбиту советского влияния широкие круги русской интеллигенции.

С. И. Мицкевич продолжал работу историка и позже, когда в 1934 г. он был вынужден из-за болезни покинуть должность директора музея. Он посвятил свои силы подготовке ряда работ полумемуарного, полуйсследовательского характера. Так появились его книги «На грани двух эпох» (1937 г.), «Революционная Москва» (1940 г.), «Записки врача-общественника» (1941 г.).

Поддерживая живые связи со старыми товарищами, пионерами Московского рабочего союза 1893—1894 гг., С. И. Мицкевич неустанно собирал данные о возникновении и деятельности этой ранней социал-демократической организации, пополнял их своими воспоминаниями, проверял и уточнял спорные сведения, облакал собранный материал в форму статей и книг. Ещё в 1906 г. в полулегальном сборнике «Текущий момент» появился его первый исторический очерк о зарождении Московской пролетарской организации. Та же тема стала предметом последующих работ Сергея Ивановича: в 1919 г. был издан с его участием сборник статей «На заре рабочего движения в Москве», в 1930 г. — книга «Литература Московского рабочего союза» (материалы и документы), в 1932 г. — новый сборник воспоминаний участников Союза. Эти работы С. И. Мицкевича и его друзей пролили яркий свет на начальный период в истории московской большевистской организации. Были подробно установлены и описаны состав, задачи, программа и деятельность объединения московских революционных марксистов 90-х годов, выяснена его правильная установка на массовую работу, определена его роль в зарождении российской рабочей партии.

С. И. Мицкевичу принадлежит заслуга открытия в судебном деле «Московского рабочего союза» одного из экземпляров ленинской рукописи «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Не меньшее значение имела деятельность С. И. Мицкевича как директора Музея рево-

люции СССР. Идея создания центрального музейного учреждения, которое отразило бы вековую борьбу народа против рабства, нищеты и эксплуатации, возникла у С. И. Мицкевича и его ближайших друзей. В 1924 г. эта идея нашла полное осуществление: музей был размещён в обширных залах бывшего Английского клуба, ему были переданы коллекции Истпарта и Центрархива. Во главе молодого учреждения был поставлен С. И. Мицкевич как один из старейших членов ВКП(б) и знаток её истории. Началась энергичная работа по собиранию, изучению и экспонированию историко-революционных материалов. С. И. Мицкевич с большим увлечением отдавался этой новой работе.

С. И. Мицкевич подобрал кадры молодых научных работников и организовал систематическое пополнение музейных коллекций новыми приобретениями. Через 5 лет хранилище Музея революции насчитывало уже 156 тыс. вещественных реликвий, рукописей, нелегальных и цензурных изданий, художественных произведений и пр. Был создан огромный фотофонд, из которого черпали нужные репродукции местные музеи, театры, писатели, художники и т. д. К этому времени библиотека музея имела 50 тысяч томов книг, преимущественно по истории революционного движения в нашей стране. В 33 залах были показаны в строгом хронологическом порядке и в закономерной внутренней связи все этапы революционного движения в России. Сотни людей — участников революционного движения — сообщали музею свои воспоминания, жертвовали сохранившиеся материалы, помогали уточнить и ярче передать волнующие страницы пережитого прошлого.

Чтобы улучшить работу Музея революции, С. И. Мицкевич получил заграничную командировку, изучил родственные музеи в Западной Европе, в частности Парижский Carnavalet, систематически обменивался опытом с музеями революции Ленинграда и других городов СССР. С. И. Мицкевич играл руководящую роль во всей работе музея, вдохновляя сотрудников своей неустанной энергией и горячей любовью к порученному делу.

Последние десять лет С. И. Мицкевич посвятил подведению итогов своей богатой и благородной жизни. Но это было не простое писание личных мемуаров: С. И. Мицкевич подходил к подготовке своих воспоминаний как учёный-исследователь. Сергей Иванович считал, что необходимо передать всё характерное и типичное для своего времени, передать ясно, живо и точно. Вот почему он не только напрягал свою память, сохранившую остроту молодых лет, но обращался к источникам и литературе по изображаемой эпохе. С. И. Мицкевич проверял свои личные воспоминания объективными данными науки; делал в своём изложении широкие общенсторические экскурсы, стремился выбрать и подчеркнуть то, что помогало более конкретно и глубоко понять исторический процесс. Так родились его последние книги, высоко оценённые читателями и критиками.

Особенно ценна первая книга С. И. Мицкевича — «На грани двух эпох», — охватывающая детство и молодость автора. Она показывает его приобщение к революционному движению, переход от народничества к марксизму, основание первых социал-демократических кружков, годы тюремного заключения. Богатая общеисторическими фактами, эта работа особенно выпукло передаёт характерные черты С. И. Мицкевича как историка-мемуариста: умение правдиво и просто передать особенности эпохи, её своеобразный, уже исчезнувший колорит, переплетая повесть личных переживаний с изображением процессов общественной жизни. Очень интересна и поучительна также последняя книга С. И. Мицкевича — «Записки врача-общественника». Мемуары С. И. Мицкевича по полноте содержания и объективности передачи являются выдающимся и важным источником для изучения истории

СССР описываемого периода. Советская научная общественность торжественно признала этот факт. На всесоюзном совещании кафедр гуманитарных наук 18 августа 1944 г. члены секции истории СССР послали С. И. Мицкевичу приветственный адрес в связи с его 75-летием. Они писали об исторических трудах Сергея Ивановича в коллективном обращении: «На этих работах воспитываются молодые поколения историков-большевиков, виднейшим представителем которых являетесь Вы».

Сергей Иванович ушёл из жизни в исключительный момент истории нашей родины, в момент, когда ясно определились исход Великой отечественной войны и грядущее торжество нашего социалистического отечества. 55-летняя работа С. И. Мицкевича является неразрывной частицей подготовки великой победы нашей страны и всего прогрессивного человечества.